

2023

ТОМ: 4

■
ГОМЕР: 2

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 2. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 2. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 2. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том IV
№ 2.2023**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Шерве Б.

Понятие кадра в психоанализе. Функция отрицания
при осуществлении процесса последствия (après-coup) 6

Шерве Э.

Интерпретация – многоэтапный процесс 25

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОАНАЛИЗА

Россохин А. В.

Э-DEEP 38

Гайгер О. В.

Эдипов комплекс и уязвимость психоаналитика 49

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Степанова А. А., Лейкина А. С.

Психоаналитический взгляд на взаимосвязь истерии и нарциссизма 84

Благова А. С.

Концепция холодного психоза.
Сравнительный анализ белого и холодного психозов 105

Богданова А. А. В поисках архаического прошлого в психике	126
Короткова Л. В. Опературная жизнь – памятник инфантильному несексуальному	142
Изумрудова Т. В. Фетиш как перверсивное проявление в современном мире	149

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Россохин А. В. Внутренняя сила лидера	162
---	-----

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Федоренко К. Нарциссическая перверсия и объектные отношения на примере сериала «Грязный Джон»	175
--	-----

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Понятие кадра в психоанализе. Функция отрицания при осуществлении процесса последействия (après-coup)

Б. Шерве
(Пер. с фр.: О. В. Чекункова,
К. С. Васильева, К. В. Выдрина,
научная редакция: О. В. Чекункова)

Бернар Шерве – психиатр, психоаналитик, тренинг-аналитик Парижского психоаналитического общества (SPP), бывший президент Парижского психоаналитического общества, член Совета и Исполнительного комитета Международной психоаналитической ассоциации (IPA), научный руководитель Конгресса франкофонных психоаналитиков (CPLF), лауреат премии Мориса Буве, автор многочисленных статей и книги «Après-coup в психоанализе: исполнение желания и мысли».

В данной статье рассматривается такое основополагающее психоаналитическое понятие, как «кадр», а также эффект последействия (après-coup). Автор подробно рассказывает о зарождении понятия «кадр» в работах известных психоаналитиков, более подробно останавливаясь на концептуализации кадра в работах Хосе Блегера. В статье представлены клинические примеры Хосе Блегера и Бернара Шерве, иллюстрирующие процесс актуализации прошлого опыта пациента в аналитической ситуации, на примере которых можно увидеть разворачивание процесса последействия в аналитической работе.

Ключевые слова: кадр, эффект последействия (après-coup), отрицание, аналитическая ситуация, травматический опыт, свободные ассоциации, равномерно распределенное внимание, контрперенос.

Понятие кадра не встречается в текстах Фрейда и психоаналитиков первого поколения. Впервые оно было введено в психоаналитическое пространство Хосе Блегером в 1966 году в статье, опубликованной в Международном журнале психоанализа. Во Франции «кадр» впервые употребляется в 1967 году в переводе ключевой работы Блегера «Симбиоз и двойственность». В 1979 году публикуется французский перевод статьи Блегера 1966 года «Психоанализ психоаналитического кадра», в которой автор размышляет о работе во время сеанса и рассуждает о теоретических аспектах аналитического метода. О кадре мы говорим довольно свободно, опираясь на ту же логику, что и при обсуждении «аналитической техники», то есть обозначаем факт, при этом не сильно вдаваясь в подробности. Однако впоследствии и техника, и кадр оказывают значительное влияние на поведение пациента в зависимости от разворачивающихся процессов мышления.

Блегер определяет «кадр» как часть материала сеанса, которая также подлежит анализу, то есть осознанию и интерпретации его значения в психической жизни пациента. Смысл этого материала был в значительной степени оставлен без внимания как психоаналитиками, так и психиатрами, для которых термин «кадр» превратился в синоним стабильности, постоянства и непрерывности. Следуя подобной логике, кадр должен религиозно соблюдаться, как если бы нарушения наводили на мысли о смертной казни. Такой способ мышления иллюстрирует разделение между аналитическим процессом, который, как предполагается, должен быть динамическим, и кадром, призванным обеспечить постоянство и устойчивость. Мы будем исследовать соединенные в пары понятия «динамика – неподвижность» и «процесс – кадр», стараясь отделить их друг от друга.

Кадр – это не концепция, а понятие, функция которого состоит в поддержании устойчивости как страховки от рисков. Это нечто желательное стабильное и постоянное. Кадр представляет собой галлюцинаторную реализацию желания, связанного с отношением каждого пациента к прерывистости родительских функций, то есть к появлению различий, связанных с возникновением влечений, благодаря тому, что мы называем первичной сценой. В данном случае под влечениями я подразумеваю не давление, толчок в сторону какой-либо цели и объекта, а, напротив, сильную регрессивную силу притяжения, отрицательные тенденции, если хотите, к ослаблению и затуханию, характерные для всех влечений. Подобным тенденциям следует противостоять, противопоставляя им основную работу психики, обуславливающую напор влечений, психических фиксаций и в конечном счете желаний.

Необходимо подробно рассмотреть понятие кадра и уточнить его функции. Заслуживает нашего внимания и тот факт, что это понятие было принято аналитическим сообществом с особой легкостью.

В первую очередь важно подчеркнуть, что авторство этого концепта принадлежит аналитику, жизнь которого в Аргентине пришлась на эпоху максимальной политизации процессов. Блегер придерживался коммунистических взглядов и в связи с этим был активно вовлечен в политическую

жизнь. Речь идет о коммунизме 1950-х годов, идеи которого разделяли множество интеллектуалов поствоенного времени как в Европе, так и в Латинской Америке. После попытки объединения психоанализа и марксизма, с которой связывали надежды многие аналитики в период с 1950-х по 1980-е годы, Блегер отошел от политики, направив внимание в сторону психоанализа. В 1961 году Блегер был исключен из коммунистической партии, а в 1966 году опубликовал статью «Симбиоз и неоднозначность».

Несомненно, ему следовало бы самому рассказать нам об этом, что придало бы определению, сформулированному выше, больше достоверности, нежели правдоподобия. И все же происхождение этого понятия, связь, установленная самим Блегером между кадром и институтом в значении совокупности норм, массовое принятие этой концепции, призыв к стабильности и постоянству в определении понятия кадра, равно как и качества, лежащие в основе любой идеологии и убеждений, как религиозных, так и политических, – все эти элементы сводятся к одному выводу. Понятие кадра тесно связано с коллективной психологией и даже с психологией масс, поскольку он с легкостью вводится в случае, когда группе нужно принять общее решение для того, чтобы минимизировать переживания, связанные с неприятными аспектами психической реальности. Здесь я имею в виду два источника неудовольствия. В первую очередь речь идет о наличии у нас редуционных тенденций, снижающих напряжение, или, наоборот, иллюзорных тенденций, приятных на первый взгляд, однако приводящих к тем же последствиям, что и редуционные, – к неудовольствию и разочарованию. Вторым источником неудовольствия являются последствия этой предрасположенности психики к сокращению напряжения. Психическая работа необходима для того, чтобы оказать сопротивление этим тенденциям. В этом случае, как и в любом другом, когда нужно проделать работу, появляются сопротивление и неудовольствие, даже если эта работа в итоге будет сопровождаться удовлетворением и чувством гордости, которое вызывает выполненная задача. В этих нескольких словах кроется фундаментальная амбивалентность, присущая любой психоаналитической терапии, поскольку терапевтический процесс одновременно пробуждает регрессивные тенденции к сокращению напряжения и призывает к необходимости проделывать психическую работу, что вызывает не меньшее сопротивление.

Скажу несколько слов о генеалогии понятия «кадр» и метапсихологии аналитической ситуации сквозь призму истории и теории аналитического метода. Я постараюсь поразмышлять о кадре, демонстрируя, каким именно образом мы можем выстраивать теории относительно всего, что происходит во время аналитического лечения. В данном случае речь идет о том, чтобы показать и раскрыть общепринятое использование термина «кадр», чтобы проиллюстрировать его динамизм. А также поразмыслим над вопросом: почему же мы так сильно держимся за термин, чья суть отражает все что угодно, кроме динамики? Какую долю правды содержат этот термин и связанная с ним стабильность? Что это за статичность, которую он нам предлагает, и что она нам дает?

Эти размышления основываются на зарождении и эволюции понятия «кадр». Историю этого теоретического понятия можно рассматривать как клинические аспекты теории.

Итак, мы начнем с Фрейда, затем перейдем к появлению понятия «кадр» в работах Хосе Блегера, после проведем краткий обзор клинических виньеток, которые Хосе Блегер использовал для иллюстрации и обоснования своего понятия «кадр», и, наконец, обратимся к небольшой клинической виньетке из моей практики, которая представляет собой наглядный пример того, что скрывается в кадре и требует работы от пары анализант – аналитик. Эта виньетка проиллюстрирует то, как текущая ситуация с изоляцией и комендантским часом была использована пациенткой и аналитиком во благо психоаналитического процесса.

Фрейд и краткая история психоаналитического метода

Долго не останавливаясь на истоках аналитического метода, на магнетизме и «ванне Месмера», гипнозе Шарко, суггестии Бернхейма, ретрогрессии Брейера, использовании давления рук, а также на христианской вере и различных духовных практиках и обрядах инициации, напомним, что формирование теории основывалось сначала на толковании сновидений, а затем на модели игры. Также мы поговорим о том, каким образом кадр следует соотносить с эротической сценой (первосценой).

Первые очертания аналитического метода мы можем найти в тексте, написанном Фрейдом в 1903 году и опубликованном годом позднее под названием «Психоаналитический метод Фрейда». Тем не менее история формирования понятия «кадр» начинается еще в 1895 году с зачатков зарождения психоанализа в «Исследовании истерии». Именно тогда Фрейд вводит в качестве основного элемента анализа пассивность аналитика. Когда Эмма фон Н. просит Фрейда замолчать, перестать задавать ей вопросы и позволить ей говорить, Фрейд отвечает на эту просьбу знаменитой формулой: «Я согласен».

Это согласие радикальным образом влияет на психические процессы, происходящие в анализе, поскольку активное воздействие гипноза или внушения уступает место спонтанной речи пациента и молчанию терапевта, то есть психическим процессам, которые могут осуществляться только в пассивности, в пассивности пациента по отношению к тому, что происходит у него внутри.

Пассивность участвует в создании свободных ассоциаций. Речь идет о том, что появляется возможность говорить спонтанно, то есть в этом случае речь становится восприимчивой к бессознательному и к травматическим характеристикам, передаваемым бессознательным, именно эти травматические качества обозначаются фразой «по ту сторону принципа удовольствия». Такая спонтанная свободная речь очень восприимчива к регрессивным зонам притяжения бессознательного, с которыми она находится в связи, благодаря чему появляется материал, напоминающий симптом, но из-за аналитической ситуации и основного правила

психоанализа он таковым не является. Такая свободная речь делает возможным слушание с равномерно распределенным вниманием.

В 1904 году Фрейд впервые начинает использовать кушетку. Он подчеркивает, что речь идет о необходимости поместить пациента в такие условия, где бы у него отсутствовало мышечное напряжение и не было никаких сенсорных стимулов, способных отвлечь внимание пациента от своей собственной психической активности. Описывая эту новую организацию кадра, Фрейд на самом деле говорит о регрессивной психической активности обоих участников аналитического процесса, вызванной соблюдением основного правила. Он соотносит психические процессы, лежащие в основе образования симптомов, и психическую активность, осуществляемую во время работы сновидения, с процессами, разворачивающимися во время свободного ассоциирования, а также во время слушания с равномерно распределенным вниманием.

А общим знаменателем всех этих процессов выступает пассивность, неотъемлемая часть основного правила. Кадр делает возможным регрессию психической деятельности к пассивности. Он определяет психические процессы, происходящие в тишине, и вызывает свободные ассоциации и равномерно распределенное внимание. Молчаливая работа психических процессов и регрессивная психическая деятельность пассивности связаны между собой так же, как состояние сна и сновидение, родительская скрытность и игра, социальная нейтральность и эротизм. В этой связи можно сказать, что ментализация во время аналитической сессии является хранителем кадра.

Основное правило психоанализа ясно формулируется Фрейдом еще в 1904 году, однако ему предстоит преодолеть определенный путь, чтобы в 1939 году быть преобразованным в общеизвестную формулу: «абсолютная искренность, с одной стороны, сдержанность и строжайшая конфиденциальность – с другой». Таким образом, правило распространяется на обоих участников анализа и приводит к работе двух психических механизмов, обозначаемых выражениями «свободные ассоциации» и «равномерно распределенное внимание».

Правило было более или менее ясно сформулировано еще в 1895 году, как и необходимость свободного ассоциирования, но только в 1912 году, после того как Фрейд включил в психоаналитический метод понятие контрпереноса, он закрепляет формулу, определяя мыслительный процесс аналитика как равномерно распределенное внимание.

Затем во всех так называемых технических статьях вплоть до 1913 года говорится о взаимосвязи технического протокола и пары «вытеснение – возвращение вытесненного», а позднее о связи между этим же протоколом и контринвестированием, осуществляемым за счет нарциссического повторения.

На протяжении всего этого периода говорилось о формальной регрессии речи во время сессии, которая позволяла пациенту стать ближе к своему бессознательному, в результате чего появлялись свободные ассоциации, представляющие собой спонтанную речь, характерную для

аналитических сеансов, со случайными мыслями, сновидениями и другими событиями, появившимися под воздействием формальной регрессии.

Равномерно распределенное внимание также оказывает благоприятное воздействие на приближение к бессознательному, оно также сохраняет связь с теорией психического функционирования, связь, благодаря которой могут возникать интерпретации и конструкции. Как уже упоминалось, эти два способа мышления могут быть теоретически осмыслены только после интеграции пассивности в аналитическую практику.

Эти способы мышления раскрываются у каждого из участников анализа только в состоянии пассивности. «Позволить себе ждать» необходимо так же, как и «позволить себе подчиниться» под влиянием как внутренних процессов, так и речи другого. Эти два способа мышления относятся к регрессивной психической деятельности пассивности, как в сновидении, игре и сексуальности, которые оказываются необходимыми элементами для разработки теории аналитической практики.

Таким образом, аналитический метод базируется на фундаменте, включающем в себя следующие основополагающие элементы: свободные ассоциации и равномерно распределенное внимание, обусловленные основным правилом. Он состоит из технического протокола с его модификациями и сложной процедурой, представляющей собой психические процессы пациента и аналитика, способствующей появлению свободных ассоциаций и равномерно распределенного внимания. В дальнейшем термин «кадр» будет относиться как к техническому протоколу, так и к мыслительным процессам каждого из участников аналитического процесса. Так выглядит идеальная аналитическая ситуация. Но для чего нужно называть это динамическое целое термином «кадр», обозначающим статичность? На самом деле на аналитический процесс, в том числе и на технический протокол, влияет динамика переноса, поэтому протокол временно выступает в качестве кадра мышления до тех пор, пока на смену не придут мыслительные процессы. Время от времени протокол и кадр накладываются друг на друга. В этих условиях, как мы понимаем, может произойти пробуждение травматизма, когда технический протокол более или менее грубо атакуется и пациент оказывается застигнутым врасплох. Однако кадр впоследствии заменяется процессами мышления. То, что было вытеснено или отрицалось, будет постепенно возвращаться с большей или меньшей силой в процессе лечения.

Эта функция технического протокола, который представляет собой временные мыслительные процессы, внезапно проявляется, когда снимается отрицание, а при идеальном стечении обстоятельств эта функция должна постепенно заменяться психической работой на базе предсознательного и психического аутоэротизма. Резкое устранение отрицания чревато дикой интерпретацией и нарушением кадра. Таким образом, кадр оказывается неотъемлемой частью вытеснения и отрицания и фактически служит способом их выражения.

Именно работы периода 1920-х годов позволяют нам лучше понять термин «кадр» и связанную с ним статичность. В них вводится и теоретически осмысливается аспект, который ранее не рассматривался, – использование

восприятия. Стабильность технического протокола обеспечивает определенную степень постоянства для восприятия, что не только способствует уменьшению его роли и облегчает психическую работу, но и предоставляет эндогенным травматическим переживаниям возможность вначале использовать восприятие осязаемой реальности в антитравматических целях и таким образом противодействовать стремлению восприятия к угасанию. Поэтому возникает необходимость установить и поддерживать отрицание восприятия нехватки. Эта перцептивная настройка на начальном этапе сопровождается отрицанием реальности существования нехватки. Только на следующем этапе отрицание будет устранено и уступит место процессу ментализации, где будет учитываться эта реальность нехватки. На первом этапе, однако, ментализация будет игнорировать отрицаемую травму. Таким образом, кадр выполняет двойную функцию по отношению к основному правилу, одновременно и способствуя, и препятствуя работе ментализации. История формирования метода показывает нам, что то, что называется кадром, никогда не является материалом для ментализации и теоретизации аналитической ситуации. Кадр рассматривается как то, что обезвоживается в ходе сессии и даже не включается в мышление аналитика. В этом случае приходится говорить о контрпереносе, предшествующем самому анализу и являющемся не только контрпереносом аналитика во время сеанса, но и контрпереносом, обусловленным текущим состоянием теоретизации.

Обращение к понятию кадра происходит в тот момент, когда аналитик теряет связь с реальностью нехватки, в частности, когда он забывает, что то, что говорит пациент, исключает значительную часть того, что в достаточно интенсивной форме проявится в будущем. Именно тогда приходится говорить о понятиях «разрыв кадра» и «трансгрессия кадра». Уточним, что такое забывание со стороны аналитика является частью любого анализа. Действительно, принцип удовольствия имеет тенденцию занимать центральное место во время аналитического сеанса, с чем и связано, как правило, кратковременное игнорирование существования в психике тенденций, имеющих травматическую экономию и ускользающих из материала, принесенного пациентом на сеанс. Возвращение этих травматических качеств приводит к переживанию ощущения разрыва кадра в том месте, где неожиданно проявляется новый клинический материал, несущий в себе травматические качества, но вместе с тем и потенциал для проработки. Этот краткий исторический обзор показывает нам, как эволюция аналитического метода тесно связана с эволюцией теории психического функционирования.

Согласно теории толкования сновидений, свободные ассоциации во время психоаналитического сеанса представляют собой формальную языковую регрессию и исполнение бессознательного желания, стремящегося стать сознательным, а интерпретация представляет собой приглашение к реализации этого желания благодаря сверхинвестированию по отношению к языку, во время сеанса происходит дневной отказ от принципа удовольствия, к которому относится галлюцинаторная реализация желания,

в пользу осознания. Затем свой вклад в развитие теории психоаналитической практики вносит отсылка к детской игре.

Повторение сеансов, подобное «игре в катушку», и повторение, которое содержат в себе свободные ассоциации, предназначены для формирования психических процессов, необходимых для проживания расставаний и потерь. Интерпретация помогает завершить формирование психических процессов, необходимых для осознания и дальнейшего разрешения эдипова комплекса и способности проделывать работу горя по потерям в будущем.

Сновидение и игра, первые основополагающие элементы психоанализа, отражают модель психического функционирования, организованного в соответствии с процессом последствия (*après-coup*), происходящего в два этапа. Сновидение и игра – это сцены, разворачивающиеся между двумя этапами, во время которых происходит регрессивная психическая работа. Аналитические сеансы служат той же цели, опираясь на язык и языковую регрессию, происходящую в процессе. В сновидении используются образы, в игре – материальные объекты, на которые переносятся бессознательные психические процессы, что придает игровым объектам анимистическое значение.

Таким образом, в ходе сеанса реализуются бессознательные желания, а мыслительные процессы выстраиваются согласно принципу удовольствия и избегания неприятных переживаний, за которыми следуют процессы, связанные сначала с отказом от внутренней травмирующей реальности, а затем ее признание. Но простое повторение может трансформироваться в навязчивое повторение, поэтому необходимо признать активное влияние на аналитическую сессию и других факторов, помимо стремления к галлюцинаторной реализации инфантильной сексуальности и к формированию нарциссизма посредством идентификаций.

Клиника военных неврозов, посттравматических неврозов и связанных с ними повторяющихся сновидений, развивающаяся, в частности, у солдат после их возвращения с войны и преимущественно у солдат, которые не были физически ранены, а также клиника всех интенсивных травматических переживаний и клиника психоаналитического лечения будут использованы для теоретического осмысления того, что находится «по ту сторону» принципа удовольствия. В любом аналитическом лечении сопротивление проявляется в форме навязчивого стремления к уменьшению напряжения и желания закрепиться на уровне перцепции.

Эти клинические элементы позволили дополнить теорию психоаналитической практики новым качеством влечений, той тенденцией к сокращению напряжения, о которой говорилось выше, тенденцией к восстановлению предыдущего внутреннего состояния, вплоть до неорганического, безжизненного. Таким образом, влечения теперь являются носителями травматического качества, обусловленного их регрессивными характеристиками к сокращению напряжения. Регрессия может быть вызвана внешними обстоятельствами и внешними ощущениями, но также может и спонтанно проявляться изнутри в виде разнообразных ощущений – дискомфорта, страха, переживания угрозы, тревоги, растерянности,

отчаяния, нехватки, боли. Реальный источник травмы теперь внутренний, но лечение этой регрессивной тенденции к сокращению требует ее переноса на внешние сцены, которым приписывается травматическое происхождение. Этот перенос осуществляется под воздействием требования к удержанию, противостоящего тенденции к угасанию, сокращению напряжения, благодаря закону регистрации психического опыта, обеспечивающему его сохранение. На этой основе строятся все простые детские фобии, которые противодействуют тенденции к сокращению напряжения, благодаря наличию связи с чувственным восприятием и с мнестическими следами опыта восприятия. Таким образом, первое психическое удерживание, сохранение психического опыта образуется посредством развития чувств и репрезентаций. Это время удерживания представляет собой первую стадию ментализации. Она включает в себя тело и его аффективные и чувственные переживания. В это время образуется напряжение от удерживания, лежащее в основе формирования первичного мазохизма, из которого развиваются мысли и желания. Речь идет о мазохизме отказа. Удерживание же отказывается от сокращения напряжения. Эротическая сцена может послужить наглядным примером следствия открытия нового качества влечений в аналитической практике. Во время такой сцены происходит регрессия, доходящая до переживания угасания напряжения. Сновидения противостоят этим тенденциям своими образами, свободные ассоциации – использованием языка. Эротическая сцена осуществляет регрессивную психическую работу посредством чувственной регрессии, определяющей прелюдию. Эрогенная чувственность регрессирует до сексуальности органа. Во время этой чувственной регрессии присутствует конфликт между тенденцией к снижению напряжения и тенденцией к стремлению осуществлению желания за пределами всякого напряжения путем объединения двух чувственных регрессий, которые усиливают друг друга. Этот конфликт разрешается парой «наслаждение – оргазм». Тенденция к угасанию прослеживается как в виде уменьшения напряжения, так и в виде отсутствия реакции на стимул, что является пределом регрессии. Невосприимчивость к стимулу максимально близка по своему значению к тенденциям к угасанию, но это качество также представляет собой предел, преграду, но и фундамент, на основании которого могут возродиться желание и эрогенная чувственность. Регрессия в виде отсутствия возбуждения и реакции на стимул – это удерживание на самом пределе, которое обеспечивает протекание процесса совместного либидинального возбуждения и приводит к восстановлению либидо и увеличению желания.

Во время аналитического сеанса эти процессы проявляются в виде языковой регрессии. Чувственная регрессия, переживаемая пациентом на кушетке, происходит под воздействием, с одной стороны, реального физического телесного присутствия аналитика и пациента во время сеанса и фрустрации, связанной с принципом абстиненции, с другой. Эта чувственная регрессия проявляется в содержании ассоциативной речи, а также вовлекается и в сам процесс ассоциирования, в его стиль, представляет собой один из источников ассоциативности.

Эти источники ассоциативности представлены различными частями тела с их более или менее свободной эрогенностью. В процессе анализа проговариваются сцены, которые не могут быть реализованы во время сеанса, кроме как в виде речи, ограничивающей возможность для дальнейшего развития этих сцен. Таким образом, психоанализ позволяет видоизменить эрогенность тела пациента и, соответственно, его сексуальную жизнь вне сеанса. Аналитическая ситуация повторяет ту, благодаря которой эта чувственность возникла, а затем разрешилась в детстве через эдипов комплекс, когда ребенок, находясь в близком контакте с телами родителей, не использовался ими в качестве сексуального объекта. Отцеубийство, стоящее у истоков эдипового горя, не может быть совершено *in absentia* (заочно).

Укрепляя вербальное выражение и связь с сознанием (сделать сознательным, стать сознательным, осознавать) трансгрессивных влечений, которые ведут к угасанию, сокращению напряжения, работа аналитического сеанса регулирует процесс совместного (аналитика и пациента) либидинального возбуждения, который может быть успешным только в том случае, если со стороны Сверх-Я эффективно действует принцип отказа, с помощью характерного для него сверхинвестирования. Таким образом, аналитический сеанс, благодаря использованию языка и усилению языковых средств выражения, делает возможным работу со сновидениями, играми и эротизмом.

Безусловно, угасшее влечение будет стремиться проявить себя в сновидениях, играх, эротических сценах и в аналитической ситуации и будет принимать форму того, что мы называем «симптомами» и «сопротивлениями». С этим и связаны особенности психической работы, характерные для каждой из этих сцен аналитического процесса, которые дополняют и усиливают друг друга. С этим связаны также всевозможные ускользания, искушения и потенциальные нарушения правил. Введение основного правила говорить все, что приходит в голову, то есть озвучивать эти сцены во время сеанса, представляет собой сообщение о том, что для них есть свои особые места за пределами аналитического сеанса и что их озвучивание на сеансе способствует укреплению их места вне аналитических сеансов.

Все четыре сцены – сновидение, игра, эротизм и аналитический сеанс – представляют собой регрессивную психическую активность, для их оптимальной реализации требуются, как я уже указывал, участие пассивности и опора в виде языковых инвестиций. Все они запускаются за счет отрицания части чувственной реальности, то есть отрицания существования нехватки. Это изначальное отрицание служит для того, чтобы ограничить пробуждение тенденции к угасанию, вызванной восприятием внешних опасностей, а также для более эффективного учета внутреннего происхождения тревог, с целью их изменить, благодаря возможности вступить в контакт с вытесненным материалом. Этот аспект особенно четко прослеживается в связи появлением доступа к открытию различия полов. Приближение к открытию различия полов осуществляется благодаря проявлению двух различий, а именно противопоставлению

двух пар – «мужское – женское» и «наличие – отсутствие», или «фаллическое – кастрированное». Изначально травматический аспект отрицается в пользу конструирования мужского и женского. На первой стадии, которую можно назвать инфантильной, признается только мужское, а женское связывается с отсутствием, кастрированностью. Это фаллическая стадия. Затем, на следующем этапе, происходит дифференциация женского и травматического. Именно тогда мужское и женское могут соединиться, при этом не отрекаясь от наличия травматического аспекта. Это путь развития комплекса кастрации. Одним из возможных камней преткновения в этом процессе может стать бисексуальность, которая используется для отрицания травматического.

Посредством отрицания эти четыре элемента – сновидение, игра, эротизм и аналитический сеанс – образуют связь с психозом. Это проявления нормального, временного, обратимого и даже полезного психоза. Под защитой такого отрицания на начальном этапе аналитической работы происходит насыщение сознания двух участников аналитического процесса для того, чтобы держать на расстоянии эндогенные проявления нехватки и укрепить психическую работу латентности, что позволяет на втором этапе работы столкнуться с этой частью отрицаемой реальности, с ощущением нехватки.

Такое обратимое отрицание основывается на определенных качествах окружающей среды, представляющих условия для протекания этих четырех сцен аналитического процесса, включая более или менее строгую изолированность и более или менее гибкую стабильность. Латентность социальных связей и части вторичного процесса являются одними из необходимых условий. В любом случае эта психическая работа осуществляется в соответствии с двухэтапным процессом последствия (*après-coup*).

Посредством галлюцинаторного способа сновидения создают тождества восприятия, которые навязывают ощущение, будто существует только один мир. Детская игра также призвана создавать неомир или неореальность. Чувственный регресс во время эротической сцены в свою очередь приводит к насыщающему обострению сексуальности органа. Таким образом, влюбленные пребывают в совершенно ином мире.

Все эти регрессивные действия направлены на облегчение работы латентности, центральным элементом которой является процесс взаимного возбуждения и восстановления либидо. Речь идет об использовании тенденций к сокращению напряжения для того, чтобы вписать влечения в психику, сохраняя при этом и восприимчивость влечений к регрессии, и их направленность на объекты во внешнем мире. Эти регрессивные влечения выражаются двумя способами: стремлением уменьшить болезненное напряжение, созданное отказом, и стремлением преодолеть его путем принятия идеала. В лучшем случае этот конфликт разрешается за счет активизации либидинального инвестирования, которое таким образом создается и высвобождается. Аналитический сеанс начинается с открытия навстречу объекту через обнаружение желаний другого – носителя отказа, который участвовал в появлении желания.

Хосе Блегер и понятие кадра

Хосе Блегер дает кадру следующее определение: «это четкая установленная форма организации процесса, о которой договариваются психотерапевт и пациент, необходимая для того, чтобы сформировать их аналитические отношения, которые отличаются от других видов психотерапии». Кадр представляет собой определенный набор прописанных условий, обеспечивающих психоаналитический процесс. К кадру-протоколу Блегер добавляет кадр-симбиоз с матерью, то есть, соответственно, внешний и внутренний кадр. По его мнению, кадр-протокол и кадр-симбиоз могут быть благоприятными и/или губительными для осуществления анализа. Блегер подразделяет аналитическое пространство на неизменный кадр и динамический процесс, полный вариаций. Эта концепция, отделяющая кадр с его постоянством от процесса с его разнообразными изменениями неявно заметна, в частности, в рекомендации аналитикам, проходящим обучение, «хорошо держать кадр». Во время подведения итогов по окончании процесса обучения часто анализируются способность кандидатов «удерживать кадр» и связанные с этим риски развития ригидности, скрывающей контрпереносные фобические проявления. Эта внешняя стабильность имеет еще одну положительную функцию: она делает возможным первый этап отрицания, который облегчает регрессивную психическую работу, необходимую для снятия на втором этапе первоначального отрицания. Стабильность и постоянство, таким образом, создают благоприятные условия для появления внутреннего материала и возвращения вытесненного, которое будет постепенно прорабатываться. Но кадр также является объектом переноса всех видов сопротивления и защит для содействия процессу вытеснения. Он оказывается местом хранения и даже «захоронения» еще не переработанного материала.

Предполагается, что в идеале его временная функция постепенно заменяется работой ментализации, обеспечивающей контринвестирование угасающих импульсивных тенденций. Таким образом, пара «постоянство – изменчивость» имеет временное предназначение. Фактически кадр двойственен: он одновременно создает и благоприятные условия, и препятствия. По мере укрепления ментализации функции стабильности, поддерживаемые кадром-протоколом, сменяются восприимчивостью к психической работе. Чем больше разворачивается работа мышления, тем меньше психика будет нуждаться в первоначальной стабильности протокола.

Пять клинических виньеток Хосе Блегера

Хосе Блегер предлагает нам пять очень коротких клинических примеров, чтобы проиллюстрировать то, что он понимает под термином «кадр». Эти пять примеров очень разнообразны и сохраняют в себе черты двойной природы кадра: одна сторона представляет собой защитные возможности, или даже сопротивления, представленные и помещенные в аналитическую ситуацию, другая сторона представляет собой скорее хранителя

потенциала для будущей проработки, для возможности осуществления которой какое-то время необходимо побыть в неподвижном состоянии.

Первая виньетка. Господин А. Речь идет о пациенте, который рассказывает на сеансе о своих поисках квартиры. Во время сеанса он сообщает, что неожиданно узнал (Хосе Блегер отмечает: «случайно»), что его аналитик только что сам купил квартиру. Затем пациент упрекает своего аналитика в том, что тот не рассказал ему об этом. С этого момента материал приобретает персекуторный характер. Пациент выполняет свою ассоциативную работу, продолжая воспроизводить то, что в его упреках уже присутствовало в форме воспоминаний. Он связывает эти упреки и чувство преследования с тем, что его родители систематически спрашивали его мнение по поводу их планов.

На основании этого материала можно сделать вывод о том, что в детстве у пациента сформировалась вера и убежденность в том, что он полностью включен в родительскую первосцену и что его невозможно из нее исключить. Таково содержание его воспоминаний. Во время сеанса возвращается отрицание того, что он в детстве был исключен из первосцены. Это убеждение оспаривается во время сеансов. Мы являемся свидетелями появления воспоминаний об отрицании отсутствия его родителей, их жизни в паре и вытеснения всего его опыта исключенности и необходимости обратиться к своему аутоэротизму и психической работе, способствующей его становлению как субъекта. Объект рождается в ненависти.

Как Хосе Блегер называет кадр в этой ситуации?

Речь идет о «сговоре», которого желает и который создает этот пациент, возможно с участием родителей, о его убеждении, основанном на его отрицании реальности существования его родителей как пары, на которую он мог сместить внутреннюю первосцену, то есть процесс, запущенный источниками его влечений.

Таким образом, мы видим, что во время сеанса используется реальность аналитика, воображаемая или более или менее обоснованная, которой пациент придает значение абсолютной реальности и на которую он переносит осколки своего детского отрицания. Он нарушает кадр, который вынуждает его соприкоснуться с травматическим опытом, на что он реагирует довольно обычным способом: преследованием, упреками, обвинениями, частично обоснованными, поскольку сам анализ и аналитик действительно ставили под сомнение то, что скрывается под понятием кадра. Таким образом, кадр является механизмом обездвиживания и антитравматического подавления, который после того, как он будет разрушен, следует заменить другими механизмами – новыми воспоминаниями, способствующим развитию анализа.

Второй клинический случай, представленный Хосе Блегером, – это случай пациентки, которая, будучи ребенком, жила в постоянных переездах. Этого требовала профессия ее родителей, при этом мы не знаем, чем были обусловлены эти переезды. В детстве ее отрывали от привычного места, она постоянно теряла своих друзей и свои опоры.

В ходе анализа обнаруживается момент, который она держала в тайне от всех с раннего детства: она носит с собой картинку как выбранный ею осязаемый образ реальности, обеспечивающий ей стабильность.

Мы снова видим здесь движение от перцепции с опорой на нее и анти-травматическое использование перцепции с помощью обездвигивания, которая обретает значение стабильного и сохраняющего вытеснения. Возможность будущей проработки на втором этапе может быть реализована только благодаря «пробуждению» травматического опыта, напоминающему первоначальный. Именно анализ делает возможной эту проработку первой травмы через обращение ко второй, по аналогии связанной с первой, как это классически бывает в процессе последействия. Процесс переработки начинается с рассказа о факте переездов, а затем появляется материал о компульсивном повторении, в которое внесла вклад психика родителей пациентки. Понятие кадра снова отсылает к механизму обездвигивания, к первому этапу последействия и к анти-травматическим решениям, которые представляют собой попытку уцепиться за восприятие осязаемого элемента и к отрицанию восприятия отсутствия. Кадр служит тому, чтобы заполнить или найти значимые реальные следы восприятия, за репрезентации которых можно зацепиться, прежде чем нейтрализовать связь, существующую между нерепрезентируемым восприятием отсутствия и регрессивными влечениями, направленными в сторону сокращения травматических переживаний ужаса и тревоги.

Третий клинический случай, предложенный Хосе Блегером, – это случай пациента г-на З., который родился в очень богатой семье, но которому по причинам, не указанным в тексте Хосе Блегера, суждено было пережить крах, разрушение семьи с потерей прежнего образа жизни. Пациент, сын этой семьи, построил свою жизнь на основе мифомании. Он жил совсем не по средствам, чтобы поддерживать преемственность между своей нынешней жизнью и жизнью прошлой, в то время как его родители стали ограничивать себя. Постепенно опыт разорения активизируется во время сеансов в том числе в виде отреагирования. У пациента возникают финансовые трудности, он больше не в состоянии оплачивать сеансы, а анализ рискует повторить его судьбу и тоже потерпеть крах. Пациент решил, что его судьба – поправить дела своей семьи, однако он достиг предела и мог прийти к выводу, что анализ ему не помог. Кадр определяется его надеждой на то, что анализ позволит ему отрицать разрушенное детство и разорение семьи.

В четвертой виньетке речь идет о пациентке, которая никогда не пожимала руку своему аналитику – ни когда приходила, ни когда уходила, в то время как Хосе Блегер привык обмениваться со своими пациентами рукопожатиями.

Забеременев, она перестала здороваться и прощаться.

Это также вариация кадра, привнесенная пациентом, которая не является частью обычного протокола аналитика и не относится к местным социальным нормам. Таким образом, речь идет о принадлежащем пациенту

материале, который воспринимается аналитиком, но не превращается в объект ассоциаций во время сеанса.

Кадр определяется разрывом между протоколом, установленным пациенткой, и общепринятыми социальными нормами, поощряющими поведение, которое, будучи коллективным, теряет свой первоначальный сексуальный смысл, как, например, рукопожатие, поцелуи и формулы вежливости, которые дети используют для восстановления контакта с их инфантильной полисемией.

Термин «кадр» здесь относится к материалу, привнесенному пациенткой и оставленному аналитиком без расспросов и размышлений до тех пор, пока определенные вариации не приведут к необходимости рассмотрения его как части материала и со стороны аналитика, и со стороны анализанта. В случае этой пациентки присутствует некое отрицание, даже совокупность навязываемых ею аналитику отрицаний, касающихся ее отступления от социального кода. Таким образом, их сексуальное значение замалчивается.

Во время беременности начинает проявляться не принимаемая ранее в расчет фобия контакта с другим. Тот факт, что беременность приводит к модификации этой фобии, позволяет выдвинуть гипотезу о проявлении инфантильной сексуальности: «рукопожатие есть способ зачать детей». С другой стороны, во время беременности эта теория приобретает более отчетливое сексуальное оформление: «поздороваться – значит заняться любовью». Малейший контакт, таким образом, выявляет сексуальный и, очевидно, инцестуозный подтекст с устранением принципа десексуализации, участвующего в формировании социального поведения, проявляющегося, например, в вежливости.

Таким образом, именно эта вариация, вносящая коррективы в кадр, позволяет нам еще раз убедиться, что то, что мы называем кадром, в процессе последствия оказалось неосмысленным и обездвиженным материалом.

Пятая клиническая виньетка, рассмотренная Хосе Блегером, описывает пациента-супервизанта. По просьбе пациента терапевт согласился общаться с ним на «ты». Развитие анализа становилось все больше сложным. Затем супервизант воспользовался своей супервизией для того, чтобы попытаться вырваться из повторяющегося и вялого аналитического процесса.

Именно неспособность принять во внимание определенные вариации, привнесенные пациентом в качестве материала для клинического исследования, в очередной раз определяет понятие кадра. Фактически сам принцип психоанализа и основное правило были модифицированы пациентом на основании его предыдущего опыта идентификации; навязанные модификации кадра, таким образом, представляют собой воспоминания. Здесь мы видим сговор между аналитиком и пациентом, в основе которого скрыт сговор, навязанный родительскими инстанциями пациента; в это соучастие, вероятно, включены и воспоминания аналитика.

Просьба со стороны пациента называть его на «ты» не была рассмотрена в качестве материала сеанса. Супервизия позволила вновь ввести это значение материала и восстановить истинный кадр, который представляет собой процесс мышления двух протагонистов. Очевидно, речь идет не о том, чтобы просто перейти от того, чтобы привычно называть друг друга «на ты» к более формальному обращению на уровне поведения, а о том, чтобы осмыслить это «навязывание» со стороны пациента и это «принятие» со стороны аналитика.

Все приведенные выше примеры демонстрируют, что то, что мы называем кадром, одновременно является и защитным обездвиживанием, которое содержит в себе потенциал для дальнейшего движения при условии, что то, что было обездвижено в первый раз, будет возвращаться с использованием процессов мышления и реинтегрирует динамику мышления в аналитическую ситуацию.

Клиническая виньетка, пример работы аналитика во время карантина: фобия человеческого тепла

Описанные ранее клинические примеры дали возможность ощутить, что собой представляет работа ментализации во время сеанса, благодаря которой исключенный до этого из психической динамики материал может ярко и ощутимо заявить о своем присутствии.

Контекст клинической ситуации, которая будет представлена, отчетливее обычного иллюстрирует проявление в ходе сеанса тревожного невроза, подкрепленного травматическим неврозом и создающего мазохистическое напряжение. Этот контекст – пандемия 2020–2021 годов.

Молодая женщина решает обратиться к анализу и выбирает аналитика, который жил далеко от ее дома, чтобы избежать рисков столкнуться с ним в городе, где она живет. Таким образом, ее путь из одного города в другой становятся частью «кадра», в установлении которого она принимает участие. Начинается клиническая работа с включением фактора расстояния, а расстояние превращается в материал.

Процесс анализа разворачивается. С каждым разом пациентка все сильнее опаздывает. Поэтому часть сеансов проходит в форме отреагирования, связанного с ее перемещением. Пациентка приносит много материала, однако нет ничего существенного относительно этих изменений конкретных аспектов сеансов: времени проведения сеансов и продолжительности присутствия на сеансе. Аналитик вынужден размышлять над тем, что происходит, и обращается к теории.

Карантин приводит к изменениям в протоколе. Сеансы проходят по телефону, пациентка звонит в назначенное время, продолжительность сеансов, как и оговаривалось, составляет 45 минут.

По окончании карантина сеансы возвращаются к очному формату. Сама пациентка удивлена, насколько ценными оказались для нее эти 45-минутные сессии, и рада тому, что смогла извлечь пользу из полноценных сеансов в период карантина. Едва выразив это изумление, поддержанное аналитиком, пациентка сообщает, что у нее только что промелькнула мысль о

тепле кушетки, вызванном присутствием предыдущего пациента. Ей это не нравится. «Выбранный факт» начинает вырисовываться, формируется ассоциативно из ощущений во время сеанса, которые охватывают фантазматические и исторические пласты, присутствующие в мире этой женщины, перенесенные на восприятие, найденное/созданное в рамках сеанса. Проявляется и выражается фобия контакта, боязнь тепла. Тепло соблазнительно. Хотя предпосылки и причины этой фобии относятся к докарантинному периоду, именно отсутствие возможности встречи с аналитиком поспособствовало переносу этой фобии на конкретные элементы аналитической ситуации. Опоздания приобретают новый смысл.

Разумеется, у аналитика возникнет целый ряд соображений, касающихся этой фобии, переноса ее на сеансы с помощью перцепции, но также и относительно контекста появления дистанции, актуализирующего эдипов запрет и детские фобии контакта. Признаки присутствия предыдущего пациента вызывают в памяти контакт с братом в детской спальне, а использование элемента перцепции из настоящего свидетельствует о наличии интенсивной травматической связи с первосценой, актуализированной во время сеанса по причине периода карантина и связанного с этим дистанцирования.

Однако в рассуждениях аналитика нет конкретных элементов, связанных с пациенткой. После нескольких сеансов пациентка вспоминает многократно повторявшиеся эпизоды своего детства, о которых она всегда помнила, но которые не прорабатывала в предыдущих сеансах. У ее матери был любовник, она брала дочь с собой на прогулки, но на самом деле отправлялась на встречу с ним, оставляя дочь ждать в соседней комнате. Смысл расстояния и перемещения становится более понятным.

С точки зрения психологического подхода, пациентка вынуждает своего аналитика переживать то, что пережила сама: вынуждает его ждать ее, как она, будучи дочерью, ждала сама, таким образом превращая себя саму в место первосцены. В таком упрощенном виде представлен перенос через оборот в виде идентификации с агрессором, таким же образом рассматривается манифестное содержание. Эта логика часто позволяет интерпретировать детские игры, когда, например, дети по возвращении из школы играют в куклы.

Пример детской игры с катушкой «Fort/Da!!!» свидетельствует о том, что пациент с помощью повторения воспроизводит внутренние травматические события в попытке выстроить процессы, позволяющие ему избавиться от отрицательного воздействия этого травматического качества. Такое повторяющееся действие также включает в себя сопротивление выстраиванию этих процессов.

Таким образом, пациентка воспроизводила на сеансах ситуацию из прошлого: маленькая девочка отправлялась на прогулку с матерью, которая встречалась с любовником и заставляла дочь ждать. Воспоминание об этой сцене проявляется через перенос и ощущение тепла, это воспоминание о тепле ее матери, сливающимся с теплом ее любовника. Тепло, обнаруженное ей во время сеансов, относится к фантазиям о том, чем занимается ее аналитик до ее прихода. Таким образом, она восстанавливает

через перенос фантазм о первосцене, из которой она была исключена, но в которой она тем не менее участвовала, через ожидание. Разумеется, ее отношения с устраненным из ситуации отцом находятся на заднем плане, не имея возможности материализоваться в данный момент. Эта клиническая виньетка будет дополнена затем другими материалами, касающимися ее семейной жизни, личности ее матери, отца и т. д.

Если бы аналитик настоял на ригидном соблюдении протокола-кадра, этот материал не возник бы и не был бы проработан. Напротив, нужно было поддерживать инвестирование повторявшихся опозданий пациентки, рассматривая их в качестве материала для того, чтобы проработка этого материала как отказа от пребывания в первосцене смогла произойти. Мы становимся свидетелями истинного процесса последствия. Недавняя «созданная-найденная» сцена (тепло кушетки) прокладывает путь к эпизоду из прошлого, способствует изменению травмирующего качества старого эпизода (ожидание матери, занятой своим любовником). Мы обнаруживаем в этом травматическое качество с двумя степенями интенсивности, причем фобия позволяет достичь более давнего, гораздо более регрессивного качества. Суть кадра состоит в том, что аналитик рассматривает все, что происходит во время сеанса, как потенциальный психический материал. В процессе последствия созданный-найденный материал встраивается в цепочку, соединяясь с опытом из прошлого благодаря процессу ментализации: расстояние, транспорт, прогулка, любовник, тепло, репрезентация первосцены, отказ от угасающего регрессивного влечения, переживаемого как угроза исчезновения.

Эта небольшая клиническая виньетка с последовательностью элементов показывает, что то, что мы называем кадром или протоколом, скрывает в себе пока еще не проявленный материал. Ощущение тепла кушетки от предыдущего пациента позволило этой пациентке освободиться от ощущения тепла из первосцены своего детства, в плену которого она пребывала.

Рассмотрение теории и клинической практики позволило нам установить, что понятие кадра относится к тому, что обездвижено и что хранится в пассивном виде, в молчании. Его важнейшая функция – уменьшить травмирующее воздействие восприятия различий и предложить антитравматический механизм, действующий на внутренние источники травматизма до тех пор, пока психическая работа не придет ему на смену.

Кадр включает в себя все, что не проявляется в ходе сеанса, протекающие психические процессы, все, что находится в латентном состоянии, все, что ожидает проявления в сознании и в предсознательном, а вместе с тем и все, что вытеснено и исключено из процесса проработки и остается в состоянии регрессивной экономии. Определяемая основным правилом работа в ходе сеанса постепенно преобразует материал, остающийся невысказанным, в материал, подлежащий осознанию, и в процессы, способные принести результат. Кадр включает в себя как само основное правило, так и сопротивление ему, которое предположительно требует включения в работу регрессивных психических процессов, характерных для

пассивного состояния, благодаря чему материалы, подвергшиеся регрессивным влечениям, могут модифицироваться и ментализироваться.

Таким образом, кадр выполняет тройную функцию: он занимает место исключенного третьего, является хранителем будущих возможностей и представляет собой сопротивление регрессивным влечениям.

The concept of a frame in psychoanalysis. The denial function in the après-coup process

B. Chervet

**(Translation from French: O. V. Chekunkova,
K. S. Vasilieva, K. V. Vidrina,
scientific editorial O. V. Chekunkova)**

Bernard Chervet, psychiatrist, psychoanalyst, training analyst of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), former president of the Paris Psychoanalytic Society, member of the Council and Executive Committee of the International Psychoanalytic Association (IPA), scientific director of the Congress of Francophone Psychoanalysts (CPLF), winner of the Maurice Bouvet Prize, author of numerous articles and of the book "Après-coup in Psychoanalysis: the Fulfillment of Desire and Thought".

This article discusses such a fundamental psychoanalytic concept as a frame, as well as the process of après-coup. The author tells in detail about the origin of the concept of frame in the works of well-known psychoanalysts, dwelling in more detail on the conceptualization of the frame in the works of José Bleger, the article presents clinical examples of José Bleger and Bernard Chervet, illustrating the process of actualizing the patient's past experience in an analytical situation, on the example of which one can see the unfolding of the process of après-coup in the psychoanalytical work.

Keywords: frame, après-coup, denial, analytical situation, traumatic experience, free associations, countertransference, free-floating attention.

Интерпретация – многоэтапный процесс

Эмманюэль Шерве

*(Пер. с фр.: О. В. Чекунова,
М. Л. Головина, Г. В. Лукашова.
Научный редактор: Чекунова О. В.)*

Эмманюэль Шерве – психиатр, психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества, тренинг-аналитик, научный секретарь Парижского психоаналитического общества.

В данной статье автор комплексно рассматривает процесс интерпретирования, останавливаясь на его различных этапах. Аналитик, слушая речь пациента, способен улавливать множество смыслов, при этом некоторые из них могут быть недоступны и скрыты. Интерпретация связывает между собой различные слои, соединяет разрозненные элементы психической жизни пациента в целостную картину. Однако не все пациенты функционируют на достаточно хорошем уровне психической организации. В этом случае речь пациентов пока еще непригодна для интерпретирования, и попытка дать интерпретацию может вызвать желание ее опровергнуть, поскольку интерпретации воспринимаются как ложные или недостаточно хорошие, также существует риск усилить сопротивление в отношении любых попыток исследования внутренней реальности пациента и укрепить защиты против внедрения. В таком случае интерпретация пребывает какое-то время в латентном состоянии в психике аналитика и ждет своего часа до тех пор, пока пациент не будет способен ее принять.

Ключевые слова: интерпретация, процесс свободных ассоциаций, сопротивление, защиты, клиническое мышление, психическая работа.

Глагол «интерпретировать» в обычном значении этого слова предполагает, что у субъекта присутствует способность, слушая речь другого, улавливать множество смыслов, при этом некоторые из них могут быть недоступны и скрыты. Интерпретация связывает между собой различные слои, соединяет разрозненные элементы в целостную картину. Однако подобная многомерность внутреннего мира предполагает наличие у субъекта сложной психической жизни, наполненной конфликтами, которые он способен переработать, то есть речь идет о достаточно хорошем психическом функционировании, где внутренние конфликты ощущаются выносимыми и разыгрываются между отделенными друг от друга регистрами, которые были описаны Фрейдом как топически организованные психические пространства.

В таком случае возможна психическая жизнь без чрезмерного перевозбуждения: возбуждение проявляется в небольшом количестве, его сила регулируется благодаря тому, что аффект связывается со значимыми объектами, желаниями, смыслом.

Пациент может представить себе, что, когда он отдается процессу свободных ассоциаций, его речь зачастую наделяется двойным смыслом. Он может сказать не то, что изначально собирался сказать, у него могут появляться непроизвольные мысли, и все это вызывает интерес. Это примерное описание невротического функционирования психики.

Однако аналитик далеко не всегда работает с подобными пациентами. Куда чаще мы видим пациента, скованного тревогой, обездвиженного необходимостью переработать слишком большое количество возбуждения; пациента, который убежден, что история его страданий – это лишь описание плохих обстоятельств и внешней реальности, которую он не в силах изменить. Противоречия, явные или скрытые, невыносимы для субъекта, и все, что ему нужно, это получить подтверждение того, что он в безопасности, избавившись от них.

Речь пациента на данном этапе непригодна для интерпретирования, и попытка дать интерпретацию может вызвать желание ее опровергнуть, поскольку интерпретации воспринимаются как ложные или недостаточно хорошие, также существует риск усилить сопротивление в отношении любых попыток исследования внутренней реальности пациента и укрепить защиты против внедрения.

Тем не менее и в этом случае аналитическая работа возможна, поскольку благодаря интервенциям происходит связывание с помощью слов травматических переживаний пациента и укрепление субъективного восприятия себя в картине пережитого травматического опыта.

Даже тогда, когда аналитик работает с пациентом, пока еще не способным принимать интерпретации, его мышление не теряет свои интерпретирующие способности, даже если интерпретации хранятся пока внутри. Аналитик регистрирует то, что речь пациента привносит в аналитическую ситуацию, но не доносит пока материал до сознания пациента, а лишь намечает пути, по которым пациент позже сможет сам прийти к нему. Это подобно прокладыванию маршрута на поверхности, переходу «сквозь видимое», описанному Вирджинией Вульф.

Впрочем, аналитик использует не только этот способ мышления. Когда Андре Грин говорит о клиническом мышлении, он имеет в виду сосуществование множества взаимосвязанных психических регистров: психодиагностика и психиатрический опыт, эмпатия и идентификация с речью пациента, интерпретирующее мышление, ассоциации с элементами культуры... Способность свободно использовать все эти регистры представляет собой ассоциативность аналитика – свободные ассоциации, отличающиеся от ассоциаций пациента, поскольку в данном случае сохраняется сдерживающая функция Сверх-Я и фокус внимания направлен на то, чтобы обеспечить условия для появления у пациента способностей к психической работе.

Но в первую очередь аналитик интерпретирует то, что происходит внутри него, для самого себя. Он принимает все, что ему адресовано: поведение, отношение, эмоции, изменения в терапевтической ситуации, слова... Аналитик исследует все то, что с ним происходит, прорабатывает свои ощущения, связанные с материалом пациента. Его задача – принять, вынести, справиться, обратить внимание на словесные формулировки и образы, которые посещают его, сохранить для дальнейшей переработки в памяти тот опыт, который пока не поддается вербализации. Аналитик открыт для принятия всего, что идет со стороны пациента, этот материал может принимать у него внутри различные формы, разворачиваться, связываться, но все это не приводит к мгновенному пониманию, словесному оформлению и тем более к интерпретации, которую он может дать пациенту, но постепенно, по мере совместного проживания опыта вместе с пациентом, образы начинают упорядочиваться, появляется смысл, опыт настоящего соединяется с тем, что аналитик уже узнал о пациенте раньше, появляются предварительные гипотезы – наброски будущего понимания. И только потом, после прохождения через множество этапов, те слова, что аналитик мог раньше сказать, достигают сознания пациента – иногда в виде инсайта, иногда после длительных внутренних споров.

Для того чтобы лучше понять эти сложные процессы, мы должны принять во внимание два основных регистра психического функционирования, или две топики, которые Фрейд выделил в процессе своих исследований: речь идет о водоразделе до и после 1920 года. Первая топика организована вокруг желания, а вторая – вокруг травмы.

Первый регистр – невротический способ психического функционирования – предполагает, что любое событие и любой опыт являются объектом двойной записи в памяти из-за вытеснения, которое с момента появления детского невроза изолировало и сделало недоступными для воспоминаний следы отвергнутых запретных переживаний и желаний.

Все, что с человеком происходит, проявляется одновременно в двух местах – в сознании и вытесненном бессознательном – двумя разными способами, один из которых скрыт, но при этом активен. Таким образом, психическая жизнь организована вокруг расщепления, относительно подвижного и проницаемого расщепления. С одной стороны, психический опыт вписывается на уровне предсознательного и сознания, он связывается словами, может быть выражен и разделен с другими, согласуется с той

частью внутреннего мира, которая допускает, по крайней мере внешне и с помощью компромиссов, ограничение желаний, запрет инцеста, восприятие кастрации, принятие ограничений и разницы полов. Эта часть является цивилизованной, она находится в гармонии с группой и обществом. Слово «предсознательное» соответствует тому, что в данный момент пока не осознано, но может легко, без сопротивления, стать таковым в зависимости от динамики и изменения фокуса внимания, в отличие от того, что было вытеснено и отвергнуто.

С другой стороны, существует бессознательная запись, находящаяся в конфликте с первой, она связана с мнестическими следами запретов, сформировавшихся в эдипов период, отвергнутый психический опыт организует аутоэротизм и анимистическое инфантильное мышление: это дикарь, который живет внутри нас, который находится в поисках только своего удовольствия. Для этой части все возможно, желаниям нет предела. Она проявляется в симптомах, ошибочных действиях и снах. Таким образом «побеги» вытесненного стремятся выйти из глубины на поверхность – к сознанию. Хотелось бы отметить прелесть французского слова «rejeton», с помощью которого мы описываем возвращение вытесненного, его можно перевести как «потомство» и «побег растения», двойное значение этого слова одновременно включает в себя образ ребенка – «отпрыска» своих родителей, и образ растения, которое прорастает из своих корней. Вытесненное тоже «совершает побег». Есть ли подобный эквивалент в русском языке?

Эта двойная запись действует в том числе у аналитика и создает его собственные «побеги» бессознательного, по отношению к которым он предельно внимателен, вытесненное аналитика стремится на поверхность в форме случайных мыслей, то есть мыслей, которые приходят в голову произвольно. Все это является частью так называемого «свободно плавающего» внимания аналитика, которое в силу своего характера является одновременно свободным и подвижным для того, чтобы позволить «побегам» «прорасти», и внимательным для того, чтобы их заметить и уловить их суть. На самом деле лучший перевод фрейдистского термина – это «равномерно распределенное внимание», то есть аналитик проявляет одинаковое внимание и интерес ко всему, что приходит к нему извне – ко всему, что говорит и делает пациент, вне зависимости от того, придает ли он сам этому значение или нет, и ко всему, что приходит изнутри – ко всему, что происходит внутри него, аналитика.

Возвращение вытесненного, или «побеги» из бессознательного аналитика, интересно тем, что оно берет начало в бессознательном фантазме, который появился в результате его бессознательной идентификации с пациентом и, в частности, в результате его идентификации с бессознательными элементами пациента, которые проявили себя без возможности быть признанными, идентифицированными. Лакан мог сказать, что то, чего не хватает в речи пациента, в виде инверсии проявляется в том, что приходит в голову аналитику. Таким образом, фантазм аналитика открывает доступ к тому, что пришло в движение в бессознательном пациента. Эти «побеги» из бессознательного могут быть сформулированы безлично,

например, используя язык инфантильного, который знаком каждому из нас, но они также могут нести в себе отпечаток личной истории аналитика; тогда он должен сначала дать этому возвращению вытесненного возможность выделиться, проявиться, чтобы затем переформулировать этот материал достаточно безлично или, что еще лучше, используя лексику пациента. Это означает, что «нейтральность» никоим образом не является исходными данными анализа: аналитик принимает психическую реальность пациента за счет того, что приводит в действие свои собственные желания. Вместо того чтобы говорить о нейтральности, мы можем представить эти процессы как работу по обезличиванию и освобождению от своей привычной лексики, которую должен проделать аналитик для того, чтобы предоставить пациенту пространство, где он сможет использовать свои собственные слова.

Однако в начале терапии, прежде чем пациент сможет описать словами то, что с ним происходит, необходимо дать ему возможность начать процесс и запустить бессознательную динамику, полную желаний, которые до этого времени не принимались и держались под контролем.

Действительно, многое из того, что происходит в терапевтической работе, не проговаривается напрямую. Когда Фрейд показалось, что он обнаружил значение симптомов Доры на основании ее рассказов о снах и личной истории, он попытался поделиться с пациенткой своей гипотезой, но его понимание не смогло помешать ей сбежать. Это разочарование позволило Фрейду понять, что важнее всего был процесс инвестирования – чувства, которые молодая пациентка испытывала к терапевту, повторяя в отношениях с ним все то, что происходило в прошлом между ней и окружающими ее взрослыми. Речь в данном случае идет о переносе, который, по словам Фрейда, приводит к тому, что лечение «протекает медленнее и становится менее ясным» (Фрейд, 1905). Важно не заблокировать этот глубинный процесс преждевременным пониманием, которое к тому же неполное и иллюзорное.

Затем Фрейд подчеркивает важную роль репрезентаций ожидания у аналитика, которые становятся благоприятной почвой для динамики будущей длительной работы. Репрезентации ожидания позволяют аналитику выносить яростный напор влечений при актуализации переноса и постепенно создавать целую вселенную репрезентаций, образов, ощущений через соприкосновение с психической реальностью пациента, которая будет развиваться на протяжении всего этого совместного аналитического путешествия. Появление «промежуточной области» предсознательного даст пациенту вторичный доступ к бессознательной конфигурации, которая ранее пришла в движение и начала выходить на поверхность.

Я использовала пассивные формы для того, чтобы обозначить процесс появления смысла у пациента и у аналитика. На самом деле психическая работа по наделению субъективного опыта смыслом при невротическом способе функционирования становится возможной благодаря установлению особого режима регрессии, при котором оба участника процесса способны отказаться от контроля и занять пассивную позицию – позволить

мыслям свободно приходить в голову – в фантазиях или в сновидениях. Этот процесс называется «ассоциативным мышлением».

Изучая сновидения, Фрейд назвал этот тип регрессии формальной, поскольку вербальные формы имеют тенденцию спонтанно превращаться в образы.

Эта трансформация происходит удивительным образом – части соединяются друг с другом, как в ребусе, подобный процесс обусловлен тем, что в основе лежит бессознательное желание, которое не имеет ничего общего с вербальной логикой, в словах воспринимаются только остатки слуховых следов, услышанных в детстве, в то время как смысл, который придавали им взрослые, ускользает. Услышанные слова и образы затем используются для выражения мыслей в логике, которая сильно отличается от привычного сознательного мышления: таким образом, мы можем интерпретировать подобную непривычную логику в первоначальном смысле этого термина, то есть найти для нее эквивалент в языке сознательного мышления. Эта психическая деятельность, тесно связанная с инфантильной памятью и преимущественно пассивная, предполагает наличие ощущения внутренней безопасности, которую стремится обеспечить аналитический кадр, если это позволяет уровень тревоги пациента.

Это позволяет ввести второй способ психического функционирования, который Фрейд выделил и описал после 1920 года для того, чтобы привлечь во внимание те случаи, когда в процессе терапии травмирующая реальность повторяется «в реальном масштабе», а сила притяжения и фиксация на реальности создают препятствия для установления формальной регрессии. В этом случае во внутреннем мире доминируют такие тенденции, как невозможность ожидания, необходимость мгновенно получить желаемое, фиксация на реальном, которые создают препятствия для возможности придавать словам двойной смысл. Организация психических процессов вокруг вытеснения, благодаря которому сохраняются сокровища забытого, но остающегося активным необыкновенно важного опыта из прошлого, не появляется сама по себе. Ситуация, вызывающая чрезмерную тревогу, может привести к тому, что субъект будет вынужден мгновенно организовать защиты против возбуждения, которое невозможно переработать и присвоить себе. В случае отсутствия родительской реакции, способной обеспечить ребенку безопасное пространство для переживаний, часть следов его психического опыта не сможет стать организованной, связанной со словами и обладающими смыслом сценариями, и будет проявляться прежде всего в тенденции повторять ситуации из прошлого, которые не смогли найти свое место в психике, или избавляться от возбуждения с помощью системы разрядки или выбрасывания за пределы психики этого опыта. В большинстве случаев психическое функционирование является неоднородным, ему в той или иной степени присущи характеристики обоих регистров. Тем не менее дифференциация способов психического функционирования необходима, поскольку от терапевта требуется различный подход к тому или иному регистру.

Когда доминирует повторение и отреагирование, то, с одной стороны, кадр становится местом для повторения, с другой – повторения будут происходить и в жизни пациента. В этом случае терапевтическая работа будет представлена в попытках выразить этот опыт словами, записать его, сохранить для того, чтобы у пациента появилась возможность установить вытеснение, забывание и благодаря этому обогатить свою бессознательную жизнь. Интервенции аналитика будут в основном направлены на то, чтобы подчеркнуть ценность сказанного, стимулировать вписывание этого опыта, связывание его со словами и зачастую на борьбу с отрицанием пациентом ценности своих мыслей. Эта работа является противоположностью работе с выходящим на поверхность вытеснением, к которой стремились ранее, в этом случае необходимо сначала создать вытеснение... Впрочем, целью лечения никогда не являлось опустошение бессознательного от его содержимого в пользу сознания, цель состоит в том, чтобы обогатить сознание следами вытесненного опыта из прошлого, условием жизнеспособности воображаемой жизни и создать условия для перехода между различными способами психического функционирования, способствовать возвращению вытесненных мнестических следов благодаря последовательным эффектам последствия, соединяющим отголоски опыта прошлого с настоящим.

Постепенно, благодаря реинвестированию событий из прошлого в реальность с помощью воспоминаний и забывания, некоторые ранее не интегрированные в психику перцептивные следы появляются снова, на этот раз в виде образов, пришедших изнутри, связанных с рассказами о недавних эпизодах, и становятся воспоминаниями. Именно в этих аспектах терапевтическая работа отличается от простого рассказа: она создает условия для появления эффекта последствия, благодаря которому травматические события из прошлого возвращаются, это приводит к изменению экономики психической реальности и вместе с тем к созданию в памяти репрезентаций.

В этом случае интерпретация будет уже не «ростком» бессознательного аналитика, а в какой-то степени плодом дедуктивной психической работы, конструкцией (*Freud, 1937d*), которая представляет собой гипотезу о том, что могло произойти в истории пациента, и которая будет поддерживать интерес пациента к исследованию своего прошлого, питать его собственные гипотезы. Создание конструкции о прошлом происходит всегда по модели, состоящей из двух или более этапов: сначала субъект проживает травматический опыт, затем отделяет его, забывает или помещает в резерв, в латентность, и уже потом перерабатывает этот опыт, когда он возвращается в новой ситуации.

Эти два способа психического функционирования, конечно же, присутствуют на всех этапах терапевтического путешествия. Их существенное различие заключается в колебаниях между пассивностью и активностью. Наличие следов травматического опыта приводит к его повторению в реальности, тенденциям к отреагированию. В первую очередь необходимо попытаться удержать пациента от перехода к действию, пробудить его интерес к тому, что таким способом проявляется в реальности,

к его переживаниям, вернуть его в состояние мечтательности. Согласно Фрейду, аналитик «укрепляется ради постоянной борьбы с пациентом для того, чтобы сохранить в психической области все импульсы, которые последний хотел бы направить на двигательную активность» (Freud, 1914g). Это напряжение, направленное в сторону формальной регрессии и репрезентации, может проявляться в виде вербальных интервенций, но для того, чтобы это стало возможным, необходимо наличие у аналитика определенной внутренней установки, позволяющей для начала восстановить у него формальную регрессию в тот момент, когда драматичный рассказ пациента может подтолкнуть его к активным действиям, например восстанавливающим и поддерживающим.

Это не значит, что нужно хранить молчание, речь идет о том, что необходимо дать себе достаточно времени для того, чтобы материал, который появился, открыл доступ к тому, что еще не может быть сказано. Для того чтобы этого достичь, нужно следовать по длинному, извилистому пути – от формы, конфигурации до репрезентаций в образах, и важно позволить себе стать захваченным этими образами, отдаться им, отпустить контроль. Для пациента опыт, который он получает во время терапевтической работы, когда он возвращается прошлое, восстанавливает и заново присваивает себе свою собственную историю, становится опытом удовольствия, расширяющим кругозор, пациент начинает постепенно понимать, насколько богата его речь, и убеждается в существовании ее бессознательной части. Однако тенденции к отреагированию приводят к тому, что достижение подобного опыта каждый раз проявляется в виде кризиса, переломного момента, ценой напряжения, которое аналитик должен уметь выдерживать.

Для иллюстрации подобного процесса я выбрала короткий пример из практики, в котором большая часть работы разворачивалась на невротическом уровне психического функционирования, но также был затронут травматический аспект, который проявлялся в форме попыток отреагирования, представляющих риск для пациентки, однако свои намерения она не доводила до конца. Пациентка нашла некий баланс, своеобразный компромисс, благодаря которому самодеструктивные влечения были ограничены, отреагирования ослаблены, а в терапии было достаточно времени для их переработки. Я намеренно буду шаг за шагом в деталях описывать то, что происходило в голове аналитика, подробно воссоздавая происходившее на сеансах. На самом деле, хотя часть этих мыслей и является результатом осознанной работы аналитика, другая часть зачастую возникает в его голове лишь ненадолго и остается предсознательной; аналитик может осознать эти мысли при помощи усилий своего внимания, но в момент появления они скрыты.

Появление таких следующих друг за другом ассоциаций аналитика может происходить как при классическом психоанализе, так и при терапии лицом к лицу или даже во время терапевтических консультаций.

Клиническая виньетка

Речь идет о пациентке, которой достаточно долгое лечение позволило приблизиться к воспоминаниям детства, связанным со значимым событием: в возрасте четырех лет она была помещена под присмотр няни на время болезни и госпитализации ее матери, которая плохо себя чувствовала и периодически выпадала из реальности. Позже мать умерла от опухоли головного мозга. Пациентка провела все свое детство в доме этой няни, которая присматривала также и за другими детьми. Она прибегает к идеализации и описывает атмосферу чужого дома как довольно радостную. Пациентка очень редко видела своего отца.

На протяжении нескольких сеансов пациентка рассказывала, что решила продать квартиру, в которой живет, не имея представления о том, где она будет жить дальше. Удивительное отношение для человека, обычно проявляющего здравомыслие. Она стала настойчиво говорить на эту тему после того, как перед ней наконец открылась возможность комфортной жизни. Она растила детей одна, теперь ее дети начали жить отдельно, и наконец она могла бы позволить себе работать намного меньше. И в этот момент она столкнулась с неспособностью представить себе свою будущую жизнь. Вместо разговора о возможной новой жизни на сеансах она усердно рассказывала о желании продать свою квартиру.

Во время сеанса накануне небольшого перерыва из-за отпуска пациентка снова заговорила о плане продажи квартиры в довольно провокативной манере. Меня беспокоило ее сильное желание перейти к действиям, и она смогла уловить это в моем молчании. Она описала мне встречи, переговоры о цене и т. д. В процессе рассуждений, которые вызывали у меня раздражение, причину которого я мысленно искала, пациентка как-то по-другому упомянула незначительный эпизод, который, однако, заставил меня сместить фокус внимания. Пациентка ехала на своем автомобиле, мечтательно рассматривала мелькающие перед ее взором дома, представляла свою жизнь в них. В последний момент она успела затормозить перед девушкой, переходившей дорогу. Пациентка понимала, что трагедия не случилась только потому, что девушка была очень внимательна и сама успела остановиться. Она была крайне недовольна собой, потому что чуть не сбила пешехода. Любопытно то, что в этом небольшом эпизоде я уловила очень точный образ встречи при пересечении улицы, которая ощущалась мной как значительное, особым образом инвестируемое пациенткой событие, при этом причины такого отношения оставались пока для меня непонятными. Я оставила этот эпизод у меня на будущее.

Я подумала о не имеющих особого успеха высказанных ранее интервенциях, в которых я пыталась связать ее желание продать квартиру с эпизодами из прошлого. На протяжении всего сеанса меня не покидало чувство, что интервенция необходима, но я боялась, что через нее могут просочиться моя агрессия или предписание действовать так, как я считаю нужным. Меня беспокоило отсутствие у пациентки репрезентаций последствий этой компульсивной, неожиданной сделки, и, более того, я тоже затруднялась представить, о чем идет речь и в чем смысл моих

сложностей в создании репрезентаций. Принимая во внимание эти затруднения, в подходящий момент я сказала пациентке: «Как вы представляете себе свои действия после продажи квартиры?» У нее не было никаких идей, возможно, только мысль пожить у друзей неделю-другую. В моем воображении появился образ прыжка в пустоту, тем более что я знала, что пациентка живет на девятом этаже. Сочетание беззаботности и некой дерзости, из-за которой она предполагала, что все благополучно разрешится само собой, когда она останется без крыши над головой, навело меня на мысли: «от судьбы не уйдешь», «у провидения свои планы». И в тот момент, когда я была готова сделать интервенцию с упоминанием провидения, я осознала, что провидение является синонимом женского, принимающего материнского аспекта в истории, разыгрываемой пациенткой, моя фантазия о падении с девятого этажа обрела завершенность, и я сказала: «Вы думаете, что провидение примет вас в свои объятия?»

Пациентка выслушала меня, помолчала, а затем продолжила ассоциировать: один из домов, которые она рассматривала в тот момент, когда девушка пересекала улицу, в точности напоминал дом ее мечты, небольшой дом правильной формы, симметричный, с крыльцом, в окружении небольшого сада. Мне в голову пришла мысль о детском рисунке, и это лишь укрепило мое ощущение о том, что перед нами разворачивалась сцена из детства. Затем она объяснила мне, что хочет расстаться со своей квартирой только потому, что она расположена в многоквартирном доме и ей больше невыносимо жить в коллективе. Она развивала тему коллектива, общего, и слова «совместный» и «коллективный» повторялись снова и снова. Это слово навело меня на мысль о том моменте, когда она была передана няне и жила в группе с другими детьми. В моей голове сложилась конструкция. Я сказала: «Вы избавляетесь от квартиры в попытке вернуться в прошлое, до того момента, как вас забрали из дома родителей и передали на воспитание к няне и вы оказались в группе, в коллективе? Но как выйти из этого коллектива, если вы уже не можете вернуться к своим родителям?»

На сеансах после недолгого отпуска аффекты страдания и ощущение беспомощности раскрылись в полную силу и позволили пациентке связать ее историю с моей реконструкцией. Теперь у нее появился доступ к проживанию травмирующего чувства, связанного с потерей родителей и семейной атмосферы, которое она ранее стремилась повторить, потеряв свою квартиру.

Фрейд уточняет (*Freud, 1937d*), что именно ассоциации пациента после конструкции, данной аналитиком, подтверждают ее истинность или дополняют ее. Позже пациентка вспомнила о сильных чувствах, связанных с соперничеством между ней и законными детьми ее няни; соперничество подпитывало острое чувство отсутствия дома. Она сама вернулась к вопросу о провидении: «Провидение действительно сыграло свою роль, поскольку я должна была отправиться в DASS (социальную службу. – *Прим. пер.*) на время госпитализации моей матери. В тот день, когда этот вопрос должен был решиться, мой отец, переходя улицу, чтобы купить хлеба, наткнулся на мою няню. Эта женщина была нашей соседкой,

он знал ее». Когда он рассказал ей о проблеме опеки над дочерью, соседка просто предложила ему свои услуги. Таким образом, судьба пациентки решилась посреди улицы, по которой шел отец, благодаря случайной встрече.

Во время сеанса именно через образ столкновения при пересечении улицы, связанный с формальной регрессией, в моем сознании промелькнула сцена встречи отца и няни, уже рассказанная ранее и забытая, благодаря недавнему столкновению пациентки с девушкой, которая переходила дорогу перед домами, где могла бы жить пациентка. Воспоминания, которые я удерживала в латентном состоянии, вошли в резонанс с рассказанной сценой, приобрели форму «ощущения смысла» и пробудили слово «провидение», которое она произнесла во время первого рассказа. Память аналитика заново соединяет сцены в соответствии с тем, насколько они важны для пациента, и удерживает их во внутреннем плане, в латентном состоянии, при этом эти сцены готовы вновь проявиться именно в тот момент, когда пациент вернется к фрагменту бессознательного, беспокоящему его. Память аналитика откликается на ассоциации пациента, она незаметно возвращает этот элемент бессознательного через нечто другое, напоминающее его.

Ранее в терапии бездумное намерение пациентки избавиться от своей квартиры побудило меня вмешаться, но еще не дало доступа к бессознательному аспекту происходящего, поэтому моя интервенция свелась к вопросу, который лишь минимально выражал мое беспокойство. Продолжение исследования ее беззаботного отношения, невключенности в ситуацию и «пустоты» ее репрезентаций привело меня к слову «провидение», а также к фантазии о падении пациентки с девятого этажа. Благодаря этому образу я смогла осознать ее бессознательное желание быть принятой мной и сумела уловить в переносе то, чему до этого сопротивлялась. В образе падения пациентки с девятого этажа отражалась моя агрессия по отношению к тому материалу, который я воспринимала как провокацию, но, несомненно, в нем также проявлялись ее садистические бессознательные импульсы, которые она через свои действия направляла на себя, кроме того, этот фантазм также включал в себя воздействие на меня активизировавшейся травмированной части пациентки, которая пока не могла быть выражена иначе. Проявившиеся затем различные дополнительные значения и женская составляющая смысла слова «провидение» помогли мне вернуться к материнской конфигурации: сцена падения дополняется тем, что я ловлю ее в свои объятия, и это позволило мне сформулировать интерпретацию. Повторение в материале фантазма, инвестированного и принятого мной, позволило развиваться процессу ассоциирования у пациентки и дало ей доступ к бессознательному, к воспоминаниям прошлого. Она сумела приблизиться к исследуемому нами воспоминанию о «невыносимом» коллективе, а я смогла сформулировать конструкцию.

Потребность дать интервенцию, которую я ощущала, была связана с отсутствием у пациентки тревоги, меня это беспокоило и казалось странным. Сцена с переходящей дорогу девушкой навела меня на мысль о

типичном родительском предупреждении «Будь осторожна, переходя дорогу!», которое, как я могу предположить, присутствовало в детских воспоминаниях пациентки, поскольку дом ее родителей выходил окнами на опасный участок дороги, бульвар с четырьмя полосами интенсивного движения. Как если бы мы говорили о ее матери, которая могла бы «быть очень внимательной» до того, как случилась катастрофа, разлука. На заднем плане сцены встречи отца и няни, о которой ей рассказали, вырисовывалась более ранняя будничная сцена, описывающая без слов ее ощущение недостаточного присутствия и внимания со стороны матери накануне разлуки. Позже материнская фигура проявилась во сне в образе призрака.

Таким образом, я полагаю, что немедленному желанию интерпретировать перенос пациента следует предпочесть долгий и осторожный путь постепенного развития ассоциативных связей у аналитика. Допустим, я бы сразу сказала пациентке о том, что за ее желанием избавиться от единственного жилья стоит надежда, что я приму ее так же, как это сделала в свое время ее няня... Возможно, она бы сделала вид, что «увидела связь», но это не привело бы ни к появлению воспоминаний, ни к изменениям в материале.

В данном случае интерпретация, без сомнения, точная, но не озвученная мной, включающая в себя последовательность ассоциативных связей, оказалась более значимой с динамической точки зрения и позволила выстроить фундамент для развития процесса переноса в отношении фигуры аналитика именно потому, что осталась скрытой от пациентки. Мой кабинет действительно расположен в небольшом доме по соседству с многоэтажкой. Интерпретация переноса пациента в отношении аналитика оправдана лишь в тех случаях, когда перенос создает препятствия для способности пациента к формальной регрессии и, соответственно, для дальнейшего развития процесса свободных ассоциаций, благодаря которому в бессознательном активизируется важнейший опыт из прошлого, который был недостаточно инвестирован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Freud S.* Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten (Weitere Ratschläge zur Technik der Psychoanalyse, II). In: Internationale Zeitschrift für Ärztliche Psychoanalyse, Jahrgang 2, Heft 6, November, Leipzig und Wien, Hugo Heller & Cie., 1914. P. 485–491.
2. *Freud S.* Konstruktionen in der Analyse. In: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, Band 23, Heft 4, Wien, Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1937d. P. 459–469.

Interpretation – a multi-step process

Emmanuelle Chervet

*(Translation from French Chekunkova O. V.,
Golovina M. L., Lukashova G. V.,
scientific editor – Chekunkova O. V.)*

Emmanuelle Chervet, psychiatrist, psychoanalyst, Titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), Training Analyst of SPP, Scientific Secretary of SPP.

In this article, the author comprehensively considers the process of interpretation, dwelling on its various stages. The analyst, listening to the speech of the patient, is able to capture many meanings, while some of them may be inaccessible and hidden. Interpretation links the various layers together, connects the disparate elements of the patient's mental life into a coherent picture. However, not all patients function at a sufficiently good level of mental organization. In this case, the patients' speech is not yet interpretable, and an attempt to interpret it may lead to a desire to refute it, since the interpretations are perceived as false or not good enough, there is also a risk of increasing resistance to any attempts to explore the patient's internal reality and strengthening defenses against the intrusion. In such a case, the interpretation remains in latent state for some time in the analyst's mind and waits in the wings until the patient will be able to accept it.

Keywords: interpretation, free association process, resistance, defenses, clinical thinking, mental work.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОАНАЛИЗА

Э-DEEP

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, завкафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье представлены размышления автора о внутреннем фантазматическом мире маленького Эдипа, описанном в трагедии Софокла.

Ключевые слова: психоанализ, Эдип, миф об Эдипе, трагедия Софокла, эдипов комплекс.

Античные драмы подобны сновидениям. У них есть видимое и ясное содержание, но их истинная суть совершенно в другом. Она раскрывается не тому зрителю, который просто наблюдает за действиями, происходящими на сцене, но тому, кто в нее погружается эмоционально, бессознательно открываемая невидимой, скрытой за явным содержанием постановке, позволяет себе прочувствовать и даже пережить глубинный внутренний конфликт, которому и посвящена драма. Общечеловеческая значимость многих античных драм заключается в их универсальности, то есть в их отражении не какого-то присущего отдельному человеку или группе людей частного конфликта, а самой внутренней сути человека, тайн, скрытых в самых дальних уголках бессознательного каждого человека.

Как и при толковании сновидений, мы не должны пытаться проникнуть своим разумом в античную трагедию, стремиться ее понять, расшифровать. Это приведет лишь к играм разума, рассматривающего закрытый занавес, на котором, как на экране, проходит действие пьесы. Открыть занавес и погрузиться в происходящее на скрытой сцене можно, только отпустив свою фантазию, переживая, проживая *бессознательно* что-то непонятное, иногда пугающее, иногда возбуждающее, но всегда неопределенное, неясное, удивляющее и захватывающее всю душу в результате ее глубинного резонанса с конфликтами, делающими из животного – человека, из инстинктов – влечения, из потребностей – желания, из сексуальности – психосексуальности, и в целом с теми силами, которые создают внутренние миры человека.

Читая текст Софокла, слушая аудиозапись или сидя в зрительном зале и смотря представление об Эдипе, мы узнаем историю о его трагической судьбе. Его отец, фиванский царь Лай, узнал о предсказании, согласно которому его сын его убьет. Эдипа, который в это время был еще младенцем, отнесли в горы, чтобы убить. Слуга, который должен был это сделать, ослушался приказа и сохранил ребенку жизнь, отдав его пастуху из Коринфа. Последний принес его в Коринф, где бездетные царь и царица сочли это даром богов и усыновили его. Уже будучи юношей, Эдип услышал от кого-то, что он ненастоящий сын царя. Он решил пойти к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать о своей судьбе. Там он услышал страшный приговор – он убьет своего отца и женится на своей матери. Он уходит прочь от Коринфа, стремясь избежать начертанной богами судьбы, но по дороге в Фивы встречается с колесницей, в которой ехал царь Фив Лай. Не зная ни что он царь Фив, ни что это его отец, Эдип в ходе конфликта убивает его. Фивы в это время держит в жутком страхе Сфинкс, загадывающий людям загадки и разрывающий их на части, когда они их не отгадывают. Фиванцы решили, что тот, кто победит Сфинкса, тот станет их новым царем и мужем овдовевшей царицы Иокасты.

Эдип встречается со Сфинксом, отгадывает загадку, и Сфинкс бросается со скалы и погибает. Став царем Фив, Эдип, не зная того, женится на своей матери Иокасте, которая рождает ему четырех детей. Спустя много лет на Фивы нападает мор от чумы. Люди обращаются за помощью к Эдипу, однажды уже спасшему их от ужасного чудовища Сфинкса. Эдип обращается за помощью к оракулу, который устами Аполлона сообщает о том, что мор прекратится, когда будет убит или изгнан тот, кто убил царя Лая.

Эдип всеми силами стремится найти убийцу, не подозревая, что это он сам. Когда все проясняется, его жена-мать Иокаста убивает себя, а сам Эдип, считая, что он недостойн самоубийства, выкалывает себе глаза и становится слепым изгнанником.

Такова ясно видимая история Эдипа, его внешняя и внутренняя драма. Прочитанная, прослушанная или увиденная на сцене, она с самого начала ставит любого человека перед неосознанным выбором – отстраненно смотреть глазами и слушать ушами эту драму как нечто внешнее, не имеющее к тебе никакого отношения, или смотреть и слушать ее своим

бессознательным, по возможности отпустив защитный контроль сознания, проживая эту драму как свою собственную. Во втором случае эта трагедия откроет свой завес и пустит нас на свою скрытую сцену, на которой все происходит не во внешней реальности, как это описано в драме, а во внутреннем мире человека.

На этой скрытой сцене мы начинаем лучше присматриваться к кажущимся ранее незначительными деталям, стремясь чувствовать, фантазировать, ассоциировать вместе с Софоклом настолько свободно, насколько мы можем.

Почему отец (Лай) был так безоговорочно уверен в том, что его сын захочет его убить? В мифе это объясняется предсказанием богов, то есть тем, что сам человек не может изменить свою судьбу. Если боги – это метафора мощных сил бессознательного, перед которыми Я бессильно, то речь идет о трансгенерационных переживаниях – психическом опыте, передающемся из поколения в поколение.

Лай верит предсказанию, так как он сам, будучи сыном, хотел убить (в бессознательных фантазиях) своего отца, а тот – своего и т. д. Тем не менее это не отец приказывает убить сына, это делает его жена, мать ребенка.

При этом на явной сцене она приписывает убийство сына своему мужу. Иокаста говорит Эдипу: «О, перестань об этом думать, царь! Меня послушай: из людей никто не овладел искусством прорицанья. Тебе я краткий довод приведу: был Лаю божий глас, сама не знаю, от Феба ли, но чрез его жрецов, что совершится рок и Лай погибнет от нашего с ним сына, а меж тем, по слуху, от разбойников безвестных он пал на перекрестке трех дорог. Младенцу ж от рожденья в третий день *отец связал лодыжки и велел на недоступную скалу забросить*» (Софокл, с. 45. Курсив автора статьи).

Перед внимательным читателем Софокла тем не менее вскоре откроется другая, скрытая сцена. Пастух, которому было поручено убийство младенца, рассказывает Эдипу:

«Пастух:

Увы, весь ужас высказать придется...

Эдип:

А мне – услышать... Все ж я слушать должен.

Пастух:

Ребенком Лая почитался он.

Но лучше разъяснит твоя супруга.

Эдип:

Так отдала тебе она младенца?

Пастух:

Да, царь.

Эдип:

Зачем?

Пастух:

Велела умертвить.

Эдип:

Мать – сына?

Пастух:

Злых страшилась предсказаний.

Эдип:

Каких?

Пастух:

Был глас, что сын убьет отца

...

Эдип:

Увы мне! Явно все идет к развязке.

О свет! Тебя в последний раз я вижу!

В проклятии рожден я, в браке проклят,

И мною кровь преступно пролита!»

(Там же, с. 78. Курсив и выделение автора статьи).

Предсказание не угрожало матери, почему именно она решилась на убийство своего сына? Почему ей было нужно перенести ответственность за убийство на мужа? За что она ненавидела своего маленького сына?

Если мы понимаем, что речь идет не о внешних событиях, а о том, что происходит во внутреннем мире Эдипа, о его переживаниях и фантазиях, то Иокаста – это предающая ребенка мать, бросающая его каждую ночь ради его отца. Она выбирает своего мужа, отца ребенка, а не Эдипа, и тем самым «убивает» его. Или точнее – чтобы уединиться с мужем в спальне и наслаждаться любовными отношениями вдвоем с ним, она должна забыть о ребенке и о себе как о матери, став любовницей для мужа. Любовница избавляется от ребенка и от матери. Сам изгнанный из первосцены ребенок вынужден «стоять» у дверей родительской спальни, будучи не в состоянии проникнуть в нее физически, но и неспособным уйти и спокойно спать в одиночестве. Возможно, это бесконечное «стояние» перед первосценой и нашло свое выражение в имени Эдипа – «опухшие ножки». Формально его так называли приемные родители в связи с тем, что его ножки опухли от ремней, которыми они были связаны в горах.

Кто не знает маленьких мальчиков, которые утверждают, что женятся на маме и при этом враждебно настроены к своим отцам? Один из любимых приемов режиссеров состоит в том, чтобы заставить зрителя прожить вместе с их главным героем все долгие последствия какого-то его выбора и затем внезапно вернуть нас вместе с ним в тот же самый момент, когда он, как казалось раньше, уже сделал свой выбор. Оказывается, все это было не в реальности, а лишь в его воображении, и это проигрывание будущего при одном или другом выборе в конечном счете помогает герою фильма сделать правильный выбор (классический пример этого процесса показан в фильме «Адвокат дьявола» Тейлора Хэкфорда).

Именно так построена, с моей точки зрения, и трагедия Софокла. Она не о реальности, прожитой ребенком, юношей, мужчиной, стариком. Она о фантазматической реальности маленького Эдипа, стоящего на перепутье разных дорог, разных выборов, от которых прямо зависит его дальнейшая

судьба. В отличие от античного взгляда на невозможность для человека определять свою судьбу, которая уже прочерчена богами, Фрейд не просто заменяет богов на бессознательное, что должно было бы тогда утверждать всемогущую власть последнего над человеком вместо богов. Фрейд делает Я человека активным участником внутренних и внешних событий, предоставляя ему определенные возможности совершать сознательные выборы. Иначе к чему был бы нужен весь психоанализ, если мы не способны ничего изменить, как Эдип у Софокла?

Прометей принес человечеству реальный огонь, Фрейд – внутренний огонь, осознание собственной силы Я, способной вмешиваться в предначертанную судьбой (бессознательным, например, трансгенерационной историей своего рода) сценарий, осмысливать его, сознательно прорабатывать и изменять, совершая свои собственные выборы. Очень часто психоанализ наивно обвиняют прямо в противоположном – в том, что Фрейд сделал из человека игрушку в «руках» темных сил бессознательного. Этот дилетантский и довольно распространенный взгляд на психоанализ происходит из нашего страха в отношении тех неизвестных сил внутри нас самих, которые открыл Фрейд. Гораздо проще знать, что есть бессмертные боги (Бог), от которых полностью зависит наша судьба, к которым можно обратиться, как маленький ребенок обращается к матери и отцу, и, возможно, они снизойдут до человека, простят его и позволят жить дальше. Многим кажется, что жизнь становится намного страшнее, если допустить, что ты зависишь не столько от могущественных внешних сил, как и в детстве, а от чего-то тайного, иногда опасного, деструктивного и разрушающего связи (влечение к смерти), но в не меньшей степени и от утверждающего жизнь, созидającego, связывающего нас с миром (влечение к жизни). Только в последнем случае у человека есть сила и возможность изменяться и менять свою жизнь и судьбу, в отличие от обреченного ей следовать античного Эдипа.

Маленький Эдип, изгнанный из родного дома (в моей интерпретации – из родительской спальни), не удаляется покорно спать в одиночестве. Он отправляется в долгое фантазматическое путешествие («опухшие от дороги ножки¹»). Сначала он, ощущая, что родители его предали и бросили одного («убили»), отказывается от них, заменяя их другими, лучшими, идеальными родителями, которые бездетные и, возможно, – поскольку между ними нет сексуальных отношений – почти святые. Мы с вами сразу можем вспомнить множество примеров фантазий маленьких детей о том, что их мама и/или папа на самом деле не настоящие, а настоящие – совсем другие, гораздо лучшие и идеальные.

Но фантазии о такой замене не спасают такого ребенка, как и Эдипа, от конфликтной судьбы влечений, которая над ним имеет такую же власть, как боги над Эдипом.

---

¹ Эдип – «опухшие ножки». Это имя ему дали коринфские царь и царица, так как его ноги были опухшие из-за ремней, которыми они были связаны в горах.

Обычно вопросы «откуда берутся дети?», «от кого дети происходят?», «какое отношение к моему появлению имеют мама и папа?», подразумевающие «как именно я появился на этот свет и кто сыграл в этом главную роль?», задаются детьми в раннем возрасте, преимущественно в период с трех до пяти лет. Их любопытство в отношении своего происхождения сопровождается интересом к отличию полов («чем мальчики отличаются от девочек»). Эти вопросы знаменуют собой усиление процесса отделения от всемогущих родительских фигур и поиск своего собственного Я.

За этими вопросами скрывается много непроизносимой агрессии в отношении родителей: «Если меня принес аист, то вы тут при чем?», «Если меня родила мама и я был в ее животике, то почему отец командует всеми?», «Если я так важен, то почему они меня выгоняют из своей кровати каждую ночь?», «Почему, когда папа уезжает в командировку, я могу спать с мамой в их кровати, а когда он возвращается, меня выгоняют?»

Эта агрессия, как правило, не высказывается, так как ребенок может встречаться с ответной злостью, которая для него выглядит как карающие молнии, которые разгневанный Зевс метал в смертных. Но дело не только и даже не столько в страхе выражения агрессии. Во-первых, сам ребенок может ощутить непереносимую, бездонную ненависть к одному из родителей или к ним обоим вместе. «Чтоб вы умерли и вас не стало», «Лучше бы тебя не было», «Исчезни навсегда» – подобное пугает не только последствиями, если вырвется наружу (что бывает довольно часто), но главным образом пугает самого ребенка, даже если он этого не произносит вслух. В своей фантазии он хочет, чтобы, например, *отец* исчез, но при этом он точно так же боится и не хочет этого, потому что любит своего *папу*. Кроме этого, он знает, что он слишком мал, слаб и зависим, чтобы бросить вызов и сразиться с отцом.

В мифе об Эдипе нет ни слова о его детском периоде, кроме констатации факта, что его хотели убить его собственные родители, но в результате его усыновили добрые приемные родители. Мы встречаем в мифе уже Эдипа-юношу. Миф позволил ему мгновенно перепрыгнуть от момента своей тотальной беспомощности и зависимости своей жизни от родителей в состояние сильного и пытливого юноши, который только и может бросить вызов родителям. Мы знаем, что именно вопросы о своем происхождении выталкивают Эдипа из ставшего ему родным дома и он отправляется в странствие, которое закончится выколотыми глазами.

Факт «мгновенного взросления» Эдипа в мифе подтверждает мою идею о том, что миф рассказывает не о внешней истории жизни Эдипа, а о фантазиях маленького мальчика, начавшихся в момент зарождения в нем вопросов о своем происхождении. Он словно проигрывает в своей фантазии, какова будет его судьба, если он выберет дорогу, которая так сильно *бессознательно* будоражит его воображение – «убить отца и жениться на матери».

Маленький Эдип, как и любой ребенок в его возрасте, задается вопросами о происхождении жизни, что ведет его к внутренней встрече с первосценной (фантазиями о чем-то тайном и непонятном, что происходит

между родителями в их спальне) и своими собственными запретными желаниями.

Они (он/она) не пускают ребенка к себе в кровать, он чувствует тревогу, страх, брошенность, одиночество. Затем он испытывает ярость и пытается силой физически преодолеть запрет. Волны ярости и бессилия сменяют друг друга, и, обессиленный и отчаявшийся, он находит другой способ успокоить свою тревогу и чувство ненужности и выброшенности. Он прибегает к уже хорошо зарекомендовавшему себя ранее способу самоуспокоения – галлюцинированию. Другими словами, он понемногу успокаивается и засыпает так, что все-таки проникает в родительскую спальню, но не в реальности, а в своих сознательно-бессознательных фантазиях и позднее посредством сновидений. Очень часто эти фантазии сопровождаются мастурбацией. Доставка себе удовольствия успокаивает ребенка, но также может и приводить к перевозбуждению как телесному, так и психическому, когда фантазии теряют свой символизм и зашифрованность, становятся чрезмерно реалистическими, обжигающими и даже травмирующими и уничтожающими. История Эдипа – это рассказ именно про такие фантазии, которые совершенно непереносимы, запретны и неприемлемы в человеческой цивилизации. Наказание за них – смерть. Чтобы их избежать, остается только одно средство – уничтожить саму возможность их иметь, их видеть, проживать – «выколоть свои глаза». Лишая себя зрения в мифе, Эдип становится «зрячим» как Тиресий, такой страшной ценой он наконец обретает понимание, кто он есть и как устроен человеческий мир.

Лишение глаз в мифе – это не физический акт, приводящий к слепоте. Это отказ от стремления проникнуть в первосцену, отказ от желания убить отца и занять его место рядом с матерью, отказ от желания обладать ею, как это делает отец, и от желания родить с ней детей. Именно это делает Эдипа зрелым и мудрым, способным по-настоящему видеть. В мифе он становится слепым стариком, наказавшим себя за запретные желания и фантазии, которые были ему предсказаны и от которых он убегал, но которые его безжалостно настигли. В моей психоаналитической трактовке это проигранный в бессознательной фантазии маленького Эдипа самый ужасающий сценарий эдипова комплекса, ставший достоянием человеческой культуры благодаря античному мифу об Эдипе и трагедии Софокла².

Понимание невозможности прямого смотрения на Солнце сохраняет глаза от обжигающего воздействия этой звезды. Некоторое таинственное должно навсегда остаться тайной, позволяющей о ней лишь фантазировать, не переходя к действиям. Тайна сексуальных отношений наших родителей, так возбуждающая наш интерес в особенности потому, что это связано с нашим происхождением, должна остаться тайной. Иначе мы встретимся с ледяной пустыней собственной психики. Если все видно и

---

² Трагедия Софокла наиболее известна, но миф об Эдипе вдохновил многих других античных и следующих за ними драматургов, писателей, художников, композиторов и кинорежиссеров.

нет никакого секрета, если можно заниматься сексом рядом со спящим ребенком, не заботясь о его чувствах, если все позволено и нет никаких запретов, то у такого ребенка не будут формироваться ни психика, ни сексуальность.

Одновременно тайна не должна приводить к другой крайности, которая может или перевозбудить ребенка, и он тогда не сможет психически переработать происходящее и будет вынужден «выколоть себе глаза», то есть сделать себя невидящим в отношении и этой тайны, и сексуальности в целом; или, наоборот, привести к такому же холоду, как и в случае полной «открытости». В первом случае это, например, происходит, если ребенок слышит раздающиеся в спальне непонятные ему слова («грязная шлюха», «ты моя проститутка», «какая у тебя сладкая вагина», «вставь в меня свой огромный клинок», сочетающиеся с ударами, криками, стонами и воплями³).

Во втором случае к внутреннему психическому холоду вследствие потери либидо и способности к фантазированию приводит «гробовая» тишина первосцены. Представим себе семью, в которой у родителей нет никакого телесного контакта на глазах у ребенка, они не обнимают и не целуют друг друга на глазах у детей, ходят «в костюмах» дома, в их спальне стоят две отдельные кровати или они спят в отдельных комнатах и никогда вместе (по крайней мере, чтобы дети это обнаружили). Отсутствие тайны первосцены или, точнее, ее гробовая тайна (намек на смерть сексуальности) убивают способность ребенка к фантазированию и соответствующему развитию собственной сексуальности.

Отсутствие возбуждения так же опасно для развития психики, как и перевозбуждение. Отсутствие любопытства, желания засунуть нос (своими фантазиями) туда, куда нельзя, или навязчивые, безостановочные действия, физические попытки прорваться в родительскую кровать; доминирование влечения к смерти или влечения к жизни; холод или огонь; отстраненность или физиологичность – все это характеристики описанных выше двух крайностей восприятия первосцены.

Вернемся к маленькому Эдипу. Он хочет узнать о своем происхождении, что означает, что он стремится увидеть первосцену своего рождения. В этом сценарии реализации эдипова комплекса он слышит от оракула предсказание, что он убьет отца и женится на своей матери. С психоаналитической точки зрения это означает, что увиденная в фантазии первосцена вызывает гипервозбуждение и порождает внутри маленького Эдипа бессознательное желание занять место отца рядом с матерью. Как правило, эти фантазии остаются бессознательными, но часто они выходят на переднюю часть психической сцены, и мальчик открыто заявляет, что, когда его отец умрет, он женится на матери.

---

³ Я ни в коем случае не хочу сказать, что издавать звуки, которые может услышать ребенок, плохо и нужно подавлять в себе эти важнейшие проявления оргазма у обоих полов. Они в большей степени свойственны женщинам, поэтому у ребенка складывается садомазохистское восприятие первосцены. Я здесь пишу о *крайних* проявлениях звуков: с одной стороны, гробовая тишина, с другой – мат.

Первая часть этого желания-фантазии проигрывается в бессознательном маленького Эдипа (он не ведает, что творит), когда он убивает Лая, сразу после предсказания (то есть осознания своего желания). Но миф не продолжается рассказом о немедленной женитьбе «победителя отца» на своей матери. Меду этими двумя событиями (фантазиями) происходит совершенно другая, третья сцена – встреча Эдипа со Сфинксом, ужасающим мифическим существом с женской головой, телом и хвостом льва, крыльями птицы.

Почему сразу после убийства отца он сразится с этой Химерой и победит? Сфинкс загадывает о многом говорящую нам загадку: «Что ходит на четырех ногах, на двух и на трех и чем больше ног, тем оно слабее?» Если Эдип ее не отгадает, то Сфинкс раздерет его на части и сожрет его (как это сделали бы волки в горах, если бы слуга исполнил приказ Иокасты, матери Эдипа). Если же он отгадает загадку, то Сфинкс сбросится со скалы и погибнет.

«Убивая» отца в первосцене и оставаясь без его защиты от слияния с матерью, маленький мальчик оказывается перед лицом не матери эдипова комплекса, а архаической всемогущей матери. Казалось бы, исход этой встречи предопределен: он будет сожран, потеряет свою отдельность, мать поглотит его, и он станет ее нарциссической частью. Это довольно частая история неполных семей, в которых мать целиком посвящает себя ребенку, полностью отказываясь от отношений с мужчинами.

В мифе об Эдипе все происходит прямо противоположным образом. Эдип, напротив, побеждает Сфинкса, забирает у него силу и благодаря этой победе (силе) и женится на овдовевшей царице, своей матери. Почему?

Даже убив отца, маленький Эдип не имеет ни малейшего шанса заменить его в постели матери, став для нее мужчиной, который может ее удовлетворить. Если мать не захочет посвятить всю себя ребенку, то ее женское Я будет искать сексуальной любви не в постели с сыном, а с другим взрослым мужчиной. Если же мать, потеряв или избавившись от мужчины, решает пожертвовать своей жизнью ради него, то это означает, что, повернувшись своей женской стороной к ребенку, этот Сфинкс будет искать в нем вместо мужчины скрытое сексуальное удовлетворение. В одном из крайних полюсов это будет переход к действию, то есть соблазнение ребенка и инцест с ним. В другом полюсе – полная «монашеская» асексуальность.

Итак, Эдип встречает Сфинкса и отгадывает загадку, кто такой человек. Он, оказывается, представляет собой существо, которое сначала ползает на четвереньках, затем ходит на двух ногах, а к старости добавляется третья нога – трость. «Опухшие ножки» дают о себе знать. В понимании Эдипом человека полностью отсутствуют психика и культура. Он просто животное, умеющее использовать палку. Вся сложная и богатая психика остается у Сфинкса (архаической матери), который обманывает маленького Эдипа, соблазняя его легким ответом на вопрос о смысле человека – этого смысла у простого смертного просто нет. Это обман

«любящей» матери-Сфинкса – «ты часть меня, мы с тобой единое целое, я буду думать и чувствовать за тебя, тебе это не нужно, просто доверься мне».

Сфинкс в мифе погибает, но на психоаналитической сцене этого мифа Сфинкс никуда не исчезает, он просто прячется за кулисами, выпуская на передний план свою женскую часть, с которой маленький Эдип и вступает в инцест.

Миф рассказывает нам о различных перипетиях-дорогах эдипова комплекса и о переплетениях бессознательных желаний матери и ребенка. Кто кого убивает? Мальчик отца? Или мать убивает его для того, чтобы заменить его своим ребенком, которого она постарается сделать своей частью, чтобы его контролировать, чтобы он не смог сделать ей больно, как взрослый мужчина?

Или это все-таки ребенок убивает отца, чтобы остаться наедине с матерью? Но тогда он встречается со Сфинксом, победить которого ему не дано. Интересно, что главной инцестуозной силой в мифе об Эдипе выступает именно мать, а не отец, который играет пассивную и незначительную роль. Именно Иокаста сначала хочет убить сына, чтобы он не достался отцу. Здесь мы начинаем лучше понимать строки Софокла: «Теперь всезрящее тебя настигло время. И осудило брак, не должный зваться браком, в котором долго пребывали **слиянными отец и сын**» (Там же, с. 80).

На видимой части сцены речь идет о слиянии двух ролей – отца и сына у царя Эдипа. Но на другой невидимой сцене мы слышим иное. Возможное слияние отца и сына угрожает матери, исключает уже ее из первосцены, в которой маленький Эдип может занять ее место. Именно это и побуждает ее к попытке убить маленького сына.

Затем она в образе Сфинкса указывает Эдипу, что человек – это не тот, кто видит, а тот, кто ходит. Эдип не должен видеть, она побуждает его действовать. Убив его руками Сфинкса, свою архаическую часть, для которой было бы достаточно того, чтобы Эдип был просто сожран и стал ее частью, инцестуозная мать «забывает» о том, что это ее сын, и позволяет ему занять место мужчины рядом с собой.

Это одна из множества возможных версий эдипова комплекса.

Есть и другая. Сфинкс преграждает путь Эдипу, чтобы он не совершил инцест. Именно поэтому он Сфинкс (в большей степени мужское, чем женское начало), а не Сфинга, как в первой (женской) версии. Сам Сфинкс – это не архаическая мать в первосцене, а архаический отец. Однако сила влечений маленького Эдипа так велика, они еще не прошли психическую переработку, не обрели символический статус, они требуют перехода к немедленным действиям для своего удовлетворения. Ребенок не может ждать, он хочет получить все и прямо сейчас. Чтобы добраться до матери (до инцеста), ему нужно разрушить сначала генитальную (эдипову) первосцену (убив отца), затем прегенитальную (доэдипову) первосцену (убив Сфинкса). Если оба эти уровня психической защиты от инцестного отыгрывания еще не сформированы или слабые, то есть маленький Эдип – больше животное, чем человек, то путь к инцесту для него

открыт и свободен. Это путь в направлении от культуры к дикой природе, от человека к животному.

Вместе с маленьким фантазирующим Эдипом мы проживаем всю его предстоящую жизнь в том варианте, когда выбор осуществился в пользу его «эдиповых» влечений – устранить отца и занять его место рядом с матерью, стать настоящим отцом, родив с ней детей. Выбор в пользу инцеста – неосознанный, как в случае Эдипа, так и в случае любого другого маленького ребенка, – влечет за собой неотвратимые последствия – чуму в мифе об Эдипе или страшное затопление патологическим бессознательным для ребенка, угрожающее ему безумием.

Каждый из нас, взрослых людей, уже прошел свою часть пути, проделанного Эдипом, испытав ненависть к отцу и любовь к матери или другую комбинацию и направленность этих чувств. В зависимости от того, в какой степени и насколько сознательно мы смогли разрешить этот конфликт, разгадать загадку Сфинкса о происхождении самих себя, в зависимости от этого мы будем способны продолжать делать в той или иной мере сознательные (то есть *относительно* свободные от диктата бессознательного) выборы и дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Софокл. Царь Эдип. ФТМ, 429 до н.э.*

Æ-deep (Ædipus)

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey V., Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

The article presents the author's reflections on the inner fantasy world of little Ædipus, described in the tragedy of Sophocles.

Keywords: psychoanalysis, Ædipus Rex, tragedy of Sophocles, Ædipus myth, Ædipus complex.

Эдипов комплекс и уязвимость психоаналитика

О. В. Гайгер

Гайгер Олеся Валерьевна – врач-психиатр, психолог, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, член ЕАРПП.

*Эдипов комплекс как внутриспсихическая структура присущ каждому человеку. Каждый из нас когда-то стоял на эдиповом «перекрестке» и проходил через жернова амбивалентных эмоций, которые связаны с треугольными отношениями «мать – я – отец». Человеческую природу преодолеть невозможно, и наши эдиповы переживания никогда никуда не исчезают, поэтому аналитик, как и его клиент, всю жизнь несет с собой ранний детский опыт, который определяет его интрапсихическое и межличностное развитие, внутреннюю психическую реальность, мышление и нарциссическую уязвимость. Все эти факторы делают аналитика тем человеком, кто он есть, в том числе мотивируют его выбор профессии и обуславливают то, как он ведет анализ. А так как аналитик всегда работает собой, то все зависит от того, насколько он осознает, какие собственные мотивы и потребности он удовлетворяет, чем жертвует, а в чем выигрывает, работая с клиентами. Вопросы эдипова комплекса и уязвимости аналитика исторически игнорировались, не только как предмет научного исследования, но и в личном анализе. Данная статья является попыткой изучить то, о чем не принято говорить в психоаналитических сообществах, то, что остается невысказанным, нераскрытым и даже тайным как в жизни аналитика, так и в его консультационном кабинете. **Ключевые слова:** эдипов комплекс, эдипова конфигурация, ранний детский опыт, нарциссическая уязвимость, аналитик, Эдип интеллектуальный, стремление к истине, психический рост.*

Введение

«Нарциссическая уязвимость является несменяемым бременем человека, частью его состояния, от которого никто никогда не освобождается».

Хайнц Кохут. «Восстановление самости», 2017б

В середине V века до нашей эры древнегреческий драматург Софокл написал трагедию «Царь Эдип» – ироничную историю об отцеубийстве и инцесте, главный герой которой, Эдип, решил выследить, разоблачить и наказать убийцу, которым сам и оказался (*Sophocles, 2000*). Спустя более чем два тысячелетия, на рубеже XX века, эта трагедия легла в основу эдипова комплекса, который открыл Зигмунд Фрейд, выдвинув гипотезу о том, что каждый человек, вне зависимости от пола, испытывает эдиповы переживания.

Антонино Ферро писал, что та важность, которую психоанализ придает эдипову комплексу, сделала невозможным увидеть огромное количество других комплексов. Их можно было бы заметить, если бы не «свет» Эдипа, который распространяется повсюду, не позволяя увидеть, распознать и осмыслить другие созвездия (*Ferro, 2017*). Действительно, с того момента, как Зигмунд Фрейд открыл эдипов комплекс, или Эдип, он считается фундаментом, ядерным конфликтом каждого человека. А природа эдипова комплекса является основой для других важнейших концепций психоаналитических теорий, утверждал Ферро.

Эдипов комплекс – это комплекс эмоционально заряженных сознательных и бессознательных амбивалентных импульсов, идей, тревог и защит, которые возникают в так называемом треугольнике. Треугольник как базовая матрица эдипова комплекса – это семья, то есть родители и ребенок; а потоки эмоциональных переживаний, которые возникают между этими тремя, описывают конфигурацию эдипова комплекса. Такой треугольник «сидит» в психике каждого человека, поэтому все события мира каждый из нас рассматривает через призму эдипова комплекса. Все многообразие человеческих отношений является не чем иным, как вариацией Эдипа, факсимиле того, что было однажды, потому что устойчивые модели поведения формируются именно в раннем детском возрасте и оказывают существенное влияние на то, как человек строит отношения.

Эдипов комплекс как внутриспсихическая структура присущ каждому человеку. Это означает, что каждый из нас когда-то стоял на эдиповом «перекрестке» и проходил через жернова амбивалентных эмоций, которые связаны с треугольными отношениями «мать – я – отец». Означает ли это, что каждый, будь то клиент или аналитик, несет эти ранние переживания и мотивы с собой всю жизнь? Означает ли это, что каждый, вне зависимости от пола и возраста, хочет быть единственным и уникальным, каждый сравнивает себя с другими, жаждет авторитета и признания и каждому не чужды ревность, жадность и зависть? Означает ли это, что каждый может испытывать переживания исключенности, ненужности и хочет избавиться от них, хочет, чтобы это чувствовал кто-то другой, а не он сам? С большой степенью вероятности да.

Каждый из нас имеет то бессознательное, которое заслуживает, и аналитик способен открыть глаза клиенту лишь настолько, насколько сам не боится истины. Аналитик, как и его клиент, также имеет опыт ранних детских переживаний и поэтому воспринимает клиента в соответствии с тем, насколько метаболизированы, охлаждены и лишены интенсивного заряда его собственные эдиповы переживания. Карен Марода утверждала, что, когда аналитик работает с клиентом, он заново проживает свое прошлое, соприкасается с до боли знакомыми эмоциональными переживаниями, черпает удовольствие и/или проходит через страдания (Maroda, 2022). Более того, в своей работе аналитики часто отдают предпочтение тем теоретическим подходам, которые легко превращаются либо в повторение их собственного прошлого, либо в защиту от переживания этого повторения.

Если задуматься, то в бессознательном человека, кто бы он ни был, не существует ничего, что связано с его желанием быть аналитиком. Это означает, что аналитик – это обычный человек, который не знает, как лучше работать с тем или иным клиентом, и всегда работает самим собой. Он делает это через собственную эдипову конфигурацию, другого способа просто не существует, поэтому он всегда втянут в свои эдиповы переживания, уязвим и не выходит за пределы, очерченные его собственными комплексами и внутренним сопротивлением. Все зависит от того количества эмоциональной боли, которую он сам может вынести: если аналитик может выносить свою эмоциональную боль, значит, он сможет вынести и боль клиента. Тогда возникают другие вопросы: если аналитик не может быть «ранен» своим клиентом, насколько он будет вовлечен в процесс анализа? Если клиент не может причинить аналитику боль, насколько важен такой клиент будет для аналитика? Создается впечатление, что аналитическое Эго оставляет мало места для закономерной уязвимости аналитика, которая возникает естественным образом в результате его эмоциональной вовлеченности в процесс анализа.

По мнению Джона Стайнера, между зрителем, который наблюдает за игрой актеров на сцене театра, и аналитиком, который слушает драму своего клиента, можно провести параллели (Steiner, 2020). Для того чтобы аналитик понимал драму клиента и ее влияние на себя, ему необходимо, чтобы он был способен играть обе роли: и участника этой драмы, и наблюдателя, а это значит, был способен выдерживать собственные амбивалентные переживания и уязвимость. Эти два состояния – и участника, и наблюдателя – одновременно несовместимы, аналитик не может быть и вовлеченным, и отстраненным в одно и то же время. Когда он вовлечен, он осознает, что у него сохраняется способность наблюдать; когда он наблюдает, он знает, что он был и снова будет вовлечен. Поскольку ни одна из этих позиций не является устойчивой, то сам факт исполнения этих ролей в рамках психоаналитической сессии может служить аналитику напоминанием о его человеческих (эдиповых) слабостях и является необходимым и достаточным условием для переживания им уязвимости и неуверенности в себе.

В данной статье детально изучаются вопросы, связанные с нарциссической уязвимостью и эдиповым комплексом аналитика, а также с тем, какое влияние оказывает ранний детский опыт аналитика на его внутриспсихическое и межличностное развитие, как определяет его мышление и уязвимость, мотивы и потребности, делает его тем человеком, кто он есть, в том числе влияет на его выбор профессии и обуславливает то, как он ведет анализ.

Эдипов комплекс аналитика

Зигмунд Фрейд открыл эдипов комплекс и описал его как внутриспсихическую структуру, присущую *каждому* человеку. В силу того что Фрейд рассматривал Эдип исключительно в терминах либидинозных и деструктивных драйвов, которые разряжаются по типу рефлекторной дуги, Эдип Фрейда – инцестуозный и отцеубийственный, другими словами, однозначный, самый примитивный. Фрейд считал, что согласно принципу удовольствия в бессознательном нет никаких других фантазий, кроме тех, как получать удовольствие, и тех, как избавляться от неудовольствия, которое вызвано телесными процессами. Если эти фантазии представить конкретным образом, то в терминах рефлекторной дуги это мог бы быть либо разрушительный акт, либо сексуальный. А поскольку объект разрядки не важен, то, согласно Фрейду, влечение случайным образом привязывается к объекту и индивиду важно только то, чтобы оно было сброшено.

Поэтому, если убрать цензуру и социальные институты, то сброс напряжения будет происходить немедленно, индивиды будут убивать друг друга или совокупляться, то есть разряжать эдиповы деструктивные или либидинозные импульсы. Но человек – это «животное» коллективное, и ему приходится выживать, соблюдать законы «общезития». Он вынужден считаться с принципом реальности, думать там, где хочется совершить разрядку, и каким-то образом справляться с неудовольствием и психическим напряжением. Это применимо к любому человеку, в том числе и к аналитику в рамках психоаналитической сессии. Паула Хайманн писала, что для того, чтобы аналитик имел возможность выдерживать свои чувства и переживания, а не разряжать их так, как это делает клиент, он должен проходить личный психоанализ (цит. по: Хиншелвуд, 2007). Шандор Ференци высказывался более категорично и заявлял, что от аналитика зависит судьба его клиентов, поэтому он обязан не только знать, но и контролировать самые мельчайшие слабости своего характера, что невозможно сделать без полностью завершеного анализа (Бокановски, 2013).

Действительно, прохождение личного анализа – это необходимое условие для работы аналитиком, соблюдение которого уходит корнями во времена Зигмунда Фрейда. Еще в 1909 году в Лекции 1 по «Введению в психоанализ» Фрейд настаивал на том, что главная часть профессиональной подготовки аналитика заключается в его собственном тренинге. Он писал: «Психоанализом овладевают прежде всего на самом себе при изучении своей личности», и «...только тот может успешно

практиковать психоанализ, кто сам познал свое вытесненное бессознательное» (Фрейд, 2019, с. 20). В 1922 году требование о прохождении личного анализа было утверждено на конгрессе Международной психоаналитической ассоциации, сохраняется по сей день и предъявляется ко всем кандидатам в аналитики, вне зависимости от модели психоаналитического тренинга (французской, уругвайской или эйтингонской), который они проходят.

С другой стороны, возникает вопрос: возможно ли быть до конца проанализированным, целиком изучить и понять то, что скрыто и неизвестно? В работе «Конечный и бесконечный анализ» 1937 года Зигмунд Фрейд размышлял о критериях полного завершения анализа, и, с его точки зрения, полностью проанализированным может считаться только тот клиент, «влечение которого было "приручено", приведено в полную гармонию с Я, стало доступным всем остальным стремлениям в Я и более не ищет собственных путей к удовлетворению» (Сандлер, 2016, с. 29). Исходя из этого утверждения, гипотетически каждый индивид может быть до конца или полностью проанализированным, хотя здравый смысл подсказывает, что всегда будет оставаться что-то, что составляет бессознательное индивида и недоступно анализу. Например, разрушительные и сексуальные импульсы, которые ребенок испытывал к отцу и матери на стадии инфантильной сексуальности, всегда будут оставаться «живыми» и находиться по ту сторону сознания, у всех людей без исключения, в том числе у аналитиков. Эти переживания никуда не исчезают, они находятся в недоступной области, в бессознательном; а сознательно эти идеи воспринимаются как безумные или с отвращением. Но как бы там ни было, «миф о полностью проанализированном аналитике, который обладает сверхчеловеческими способностями для выполнения сложной работы, а также дает правильные и адекватные интерпретации, пока сильно далек от исчезновения и продолжает жить в представлениях о том, кто такой аналитик», писала Карен Марода, цитируя Эллен Пински (*Maroda, 2022, p. 26*).

Продолжая рассуждать об эдиповом комплексе в целом и об эдиповом комплексе аналитика в частности, стоит обратиться к трудам Мелани Кляйн и ее последователей, которые взяли «электронный микроскоп» и с его помощью увидели иную картину, отличающуюся от той, что видел Фрейд с помощью «обычного микроскопа». Метафорически описывая психоаналитические теории Кляйн и Фрейда, можно сказать, что Мелани Кляйн увидела «внутренний театр» индивида, его бессознательные фантазии, backstage, и то, что происходит за занавесом, в то время как Зигмунд Фрейд видел картину, сравнимую с «археологическими раскопками» или «хирургическим вмешательством». Кляйнианская теория – это сжатая эволюционная схема, которая отражает сомнения Мелани Кляйн в строгой последовательности фаз организации либидо, а также в том, когда начинается эдипов комплекс и когда появляется Суперэго индивида. Она предположила, что фазы организации либидо смыкаются и перекрывают одна другую – не только фаллическая фаза включается в прегенитальную организацию, но и сама генитальность начинает развиваться уже тогда, когда все еще преобладают оральные драйвы. Таким образом

она оспорила мнение Фрейда о времени «начала» эдипова комплекса и предположила, что эдипов комплекс уходит корнями в самые первые фантазии младенца о теле матери и носит название эдипальной ситуации.

Мелани Кляйн размышляла об оральных фантазиях ребенка, которые возникают у него в процессе кормления материнской грудью и в которых появляется третий, а точнее, отец, но в терминах частичных объектов, то есть «пенис отца». Помимо этого, в фантазиях ребенка появляется родительская пара (комбинированная родительская фигура), которая объединяется в своей деятельности и исключает из нее ребенка. Примечательно, что именно в связи с этой исключенностью у ребенка возникают эдипальные агрессивные и разрушительные импульсы, сопровождаемые пугающими фантазиями, которые ребенок направляет на родителей и которые порождают у него тревожные состояния. Кляйн связывала эту комбинацию аффектов с Суперэго, которое появляется не к пятому-шестому году жизни, как результат разрешения эдипова комплекса (по Фрейду), а намного раньше, на первом году жизни, и является лишь одним из многочисленных внутренних объектов индивида.

Также Мелани Кляйн ввела термины параноидно-шизоидной позиции (PS) и депрессивной позиции (D), где достижение депрессивной позиции и является целью психоэмоционального развития индивида и, соответственно, эдипова комплекса. Оно заключается в ослаблении расщепляющих и проективных процессов, которые превалируют на параноидно-шизоидной позиции, а также в движении к интеграции объекта, которое приносит ощущение, что объект не является ни плохим, ни хорошим, но сразу и плохим, и хорошим, как и понимание того, что один и тот же объект и любим, и ненавидим. Принятие этой амбивалентности и является преодолением эдипова комплекса по Кляйн. Позднее последователи Мелани Кляйн, в том числе Уилфред Бион, развили и дополнили ее идеи. Они утверждали, что осцилляция, или «качели», между позициями PS↔D продолжается всю жизнь и доминирование одной из позиций никогда не является полным и постоянным, в том числе и у аналитика. Каждое мгновение индивид каким-то образом обрабатывает свои бессознательные фантазии и тревоги, и в зависимости от того, как он это делает, какие смыслы генерирует, в таком ключе он и меняет свое отношение к внешней реальности. Из этого можно сделать вывод, что, находясь в кляйнианской системе координат, эдипов комплекс разрешить невозможно, так же как невозможно постоянно удерживаться в депрессивной позиции.

Уилфред Бион использовал уже «квантовый микроскоп», и его психоаналитическую теорию метафорически можно сравнить с теорией силового поля или теорией гравитации. Он полностью изменил и переписал версию эдипова комплекса и, соответственно версию того, что происходит в каждом человеке. Эдип Биона – это Эдип интеллектуальный, который является олицетворением интеллектуальной одиссеи каждого человека. В понимании Биона то высокомерие, с которым Эдип стремился раскрыть истину, не останавливаясь ни перед чем, оказалось важнее смертоносной сексуальности, в терминах которой мыслил Зигмунд Фрейд. С точки

зрения Уилфреда Биона, эдипов комплекс не растворяется, не разрешается, не разрушается, а эволюционирует. Результатом прохождения эдипова комплекса по Биону является установление внутри индивида способности справляться с эмоциональной болью, а значит, психический рост и зрелость личности. Блон писал, что способность справляться с эмоциональной болью, выносить страдания, вырабатывается в течение всей жизни и, в частности, этому способствует психоаналитический тренинг. Так как «основной инструмент психоаналитического метода – это проанализированный ум аналитика», как писал Дональд Мельтцер (Мельтцер, 2021, с. 28), то диапазон работы аналитика с клиентами будет настолько широким, насколько аналитик понимает себя и свои возможности, насколько внимателен к собственной внутренней жизни и готов изучать ее. Так же как шахматист не знает самого лучшего хода в шахматах, так и аналитик не знает, как работать с тем или иным клиентом, потому что всегда работает собой.

Уилфред Блон считал, что «единственный способ обучиться психоанализу и развиться в качестве аналитика – это пройти личный анализ, чтобы таким образом получить непосредственный аналитический опыт», цитировал Блона Жерар Блендоню (Блендоню, 2019, с. 257). Цель личного тренинга аналитика Блон видел в том, чтобы аналитик научился анализировать клиента без памяти, без желаний и, главное, без стремления понимать клиента (Симингтон, Симингтон, 2010), а не в том, чтобы он научился механически давать интерпретации тому, что было вытеснено. Рузвельт Кассорла добавлял, что «цель личного анализа по Биону состоит в том, чтобы интуитивная способность аналитика к дримингу заместила рациональное функционирование его мышления» (Cassorla, 2013, p. 234). А так как эмоции занимают центральное место в аналитическом процессе, то аналитик в первую очередь должен постичь их в себе. Несомненно, что размышление об эмоциях также является эмоциональным процессом.

Эдипов театр психоаналитической сессии

Джон Стайнер указал на параллели между зрителем театрального представления и аналитиком, который выслушивает «драму» своего клиента (Steiner, 2020), а также обратил внимание на аристотелевскую теорию катарсиса, центральное место в которой занимают эмоции ужаса и жалости, как ключевые в переживании трагедии. Он предположил, что, когда мы испытываем ужас, мы отождествляем себя с героем пьесы, а когда мы испытываем жалость, мы отказываемся от этой идентификации и наблюдаем за кем-то, кто нам небезразличен, но не является нами.

Чтобы понять пьесу и то влияние, которое она оказывает на нас, мы должны играть обе роли. Это также справедливо в отношении «пьесы» клиента, потому что в рамках психоаналитической сессии аналитик переживает двойную идентичность: и участника этой пьесы, и наблюдателя. Эти два состояния взаимоисключают друг друга: аналитик не может быть одновременно и вовлечен, и отстранен. Вместе с тем, когда аналитик вовлекается, он осознает, что способен наблюдать, а когда выступает

в роли наблюдателя, он знает, что был и снова будет вовлечен. Поскольку ни одна из этих позиций не является устойчивой, подобные «качели» могут приводить аналитика к неверию в собственные силы и служить ему напоминанием о его человеческих слабостях. Эта ситуация может стать настолько реальной, что различия между «пьесой» и реальной жизнью начнут исчезать, или, наоборот, может стать настолько нереальной, что аналитику будет казаться, что переживания клиента не имеют к нему никакого отношения, писала Джули Уолш (*Walsh, 2011*). Джон Стайнер предполагал, что такое двойное отношение – одно в неведении, а другое в знании – отражает внутреннюю ситуацию, в которой и аналитик, и клиент оба знают, что происходит, и в то же время отрицают это знание (*Steiner, 2020*).

В «Царе Эдипе» Софокл приводит классический пример человека, Эдипа, который решил во что бы то ни стало раскрыть правду, и впоследствии это привело к трагедии. Одержав победу над Сфинксом, Эдип, его семья, да и весь город Фивы, закрыли глаза на очевидные для наблюдателя факты и 17 лет жили в иллюзии стабильного процветания, пока чума не нарушила существующее положение вещей (*Steiner, 2020*). Как и самые первые греческие зрители, мы знакомы с этой историей, но мы не всегда осознаем, что у каждого из главных героев трагедии «Царь Эдип» были свои причины уклоняться от реальности и это привело их к негласной договоренности в установлении и поддержании «незнания» фактов. Из этого можно сделать вывод, что каждый из участников пьесы – в какой-то степени Эдип, который стремился узнать истину и не хотел ее знать.

Джон Стайнер писал, что на первый план Софокл вывел конфликт между желанием взглянуть правде в глаза и желанием избежать ее (*Steiner, 2020*). Это, несомненно, один из самых глубоких человеческих конфликтов, с которым приходится сталкиваться каждому индивиду, проходящему психоанализ. Каждый из нас может отождествлять себя с героем, который проявляет такую преданность истине. Но если снова обратиться к Эдипу, то нам придется померить любовь к истине, признать ее жестокость и принять необходимость ее избегания, потому что только это может сделать жизнь сносной. Это означает, что принятие реальности гораздо сложнее, чем простое столкновение с фактами, и для обогащения нашего понимания, а также придания ему большей достоверности, требуются различные видения реальности. Чтобы поддержать клиента, когда он начинает развиваться в соответствии с реальностью, аналитик должен оценить, насколько сложными, многослойными и богатыми являются его собственные отношения с реальностью, писал Джон Стайнер (*Steiner, 2020*). Аналитику необходимо признать, что реальность может быть жестокой, а избегание и иллюзии универсальны, а также то, что их понимание возможно только в более широком контексте, когда учитывается вся ситуация в целом.

В работе «Контрперенос и терапевтические отношения» Роберт Хиншелвуд цитировал Роджера Мани-Кёрл (Хиншелвуд, 2007, с. 96): «...нормальная межличностная вовлеченность имеет место также и в чувствах аналитика. Однако аналитик, к сожалению, не всемогущ.

В особенности понимание отказывает ему тогда, когда проблемы клиента слишком тесно соотносятся с теми сторонами аналитика, которые он еще не научился понимать». Другими словами, в такие моменты пробивается нейрофизиологический щит, как говорил Фрейд (Фрейд, 2019), или возникает эмоциональный резонанс между *O* клиента и *O* аналитика, как говорил Бион (Бион, 2008): эмоции клиента входят в резонанс с такими же эмоциями аналитика, которые не были затронуты в ходе личного анализа аналитика.

Что является реалистическим способом самой примитивной коммуникации, которая происходит между аналитиком и клиентом? Бион считал, что эти двое коммуницируют посредством проективных идентификаций, которые по своей сути являются бессознательными фантазиями о том, каким образом каждый из них (и аналитик, и клиент) коммуницирует со своими внутренними объектами, которые затем проецирует в другого для того, чтобы избежать тревог, связанных с разрушением *self* или с разрушением любимых объектов. Поэтому диада «клиент – аналитик» естественным образом является полем взаимных проективных идентификаций – не только клиент что-то «делает» с аналитиком, но и аналитик что-то «делает» с клиентом.

Более того, коммуникация клиента и аналитика осуществляется через их эдиповы конфигурации, где эдипова конфигурация – это способ организации эмоционального опыта, ментальных состояний и бессознательных желаний индивида. Например, каждый раз, когда аналитик создает интерпретацию, он делает это через собственную эдипову конфигурацию, другого способа ее сделать просто не существует. Кроме того, реальные бессознательные желания аналитика всегда выражают его эдиповы желания в терминах целых и частичных объектов (убить клиента, раскромсать его на куски, сожрать его, как это делают каннибалы, совокупиться, ограбить, жить за счет клиента, как паразит, и так далее). При этом у каждого аналитика одно или несколько желаний преобладают над другими, они и формируют уникальный для каждого аналитика дисбаланс эдиповой конфигурации, когда он сталкивается с ситуацией тревоги в анализе.

Можно сказать, что в рамках поля психоаналитической сессии болезненные эмоциональные переживания и взаимные проективные идентификации его участников формируют метафорический океан «Солярис», или общего «аналитического третьего», как называл это явление Томас Огден (Огден, 2001). «Аналитический третий – это творение аналитика и анализируемого, и в то же время аналитик и анализируемый создаются этим "аналитическим третьим". Нет аналитика, нет анализируемого, и нет анализа в отсутствие этого третьего», – писал Альфонсо Санчес-Медина (*Sánchez-Medina*, 2018, p. 387). Он также утверждал, что аналитический опыт рождается на перекрестке прошлого и настоящего и включает в себя «прошлое», которое создается заново как для клиента, так и для аналитика и в котором невозможно различить, что от клиента, а что от аналитика. А происходит это с помощью накопленного между аналитиком и анализируемым опыта, то есть внутри аналитического третьего. Если взять воду, разложить ее на составляющие (атомы водорода и кислорода) и изучить

по отдельности свойства и водорода, и кислорода, то свойства воды мы не получим. Эта метафора помогает понять феномен аналитического третьего и взглянуть под другим углом на то, что происходит на психоаналитической сессии. То есть уникальный океан «Солярис» формируется не только болезненными эмоциональными переживаниями и проективными идентификациями клиента, но и аналитика.

Бион рекомендовал, чтобы аналитик в рамках психоаналитического процесса стремился к такому ментальному состоянию, которое позволило бы ему быть восприимчивым к психоаналитическому объекту, а для этого он должен опираться на свою психоаналитическую способность (альфа-функцию) (Блендоню, 2019). Примечательно, что психоаналитическая способность аналитика нестабильна, потому что напрямую зависит от взаимодействия с эдиповой конфигурацией аналитика и от ее эволюции. Именно поэтому способности разных аналитиков так различаются, как, впрочем, и способности одного и того же аналитика, в зависимости от ситуации. Размышления о психоаналитическом объекте Бион называл «негативной способностью», которая выражается в способности аналитика пребывать в состоянии неопределенности и сомнений, без навязчивого стремления к фактам и «разуму». Таким образом, Бион видел психоаналитика как личность, которая в рамках психоаналитической сессии, находясь под постоянным давлением клиента, опираясь на собственную альфа-функцию и используя ее, пытается дать рождение психоаналитической функции (альфа-функции) клиента, которая обеспечит клиенту движение от начала вектора под названием «нарциссизм» в направлении конца вектора под названием «социализм».

Если аналитик не способен выдерживать свое незнание и неопределенность, потому что не понимает, что происходит в анализе и что именно приносит ему клиент, если он «тонет» в разбросанных фактах, то он сознательно может прибегать к воспоминаниям о том, что клиент говорил на предыдущих сессиях, рационально стремиться понять факты из материала клиента, апеллировать к известным теориям и классификациям, использовать их как барьеры перед неизвестным, делать все, чтобы избежать эдипова неудовольствия. Это означает, что он минует негативную способность, не в состоянии обрабатывать те эмоциональные переживания, которые «вбрасывает» в него клиент с помощью проективных идентификаций, и хочет избавиться от болезненных эмоциональных переживаний. По существу, аналитик идет на встречу принципу удовольствия и удовлетворяет свои эдиповы желания. Разрядка неудовольствия, которую аналитик совершает в рамках психоаналитической сессии, и есть не что иное, как Эдип аналитика.

Кроме того, аналитик может бессознательно желать, чтобы клиент достиг какого-то результата или «выздоровел», и это также может означать, что аналитик погружен в собственные эдиповы фантазии, а следовательно, блокирует свой дриминг, свою алфаветизацию (Бион, 2019). Довольно часто аналитик может предполагать, что обладает истинным знанием о том, кто такой клиент, или же предпринимать попытки сделать из клиента кого-то понятного ему, аналитику, например посредством

контрпереносной инфантилизации клиента. Это может означать, что в психоаналитическом поле разыгрывается драма скрытого садизма и эдипова триумфа самого аналитика. Также случается, что аналитик сознательно или бессознательно обещает клиенту, что точно выдержит все, что любой ценой примет все проективные идентификации клиента, что сможет иметь дело с его эмоциональной болью, не видя, где проваливается сам. И это, в свою очередь, также может означать, что аналитик сам «заблудился» в своем Эдипе.

Еще одной ловушкой для некоторых аналитиков является их (эдипова) самонадеянность, неадекватная оценка своих сил и способностей и, как следствие, взятие в анализ клиентов, у которых доминирует психотическая часть личности. Такие клиенты часто стремятся к получению от аналитика эффективных формул для удовлетворения желаний в виде материального успеха или для достижения преимуществ в мире, с которым им не удастся справиться с помощью той ментальной экипировки, которая у них имеется. О таких клиентах также говорят, что для них морально только то, что приносит им удовольствие, а Бетти Джозеф называла их «пациентами, которых трудно достичь» (*Joseph, 2003*). В анализе они вырабатывают жесткие защиты, которые можно трактовать как способность улавливать эдипову конфигурацию аналитика, а следовательно, те психические состояния аналитика, которые обнажают его уязвимость, причем до такой степени, что аналитик может оказаться в опасности – будет «парализован». Как правило, такие клиенты прекрасно «знают», что в те моменты, когда аналитик что-то говорит или интерпретирует, он является отдельным, отличным от них человеком, а значит, раскрывает свою эдипову конфигурацию и уязвимость. Тогда они «притягивают» бессознательные эдиповы желания аналитика, исполняют их, и, как следствие, анализ может продолжаться бесконечно, без каких-либо изменений.

Также примерами эдиповой самонадеянности и высокомерия аналитика можно считать отыгрывания. Рузвельт Кассорла предполагал, что перед лицом угрозы катастрофического разрыва аналитического поля, перед так называемым острым отыгрыванием (*acute enactment*), аналитик может обращаться к себе, воображая, что, не осознавая того, он вторгся в аналитическое поле со своими собственными эдиповыми аспектами (*Cassorla, 2013*). Позже аналитик может осознать, что позволил себе стать завербованным аспектами клиента, и тогда он может начать обвинять себя в том, что был глуп и самонадеян. Но, возвращаясь к материалу сессии, аналитик может обнаружить, что он и его клиент были вовлечены в бессознательный хронический стговор (*chronic enactment*), который предшествовал острому отыгрыванию и во время которого любое осознание треугольной реальности было заблокировано.

Кассорла считал, что атаки на восприятие реальности во время хронического стговора зачастую направлены на поддержание в «замороженном» состоянии тех травматических ситуаций аналитика, которые могли быть повторно им пережиты в аналитическом процессе, и что в областях, параллельных хроническому отыгрыванию, альфа-функция аналитика «зашивает» его травматические дыры (*Cassorla, 2013*). Это значит, что только

тогда, когда способность аналитика к дримингу, или его альфа-функция, станет достаточно сильной, хроническое отыгрывание постепенно начнет исчезать из аналитических сессий.

Становится ясно, что глупость, высокомерие и любопытство аналитика, которые имеют место во время хронического сговора, не позволяют ему этот сговор осознать. Уилфред Бион утверждал, что «намек на глупость, высокомерие и любопытство аналитика являются признаками психологической катастрофы» (цит. по: Блендоню, 2019, с. 215). Но проблема состоит в том, что любопытство как неотъемлемая часть психологической катастрофы является также и неотъемлемой частью аналитической сессии. Из этого следует, что акт анализа клиента способствует регрессу не только клиента, но и аналитика и превращает сам анализ в игру. Бион рекомендовал избегать этого явления для того, чтобы анализ был успешным, но как это сделать, он не мог понять сам, писал Жерар Блендоню (Блендоню, 2019). Поэтому регрессия и отыгрывание должны восприниматься как неизбежные в данном процессе и необходима детальная интерпретация как переноса клиента, так и контрпереноса аналитика.

Обычно хронический сговор происходит на бессознательном уровне, и тогда проекция принимает форму отыгрывания, замаскированного под интерпретацию, писала Бетти Джозеф (*Feldman et al.*, 2021). Такие «интерпретативные» отыгрывания впоследствии заставляют аналитика чувствовать вину и затрудняют распознавание того, что происходит на сессии, и того, что транслирует ему клиент. Следовательно, аналитик может столкнуться со сложностями, пытаясь освободиться от тех аспектов взаимодействия, в которых и он, аналитик, и клиент используют конкретную разновидность проективной идентификации. В такие моменты уровень мышления аналитика, по-видимому, ничем не отличается от уровня мышления клиента, предполагал Джон Стайнер (*Steiner*, 2020). Кроме того, принятие аналитиком психоаналитической позиции может вызвать у него слишком много тревоги и слишком сильное чувство вины, чтобы их можно было выдержать, и тогда конкретное мышление будет необходимо аналитику так же, как и его клиенту.

Также не стоит забывать, что большую часть времени аналитик пытается разобраться с проекциями клиента, конкретными или нет, и контейнировать их, а для этого он должен быть способен символизировать. Однако иногда переживания, которые вызывает в нем клиент, могут побудить его «развернуть» в противоположную сторону свою способность к символизации, чтобы преобразовать этот опыт обратно в конкретную проецируемую форму, считал Джон Стайнер (*Steiner*, 2020). Чем более нарушенный клиент, тем более интенсивно он будет эвакуировать поток необработанных бета-элементов в трехмерное пространство аналитика, такое же человеческое и примитивное, как у любого другого человека, а значит, неспособное вместить в себя бесконечную боль и хаос клиента. И чем сильнее такая эвакуация, тем сложнее аналитику будет определить, что именно клиент эвакуирует в него, и тем сильнее будет нарушаться его собственная способность символизировать. Основываясь на концепции «символического уравнения», которую Ханна Сигал разработала в

1950-х годах, Уилфред Бион предположил, что в этих случаях у аналитика будет теряться сама способность образовывать символы и тогда вместо мышления он будет «использовать» конкретные объекты, с которыми можно справиться только с помощью проективной идентификации (Бион, 2008).

Если же посмотреть на эту ситуацию более широко, то можно увидеть, что способность к символизации является необходимым условием для избавления индивида от невыносимых психических переживаний, независимо от того, является ли он клиентом или аналитиком. Без символизации невозможна проективная идентификация и не может функционировать система защит. Если аналитик способен противостоять некоторому давлению, для того чтобы запустить и сохранить способность мыслить, то он сможет распознать важное сообщение, лежащее в основе проекций клиента. И, как следствие, он сможет осознать потребность клиента в проецировании и будет иметь возможность помочь клиенту почувствовать себя понятым.

В лекциях по технике психоанализа Мелани Кляйн предполагала (Стайнер, Кляйн, 2021), что «хороший психоаналитический подход» включает в себя довольно любопытное состояние психики, нетерпеливое и в то же время терпеливое, оторванное от предмета внимания и одновременно полностью поглощенное им. Это требует баланса между различными и часто противоречащими друг другу тенденциями и влечениями, а также хорошей кооперации между различными частями мышления, что, в свою очередь, требует продвижения аналитика по эволюционному пути в терминах его интеллектуального Эдипа. Безусловно, чем большим опытом обладает аналитик, тем более уверенно он себя чувствует, но необходимо помнить, что аналитик всегда подходит к клиенту с точки зрения его собственной эдиповой конфигурации.

Соотнесение фантазий с восприятием реальности

Драма «Царь Эдип» показывает, насколько постижение и принятие реальности сложны, поэтому всегда необходимо принимать во внимание историю, обстоятельства и личности участников аналитического поля для того, чтобы получить более широкое и верное представление об общей ситуации. Рой Шафер, чьи работы исследовал Джон Стайнер (Steiner, 2020), выдвинул гипотезу о том, что восприятие реальности зависит от отношения и состояния психики воспринимающего. Шафер рассматривал четыре основных типа восприятия реальности, которые он условно назвал «комическое, романтическое, трагическое и ироничное видение». Он основывал свои идеи на литературной критике, и предложенные им разновидности восприятия имеют значение за пределами психоаналитической сессии, поскольку относятся к базовому человеческому пониманию и определению того, что значит быть человеком. Для аналитика ценность этого подхода отчасти заключается в том, что понимание разных типов восприятия реальности может помочь ему более четко понять его собственное восприятие реальности.

Рой Шафер утверждал, что и *комическое*, и *романтическое* восприятие реальности имеют много общего с путешествием Эдипа, в котором герой стремился восстановить идеализированное состояние и достичь желаемого результата, не пытаясь понять препятствия, а преодолевая их (Steiner, 2020). В этом смысле эти два вида восприятия поддерживают иллюзию и призывают стремиться к успеху, а не к принятию истины. В психоанализе их можно рассматривать как противоположность истине, но все же они играют важную роль в повышении качества анализа. В конце концов, когда аналитик предпринимает попытки взглянуть в лицо реальности, решающий вопрос заключается в том, является ли терпимым полученный им в результате опыт разочарования.

В отличие от оптимизма комического и романтического восприятия, *трагическое* восприятие придает глубину переживаниям аналитика. В качестве примера можно привести утверждение Мелани Кляйн о том, что глубокое переживание любви возможно только в результате болезненного опыта нападения на хорошие объекты (Стайнер, Кляйн, 2021). Что имеем, не храним, потерявши – плачем, – гласит известная поговорка, которая означает, что мы в полной мере не ценим людей или вещи, пока не сталкиваемся с их потерей. Ключевая роль потери в трагедии может напомнить аналитику о важности времени и реальности смерти. Это означает, что ужасная боль и разочарование от потери идеализированных фантазий являются частью трагического восприятия аналитика (Steiner, 2020). В терминах Фрейда это будет звучать так, что аналитик, делая выбор, всякий раз сталкивается с так называемой «кастрацией» – выбирая одно, он должен отказаться от чего-то другого. И если аналитик способен принять свою «кастрацию», то он будет способен проделать работу горя по любым потерям, которые происходят с ним в рамках психоаналитической сессии.

Принятие во внимание трагического восприятия помогает осознать, что между главным героем, пребывающим в муках отказа от своей иллюзии, и зрительской аудиторией, осознающей реальность, которой главный герой так отчаянно избегает, возникает разрыв. Более того, этот разрыв существует в каждом аналитике, поскольку он по очереди «участвует» в драмах своих клиентов и наблюдает за ними, и вместе с тем этот разрыв также существует и в собственных драмах аналитика, которые он переживает и над которыми размышляет. *Ироничное* восприятие отражает осознание этого разрыва и готовность мириться с обеими точками зрения. Другими словами, ироничное восприятие заключается в том, что аналитик понимает, что все это время он кое-что знал об истине, а также страдает неспособностью главного героя видеть истину и содрогается, когда разоблачаются их хронические сговоры и отыгрышания (Steiner, 2020).

Поскольку эти отношения противоречивы, то их невозможно разрешить, и поэтому аналитик должен признать неизбежность и постоянность эдипова конфликта. То, что он хочет как отрицать, так и принимать реальность, является частью его человеческой природы. Поэтому он вынужден справляться с этим противоречием, которое включают в себя также противоречия между субъективным и объективным, символическим и

конкретным, реальным и идеальным и так далее. Тот факт, что аналитик является человеком, означает, что ни позиция вовлеченного участника, ни позиция отстраненного наблюдателя не являются стабильными, и он поочередно переходит из одной в другую. Ироничное восприятие позволяет аналитику полностью погрузиться в повествование клиента, а также отстраниться от него, чтобы частично противоречащие отношения существовали и чтобы разные части мышления аналитика сотрудничали. Тогда он сможет себе позволить активно участвовать в работе с клиентом, не опасаясь чрезмерного увлечения им, и наблюдать за ним с отстраненным скептицизмом, не занимая позиции превосходства, а также помнить, что искажает реальность в стиле собственных бессознательных фантазий (Steiner, 2020).

Подводя итог, можно сказать, что аналитик – это обычный человек, который так же, как и его клиент, воспринимает реальность сквозь призму собственной эдиповой конфигурации. А так как основной инструмент психоаналитического метода – это проанализированный ум аналитика, то аналитик должен критически оценивать, насколько сложными и многослойными являются его собственные отношения с реальностью, а также насколько развита его способность справляться с собственной эмоциональной болью. Безусловно, личный анализ способствует большему пониманию аналитиком себя и своих возможностей, а также эволюции его эдиповой конфигурации, но не является панацеей. Человеческую природу преодолеть невозможно, поэтому психоаналитическая способность (альфа-функция) аналитика никогда не будет стабильной и ему всегда будет сложно выдерживать свое незнание и неопределенность, а также обрабатывать те эмоциональные переживания, которые «вбрасывает» в него клиент с помощью проективных идентификаций. Поэтому аналитик всегда бессознательно будет идти навстречу принципу удовольствия, разряжать давление и удовлетворять свои эдиповы желания тем или иным образом.

Ранний детский опыт аналитика

Карен Марода писала, что если обратить внимание на ранний детский опыт большинства аналитиков, то может обнаружиться, что все они имели схожие обстоятельства и несли огромную ответственность за тех, кто был для них особенно важен (Maroda, 2022). Примечательным является тот факт, что, уже будучи аналитиками, они заново проживают свое прошлое, проходят через боль и удовольствие, если во время психоаналитических сессий сталкиваются с чувствами, которые им до боли знакомы. Кроме того, в анализе они могут предпочитать использовать определенные теоретические подходы и интервенции, которые иногда слишком легко превращаются либо в повторение их собственного прошлого, либо в защиту от переживания этого повторения.

Выбор профессии

Каждый, кто решил стать аналитиком, хотя бы однажды задумывался, что в этом решении есть что-то глубокое и примитивное, что не поддается пониманию. Многие с готовностью признают позитивные и очевидные причины их выбора, например желание помогать другим или заниматься значимым делом. И только некоторые осознают, что психоанализ также удовлетворяет их более глубокие потребности. То же самое верно и для тех теорий и техник, которые они предпочитают использовать в работе с клиентами. Вероятно, что все, что касается того, почему аналитик выбрал эту профессию, в какие психоаналитические теории он верит и как практикует, в значительной степени определяется его собственным ранним детским опытом, предполагала Карен Марода (*Maroda, 2022*).

Причины, по которым аналитик выбрал эту профессию, в основном являются бессознательными (хотя и могут быть осознаны) и исторически игнорируются как предмет для исследования, даже в личном анализе. Хотя некоторые из лучших умов в психоанализе обращались к этой теме, но она почему-то так и не получила развития. Карен Марода полагала, что причины, по которым аналитик выбирает эту профессию, вероятно, во многом связаны с тем, что в детстве он был чувствительным, эмпатичным ребенком, который утешал депрессивную мать (*Maroda, 2022*). Гарольд Сирлз считал, что аналитик приходит в эту профессию в бессознательном стремлении избавиться от чувства вины за то, что не смог «вылечить» своих родителей (*Searles, 1999*). Уилфред Бион писал, что он выбирал профессию из чувства долга перед родителями, потому что чувствовал себя обязанным им (Симингтон, Симингтон, 2010).

Самым важным для аналитика является то, что он, как и его клиенты, всю жизнь несет с собой свои детские переживания. Цель анализа как самого аналитика, так и его клиентов состоит не в том, чтобы переписать историю, а сделать ее более осознанной для того, чтобы решать внутренние конфликты. По мере того как аналитик работает с клиентами, он обязательно прорабатывает свои собственные проблемы, пытается преодолеть чувство вины и стать лучшим человеком, каким только может быть. Как пронизательно заметила Джейн Кайт, личная история аналитика, известная или нет, понятая или нет, имеет отношение к тому, как клиенты воспринимают его (*Kite, 2016*). Она также предположила, что аналитики выбирают эту профессию в первую очередь для того, чтобы прояснить для самих себя, кто они есть с этической точки зрения, таким образом делая попытки искупить вину или спасти себя.

В каком-то смысле самая сильная сторона аналитика – это его потребность помогать другим. Если в начале жизни он был вознагражден за свою необычайную чувствительность и эмпатию, то со временем естественным образом он может распространить эти качества и на выбор профессии. Но эта «встроенная» потребность избавлять других от боли может быть и самой большой его слабостью, поскольку он склонен брать на себя слишком большую ответственность за их страдания. А это, в свою очередь, порождает у аналитика чрезмерное чувство вины в ответ на то,

что его клиенты не справляются, особенно если они обвиняют аналитика в своих страданиях, как это часто бывает. Все усложняет так называемое «желание аналитика видеть страдания другого», и аналитик становится аналитиком, чтобы отчасти доказать себе, что он недеструктивен и что боль в его семье не была его виной. Как писала Андреа Селенза, «умение использовать себя, чтобы помочь другим найти себя, совпадает с нашей собственной насущной потребностью исцелить себя и сделать это, найдя себя в другом» (цит. по: *Maroda*, 2022, p. 7).

Страх навредить

Начиная с наставлений Зигмунда Фрейда о том, что аналитик должен действовать подобно хирургу, и заканчивая современными спорами относительно психоаналитических техник, не теряет своей актуальности тема потенциального вреда, который аналитик может причинить клиенту. С точки зрения Карен Марода, страх причинить вред иногда превышает разумную осторожность аналитика, которая является частью его беспокойства о том, правильно ли он поступает по отношению к клиенту (*Maroda*, 2022). Поскольку большинство аналитиков – это порядочные, трудолюбивые, преданные своему делу профессионалы, возникает резонный вопрос: почему страх навредить настолько распространен?

Гарольд Сирлз предположил, что чувство вины аналитика может являться причиной этого страха (*Searles*, 1999). Неподтвержденные данные указывают на то, что большинство аналитиков имело депрессивных матерей, а значит, все они приобрели высокую чувствительность еще в детстве, оценивая настроение своих матерей. Также они научились ставить свои собственные чувства на второй план по отношению к чувствам других (их матерей в первую очередь), что является еще одним необходимым условием для работы аналитиком. Как известно, предъявление требований в отношениях часто влечет за собой чувство вины и страх причинить вред другому, поэтому ставить другого на первое место – это безопасный вариант, но он неизбежно ведет к подавлению агрессии.

Сосредоточение на нуждах разных людей и развитие тонко настроенной способности мгновенно улавливать настроение другого человека обязательно порождают определенную степень недовольства. Однако выражение этого недовольства противоречит роли «успокоителя» или миротворца, которую бессознательно берет на себя ребенок, и в этом кроется вся проблема. Карен Марода писала, что большинство аналитиков испытывает отвращение к чувству гнева, если они его замечают в себе, и особенно к выражению гнева по отношению к клиентам, потому что это порождает в них иррациональный страх навредить им (*Maroda*, 2022). Это и есть та головоломка «сфинкс», которую им приходится решать.

Если аналитик признает неизбежную (эдипову) амбивалентность по отношению к самому анализу, а зачастую и к клиентам как к личностям, писал в своей статье Натан Кравис (*Kravis*, 2013), то это может дать ему необходимый импульс для развития как в сфере теоретических размышлений, так и практических интервенций. Еще более важным условием

является признанием аналитиком того, что он, как и любой человек, не лишен памяти и желаний. Поэтому, как бы поэтично и привлекательно ни звучала знаменитая фраза Уилфреда Биона («без памяти, без желания и без понимания»), такой подход к анализу является сложно реализуемым. Скорее «рецепт» Биона призван поощрять восприимчивость аналитика, а не отрицать его личные предрассудки и потребности, которые он приносит на каждую сессию. Поэтому, вместо того чтобы стремиться к состоянию отсутствия потребностей и желаний, аналитику было бы полезнее ожидать их наличия и работать над осознанием этих потребностей.

Стремление аналитика преодолеть собственные примитивные чувства обиды, страха, отчаяния, безнадежности может привести его к необходимости отрицать эти чувства или пытаться подавить их. Безусловно, ему гораздо приятнее испытывать глубокие переживания радости, ликования, эмоционального подъема и любви. Кроме того, безоговорочное принятие негативных чувств и поведения клиента, хотя и легче, чем принятие своих собственных, представляет собой нереалистичное желание аналитика иметь идеализированную, любящую мать, а также быть ею, писала Карен Марода (*Maroda, 2022*). «Только после болезненного переживания и принятия собственной истины мы можем освободиться от надежды, что мы все еще можем найти нетребовательного, эмпатичного "родителя" – возможно, в лице клиента, который будет в нашем распоряжении» (*Maroda, 2022, p. 11*).

Тенденция аналитика к пассивности, а не активности

Достаточно часто аналитики испытывают трудности в том, чтобы быть настойчивыми. Например, допускают слишком много словесных оскорблений в свой адрес со стороны клиентов; «закрывают глаза» на просроченные платежи; бессознательно вступают с клиентами в стговор, злоупотребляя длительными периодами молчания; продляют сессии; слишком долго «удерживают» клиентов в анализе и так далее. Они аргументируют это предполагаемой уязвимостью клиента, страхом ранить его чувства, спровоцировать суицидальный эпизод или вовсе потерять клиента. У некоторых даже есть убеждение, что без способности идти на конкретные уступки клиентам они будут неполноценны в роли аналитика.

Карен Марода полагала, что такая бескорыстность аналитика обусловлена чувством вины и стыда за то, что его собственные нарциссические потребности удовлетворяются клиентами в ходе психоаналитических сессий (*Maroda, 2022*). И эта бескорыстность, бессознательно направленная на компенсацию удовлетворения, увы, не приносит пользу. С другой стороны, теория, рожденная из отрицания удовлетворения аналитика, часто фокусируется на преодолении человеческой природы, а не на принятии. Более того, чувство вины аналитика, происходящее из ответственности за страдания своей матери (значимого взрослого в детстве), порождает поведение, основанное на чувстве вины, и у его клиентов. Но если аналитик чувствует себя настолько виноватыми и ответственными, почему он не мотивирован быть более проактивным и креативным?

Вероятно, что ответ кроется в раннем детском опыте аналитика. В детстве никто не имел реальной власти над родителями, но если ребенок был идентифицирован как эмпатичный и чувствительный, а затем «зачислен» в качестве семейного терапевта, то, по сути, он чувствовал огромную ответственность, не имея практически никакой власти над событиями или поведением других людей. Все, что он мог сделать, – это каким-то образом реагировать на ситуации, которые возникают, а затем предпринимать все возможные усилия, чтобы успокаивать, относиться с эмпатией или даже развлекать участников этих ситуаций. Но он не мог изменить сценария, который разворачивался на его глазах, и любая попытка указать родителю на его неадекватное поведение, вероятно, приводила к отторжению или дополнительным страданиям, которые ребенок точно не мог вынести.

Недавняя статья Мэри-Джоан Герсон «Смерть родителя: открытия в конце» (Gerson, 2018), в которой она писала о потере аналитиками родителя(ей), вызвала неожиданно бурное обсуждение в профессиональном сообществе. Аналитики откликнулись и говорили о той боли, через которую они прошли в детстве, о страданиях, которые пережили, и о своей амбивалентности по отношению к родителям, живым и мертвым. Эта статья получила такой живой отклик, вероятно, потому, что среди аналитиков не принято раскрывать свои амбивалентные чувства к родителям и, как следствие, осознавать то, что они не одиноки. Судя по всему, многое определяется дизайном психоаналитических тренингов и конференций, где не поощряется диалог о ранних детских конфликтах аналитиков, проходящих обучение, и не уделяется должного внимания тому, как ранний опыт аналитика может определять его отношение к себе и к клиентам. «Наши "слепые пятна" обусловлены нашими собственными историями, а также нашим местом в истории и культуре», – писала Карен Марода (Maroda, 2022, p. 14).

Другая перспектива на взаимность

Тему удовлетворения нарциссических потребностей аналитика можно рассмотреть и с другой перспективы, не как тему вины и стыда, а как тему творческого переживания своего опыта. Исходя из этого, аналитик должен брать в работу только тех клиентов, которые ему интересны. Если клиент не вызывает в аналитике определенную степень «позитивного переноса», то аналитик не будет способен его анализировать. Почти все теории, которые существуют в современном психоанализе, признают, что психоанализ и психоаналитическая психотерапия – это не просто отношения, но, в случае успеха, это отношения, которые подразумевают последовательное взаимное эмоциональное вовлечение и аналитика, и клиента.

Терапевтические отношения и техники «постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга», пишет Карен Марода, цитируя Марвина Голдфрида и Джоан Давила (Maroda, 2022, p. 14). Если же аналитик избегает двунаправленной коммуникации и чувствует ответственность за то,

чтобы сосредоточиться на потребностях клиента, «забывая» о своих собственных, то продвижение в анализе будет происходить мучительно медленно. Лучший аналитик для клиента – это тот аналитик, который может наиболее свободно воспринимать как психическую реальность клиента, так и свою собственную. Вот почему анализ клиентов, с которыми аналитик не может эмоционально взаимодействовать, безнадежен и неэтичен.

Принятие аналитиком собственной мотивации

Принятие аналитиком его собственных мотивов изучать психоанализ, которые берут начало в его детстве, и особенно нарциссических потребностей, а также чувства вины, может способствовать максимизации наиболее здоровых аспектов этих феноменов в ситуации анализа, и тогда аналитик может открыто думать и говорить о том, что он нужен своим клиентам. Признание аналитиком того, как эта работа помогает ему не только найти себя, но также сохранить и трансформировать, очень важно для того, чтобы он делал эту работу хорошо. Карен Марода считала, что анализ того, почему аналитик стал аналитиком, что именно он ищет как личность и от чего получает удовлетворение в процессе анализа, а также в чем заключаются его ограничения и предубеждения, сформированные в детстве, может открыть совершенно новые перспективы для работы с клиентами (Maroda, 2022).

Также Марода указала на то, что бессознательные дисфункциональные мотивы аналитика выбрать эту профессию, например вуайеристические тенденции, потребность во власти, могут сосуществовать наряду с такими мотивами, как забота и альтруизм (Maroda, 2022). Проблема не в том, что аналитик пытается скрыть свою деструктивность и притворяется хорошим, а в том, насколько он заинтересован быть хорошим для других, а также в том, насколько ему сложно взглянуть на собственные человеческие недостатки и желания. И самое главное, насколько сложно взглянуть правде в глаза, или, другими словами, его переживания интеллектуального Эдипа интегрированы в теории и техники, которым он следует.

Личность аналитика

Необходимо также обратить внимание на то, что за более чем 120 лет существования психоанализа аналитик изменил свое «лицо»: всезнающего, авторитарного, прекрасно анализирующего и объективного фрейдистского аналитика заменила добрая «мать» с бесконечным терпением и способностью к холдингу клиента. Эдгар Левенсон в своей работе «Загадки переноса» писал: «Сегодняшний акцент на превратностях материнства, особенно в том виде, в котором оно было описано в теориях привязанности, отражает эволюцию культуры: от патриархальной, ориентированной на эдипов конфликт и зависть мира, в которой я вырос и стал аналитиком, к матриархальной, воспитывающей, в которой материнство и эмпатия являются привилегированными» (Levenson, 2009, p. 164).

В период, когда Левенсон проходил психоаналитический тренинг, большинство аналитиков были мужчинами, белыми врачами-евреями, а аналитики-женщины еще не успели войти в профессиональное сообщество. Это был традиционно мужской мир, в котором аналитики ассоциировались с садистами, «мучавшими» своих клиентов сочетанием нежелательных интерпретаций, чрезмерным молчанием и отказом признавать реальность клиента. Сегодня среди аналитиков, их учителей и супервизоров стало неоспоримо больше женщин, чем мужчин. Аналитики-женщины в большинстве своем имеют не медицинское, а гуманитарное образование, что еще раз свидетельствует об изменении эмоционального и культурного ландшафта психоанализа, который повлиял на аналитическую теорию и практику. Даже если взглянуть на программы аналитических конференций, которые проводились последние 20 лет, то и в них можно увидеть поразительный сдвиг в перспективе – основное внимание теперь уделяется культуре, полу, расе и классу (Maroda, 2022).

Считается, что аналитики-женщины естественным образом создают «холдинговую среду», более озабочены взаимоотношениями в диаде «клиент – аналитик», а также более чувствительны к агрессивным нападениям и критике со стороны клиентов, чем аналитики-мужчины. Вопрос заключается в том, в какой степени сопротивление против высокомерного, грандиозного стереотипа классического аналитика породило новое поколение тех аналитиков, кто склонен быть щедрым и добрым и в некоторой степени мазохистическим? Стал ли новый аналитический идеал примером бесконечных самопожертвований и неприхотливости? И в какой степени этот идеал представляет собой формирование реакции на старый идеал?

Как бы там ни было, аналитик как «достаточно хорошая мать» пришел на смену аналитику как «арбитру реальности» и является спутником клиента на пути к самосознанию, не обладая, похоже, ни обязанностью, ни способностью направлять аналитический процесс. Нигде этот акцент на «незнании» аналитика не проявляется так явно, как в популярном в настоящее время отыгрывании, писала Карен Марода (Maroda, 2022). Это не означает, что аналитик не вовлечен и не работает над пониманием клиента и процесса; скорее это утверждение отражает переход от знания и авторитета аналитика к позиции «незнания». Возведение «незнания» на пьедестал опирается на убеждение в том, что аналитик обладает очень ограниченными возможностями для осознания того, что чувствует он сам или чувствует его клиент. С другой стороны, то, что начиналось как похвальный отказ от всезнающего аналитика в пользу более скромного осознания аналитиком своих ограничений, сейчас стало настолько всеобъемлющим, что лишает аналитиков возможности претендовать на какое-либо реальное знание или авторитет.

Джон Миллс выступал за более гибкий подход к аналитическому знанию и авторитету (Mills, 2017). С его точки зрения, «знание» стало синонимом высокомерия, а «незнание» предполагает большую готовность к открытиям (эта идея также занимает центральное место в буддизме). Но одной эмпатической позиции аналитика недостаточно, и, несмотря на то

что некоторые клиенты нуждаются в минимальном руководстве и даже предпочитают, чтобы их оставили в покое, большинству все же необходимо постоянное мягкое «зондирование», интерпретации и конфронтации.

Подводя итог, можно сказать, что становится понятно, каким образом люди и та культура, из которой они пришли, повлияли на формирование психоаналитической теории и практики на протяжении последнего столетия. Самым важным является признание факта того, что и теоретические основы, и аналитические техники, а также их непрерывное развитие берут свое начало в бессознательном тех людей, которые их создают. Более того, мотивы, которые побуждают людей становиться теоретиками и практикующими аналитиками, уходят корнями в их ранний детский опыт. Это проливает свет на причины страха навредить клиенту и на пассивность аналитика, а также показывает другую перспективу на взаимность в диаде «клиент – аналитик». Осознание аналитиком своих переживаний и вытекающих из них потребностей, а также признание собственных мотивов могут способствовать как личной трансформации аналитиков, так и эволюции психоаналитических теорий и техник.

Нарциссическая уязвимость аналитика

Джудит Чузед утверждала, что для того, чтобы быть эффективным аналитиком, необходимо быть уязвимым (*Chused, 2012*). Аналитик – это обычный человек, и для него чувствовать себя уязвимым, незащищенным, обиженным, разочарованным, обескураженным и даже униженным так же неизбежно, как и испытывать радость или эмоциональное ликование. Было много дискуссий по поводу того, являются ли аналитики более нарциссически уязвимыми, чем представители других профессий. Карен Марода считает, что это не так, но отмечает, что нарциссические потребности аналитика могут представлять собой значительные препятствия для его эффективной работы с клиентами (*Maroda, 2022*). С другой стороны, если аналитик отрицает свои нарциссические потребности, то это отрицание препятствует осознанию того, как и когда они мешают процессу анализа.

Употребление и злоупотребление термином «нарциссизм»

Где находятся истоки уязвимости и нарциссических потребностей аналитика? В какой степени аналитик демонстрирует здоровый и нездоровый нарциссизм? Если нарциссическая уязвимость неизбежна в силу того, что аналитик – это обычный человек, то как с него снять клеймо уязвимости и открыть возможности для изучения этого вопроса? Как отказаться от обвинений аналитика в патологическом нарциссизме, что так распространено в психоаналитических сообществах, и заменить их идеями о том, что ранний детский опыт аналитика может обуславливать определенные типы уязвимости? Как отмечают многие авторы, например Ирвин Хирш (*Hirsch, 2014*), за последние четыре десятилетия термины «нарциссизм» и «нарциссический» стали достаточно перегруженными.

Даже в рамках профессии термин «нарциссизм» теперь легко используется как уничижительный ярлык, а не как термин, который описывает конкретную область (области) уязвимости. Едва ли большинство аналитиков подходят под язвительное описание нарциссизма, в котором речь идет о грандиозности, специфических защитах, отсутствии эмпатии и самоанализа. И даже более упрощенные суждения о нарциссизме не отдают должного той сложности характера аналитика, которая допускает существование как доброты и эмпатии, так и приступов защитной зависти, стремления к власти и потребности быть особенным.

Вероятно, более уместно говорить о концепции «нарциссической уязвимости» и «нарциссической травмы», которую можно применять как в отношении клиентов, так и в отношении аналитиков. Ведь не секрет, что все люди уязвимы в той или иной степени – чувствительны к критике, отсутствию интереса или одобрения со стороны значимых людей, а также все страдают от посягательств на их самооценку. По всей видимости, эти концепции можно использовать для более точного описания тех областей, в которых аналитик наиболее подвержен ударам по самооценке, а также для определения обстоятельств, при которых эти удары были нанесены, без навешивания оскорбительных ярлыков. В образе идеального аналитика исторически приуменьшалась его уязвимость, как будто аналитик не может быть уязвимым, потому что это больно и стыдно, как и не может демонстрировать защитные реакции, которые возникают в результате этой уязвимости. Признание того, что аналитик можем быть уязвимым, что он уязвим и что он регулярно испытывает боль и смущение и его защиты являются естественными, присущими каждому человеку, может избавить аналитика от необходимости отрицать эти чувства. Проблема состоит в том, что идеальный образ аналитика настолько нереалистичен, что *аналитики склонны чувствовать себя защищающимися из-за того, что они защищаются*, а переживание ими чувства угрозы и активизирующиеся защиты, в свою очередь, становятся их дополнительными неприемлемыми недостатками.

Если аналитик занимает такую позицию, то у него остается мало места для маневра. Вдобавок, если он воспринимает жалобы и критику клиента в свой адрес вполне серьезно, а не списывает их на перенос, то он становится еще более уязвимым, писал Ирвин Хирш (*Hirsch, 2014*). Иногда создается впечатление, что аналитик забывает о том, что клиент приходит к нему со своей собственной историей, которую он разыгрывает с большими или меньшими искажениями. Как аналитик справляется с этими двумя реальностями? Во-первых, оба участника аналитической диады начинают аналитические отношения, в которых каждый имеет свою собственную эдипову конфигурацию и давно устоявшиеся способы восприятия и эмоционального переживания картины мира. А, во-вторых, в идеале они создают между собой нечто новое, трансформирующее. Поэтому в интересах серьезного отношения к клиенту и открытости к его критике в адрес аналитика аналитику не рекомендуется рассматривать нарративы клиента как искажения и тем более как откровенные выдумки.

В аналитическом мире неприемлемо обвинять клиента в реакциях аналитика, и это всеми приветствуется. Но, похоже, что без новой парадигмы, которая в достаточной степени учитывала бы искажения как клиента, так и аналитика, не удастся управлять их отношениями таким образом, чтобы признать как здоровые, так и нездоровые аспекты, возникающие в диаде «клиент – аналитик». В книге «Уязвимость аналитика» (Maroda, 2022) Карен Марода задалась вопросом: как часто аналитик справляется с собственными негативными реакциями, каждый раз используя новую версию «клиент заставил меня это сделать» и объясняя свое поведение якобы неизбежным отыгрыванием? Не заходит ли он слишком далеко, позволяя себе и своим клиентам «спускать с рук» нездоровое или сомнительное в отношении морали поведение, объясняя его бессознательными повторениями? Нежелание аналитика диагностировать или классифицировать межличностные и внутриспсихические дилеммы своих клиентов, равно как и его собственные, оставляет его в серой зоне незнания. А поскольку навешивание ярлыков любого рода часто воспринимается как уничижительное, что остается делать аналитику в плане признания своих собственных негативных чувств, намерений или действий? Получается, что в итоге никто не несет ответственности за свое поведение.

Карен Марода утверждала, что, хотя литература и изобилует историями случаев отыгрывания, включая ссылки на личные проблемы аналитика, в ней практически не обсуждаются реальные терапевтические ошибки, не говоря уже о недостатках характера аналитика (Maroda, 2022). Марода писала это, предполагая, что все ошибаются и что ошибки, если их признать, часто могут превратиться в терапевтические инструменты. Она призывала начинающих аналитиков принять тот факт, что они будут совершать ошибки каждый день, поэтому они должны быть открытыми к тому, чтобы видеть и признавать эти ошибки как естественную часть работы аналитика. Больше всего ее беспокоили ошибки, которые аналитики совершают регулярно, а также слепые пятна, которые они игнорируют, защищая себя от нарциссической травмы или внутреннего конфликта, вызывающего у них чувство вины.

По этому поводу Натан Кравис размышлял: «Поскольку клиническая аналитическая работа представляет собой почти безграничные возможности для нарциссической травмы аналитика, следует ожидать мобилизации всего спектра нарциссических защит аналитика, как на индивидуальном уровне, так и на коллективном, в профессиональных сообществах» (Kravis, 2013, p. 92). Из этого следует, что программы психоаналитического тренинга должны уделять больше внимания тому, о чем говорит Натан Кравис (Kravis, 2013). С самого начала обучения будущие аналитики должны усвоить, что дело не в том, бывают ли они уязвимы, а в том, как и когда они бывают уязвимы и что они могут сделать для того, чтобы более конструктивным образом управлять своим потенциальным высокомерием, а также чрезмерным чувством вины и стыда. Уязвимость – это состояние человека. Аналитическое Я просто не может быть настолько

ригидным, чтобы аналитик предполагал, что может преодолеть свою человеческую природу.

Так же и при контрпереносе у каждого из аналитиков есть свой паттерн реагирования – эдипова конфигурация, которую он может идентифицировать, отслеживать и иметь в виду при проведении анализа. На самом деле быть уязвимым – это задача не из простых и неизбежно приводит к некоторой травме. Термин уязвимый означает «восприимчивый к травме», и аналитик, который отказывается от свойственных ему характерологических защит, обнажает себя для разного рода травм: «от незначительного переживания стыда и отвержения до прямых личных нападков и потенциально разрушительного опыта», писала Карен Марода (*Maroda, 2022, p. 69*). Кроме того, Карен Марода утверждала, что не может вспомнить ни одного случая, чтобы кто-нибудь в процессе ее обучения сказал ей, что в работе с клиентами следует ожидать уязвимости и боли, не говоря уже о том, как научиться с ними справляться. Если бы она знала, что будет бесконечное количество раз повторять с клиентами свое собственное детство и что ей нужно понимать, как и почему она уязвима, то это знание пошло бы на пользу не только ей самой, но и ее клиентам. Обучение выявлению собственных паттернов контрпереносного реагирования значительно бы ускорило этот процесс (*Maroda, 2022*).

Отрицание аналитиком своей уязвимости

В какой степени отрицание аналитиком того, что ему больно «от рук» его клиентов, является следствием потребности отрицать боль «от рук» его родителей? Чувствовал ли он себя неудачником, когда не мог вывести родителя из депрессивного состояния? Чувствовал ли он себя неполноценным, когда его обязанности «сиделки» казались ему неподъемными и он страдал потому, что несет их? Чувствовал ли он себя эгоистом, когда хотел, чтобы его собственные потребности были превыше всего? Ответы на эти вопросы могут частично объяснить нежелание аналитика признать, что у него есть определенные потребности, которые должны быть каким-то образом удовлетворены.

Каждому аналитику стоит ответить на вопрос: испытывает ли он высокомерие или чувствует себя униженным, когда его критикуют? Возможно, аналитики могут казаться более нарциссичными, потому что процесс анализа обязательно обнажает их уязвимость и, как следствие, провоцирует переживание стыда. Аналитики – это не хирурги, которые орудуют скальпелями. Их инструменты – это эмпатические способности, любопытство, способность наблюдать, дриминговать и готовность конфронтировать как клиентов, так и самих себя. Действительно, может казаться, что многие аналитики ищут подтверждения и привязанности, возможно, даже идеализации от своих клиентов. Тем не менее они также обладают сильным желанием понимать других и сопереживать им – это те черты, которые не присущи патологическим нарциссам.

Мартин Фроммер высказывался относительно пристального внимания аналитика к уязвимости клиента без учета собственной уязвимости

следующим образом: «Парадокс заключается в том, что, аналитическая работа имеет дело по сути с человеческими страданиями, ограничениями и потерями, и источником этих страданий всегда является клиент и никогда – аналитик. Несмотря на то что мы раскрываем болезненную человечность наших клиентов, мы не любим раскрывать нашу собственную человечность» (Frommer, 2013, p. 56). Такое отношение мешает в должной мере понять, какие виды уязвимости могут возникать в связи с тем, кем является аналитик и какую работу он выполняет.

Также вероятно, что по мере улучшения состояния клиентов аналитик может испытывать контртрансферентную потребность делать их снова «больными», таким образом пытаюсь сохранить их, а также пытаюсь вернуться к собственной потребности в их исцелении. Несомненно, в этом есть доля истины, считал Мартин Фроммер (Frommer, 2013). Но что, если этот цикл «улучшения качества жизни клиентов, после чего они снова заболевают», также является естественным ритмом прогресса самого аналитика, углубления и перехода к новым проблемам или аспектам старых проблем, которые необходимо решить? Это не является новостью для любого опытного аналитика, утверждал Фроммер (Frommer, 2013). Но опять же, существует несоответствие между тем, что аналитик интеллектуально осознает, и тем, что он чувствует в периоды, когда клиент отдаляется, злится или критикует. Тогда возникает вопрос: в какой степени потребность аналитика сохранять связь и быть полезным мешает клиенту в те периоды, когда он чувствует себя более «собранным» и независимым от аналитика? Не препятствует ли акцент на привязанности и сонастройке, который делает аналитик, проявлению самостоятельности как самого аналитика, так и его клиента?

Потребность аналитика быть особенным

Несомненно, существует особый тип нарциссизма, который связан именно с психоаналитической деятельностью. Он проявляется в повышенной значимости, которую испытывает аналитик и которая уходит корнями в его детство, когда он был «нянькой» и «миротворцем» для значимых взрослых. По мнению Карен Марода, в дополнение к глубокой потребности в близости у аналитика также есть потребность чувствовать себя особенным, которая повторяет его детский опыт. Даже если аналитик чувствовал себя лишенным возможности просто быть ребенком, он действительно верил, что может сохранить семью, благодаря высокому уровню эмпатии и эмоциональной чувствительности (Maroda, 2022).

Принятие на себя этой непосильной и невыполнимой задачи, которую он не мог осознать в детстве как таковую, породило в нем самые высокие ожидания от себя самого, которые теперь преследуют всю жизнь. Его неспособность оправдать нереалистичные ожидания – это и есть описание того, что такое стыд. Таким образом, когда клиенты считают, что аналитик не выдерживает критики, или обвиняют его в некомпетентности или недостатке заботы, защитный стыд аналитика легко мобилизуется. Эллен Пински называла «олимпийским заблуждением» потребность

аналитика в том, чтобы его идеализировал клиент (*Pinsky, 2011*). Это заблуждение, даже если оно и не имеет никаких других пагубных последствий для клиента, в какой-то мере блокирует его разочарование в аналитике, которое должно являться частью процесса горевания, включающего принятие аналитика как обычного человека с его недостатками и ограничениями. «Действительно, только несовершенный, стремящийся к совершенству смертный может предложить клиенту необходимое внимание и нейтральность. Бог или машина не подойдут» (*Pinsky, 2011, p. 367*).

Если аналитик в детском возрасте был «призван» взять на себя большую ответственность за значимых взрослых, то, скорее всего, он также занимал особое место в его родной семье. В нем нуждались и к нему обращались в трудные минуты. В каком-то смысле он был избранным. Эллен Пински считала, что аналитик сильно мотивирован воссоздать этот особый статус по отношению к его клиентам, чтобы подтвердить ценность собственной жертвы и уникальных способностей (*Pinsky, 2011*). Вероятно, что Пински была права. Многие аналитики с готовностью признают, что быть важными для клиентов – это один из самых приятных аспектов их работы. В какой-то степени это объясняет как их особенную уязвимость к тому, что клиенты считают их неумелыми, так и чрезмерную гордость за достижения клиентов.

Необходимо помнить, что то, что аналитик находит впечатляющим в своих клиентах, например славу, власть, силу, интеллект, богатство, престиж, талант, творчество, способности, сексуальность, молодость и так далее, имеет особую привлекательность лишь для отдельно взятого аналитика. Это объясняется тем, что впечатляющим клиент становится именно благодаря соответствующим потребностям самого аналитика, писала Карен Марода (*Maroda, 2022*). Также она отмечала, что аналитика могут привлекать клиенты, которые отражают его собственные темные наклонности, поскольку он стремится объединить эти наклонности с потребностью быть хорошим человеком. В этом отношении аналитик не так уж сильно отличается от других людей и у него есть потребность прояснить те последствия, которые повлечет за собой повторное переживание им прошлого опыта в идиосинкразическом контексте анализа.

Способность аналитика к сопереживанию и к искренней заботе явно заложена в его эмоциональной чувствительности и способности к близости. Это неизбежно делает его уязвимым. Если он сможет принять разумную степень собственной уязвимости как критически важную для человеческой связи, даже если она будет приводить к ошибкам в анализе, возможно, он лучше подготовит себя к работе с клиентами. Но уязвимость аналитика, необходимая ему для достижения и поддержания эмоциональной вовлеченности, может противоречить его идеализированному образу. Если он считает себя волшебным целителем, хорошей матерью, а не плохой, то как ему принимать критику, не защищаясь? Как ему справиться с собственным аффектом, когда он возникает? Как и когда ему сказать о том, что ему больно? И еще более сложный вопрос: как аналитик может позволить себе быть уязвимым, если он воспринимает клиента как критикующего, который делает это с единственной целью – заставить

аналитика заново пережить опыт отвержения, разрушения и даже унижения?

Можно задаться вопросом, насколько эволюция аналитической теории и практики за последние два десятилетия повлияла на кажущуюся склонность аналитиков винить себя в том, что их клиенты не улучшаются. Несколько десятилетий назад классические аналитики не задавали себе подобных вопросов при представлении трудных случаев анализа. Карен Марода писала, что аналитик часто взаимодействует с клиентами, либо исходя из собственной потребности жертвовать и спасать их, либо защищаясь от любого представления о том, что он поступает с ними неправильно. Идеальная позиция, конечно, заключается в том, чтобы не потакать собственной потребности исцелять клиентов и не защищаться от нее, а скорее осознавать эти чувства, чтобы они могли направлять действия аналитика (Maroda, 2022). «В конце концов, способность сливаться с бессознательным без принуждения к этому или принуждения избегать этого – это здоровая нарциссическая функция» (Maroda, 2022, p. 75).

Здоровый нарциссизм аналитика

Можно ли говорить о естественности желаний аналитика? Похоже, что дискомфорт, связанный с позицией, в которой у аналитика есть желания, обусловлен тесной связью между понятиями «желание» и «нарциссизм». Другими словами, желание слишком сильно похоже на корысть. Хотя, если сместить акценты с эксплуататорского потворства своим желаниям на здоровую аналитическую корысть, то можно выиграть. По сути, нарциссизм является существенным аспектом многих самых положительных черт аналитика. Хайнц Кохут в работе «Анализ самости» отмечал (Кохут, 2017а), что нарциссизм протекает по континууму и не является по своей сути нездоровым, поскольку нарциссические стремления позволяют индивиду верить в себя и свои способности, а также полагаться на других во время стресса или когда это потребуется. Этому вторит Джудит Чусед в своей статье «Нарциссизм аналитика» (Chused, 2012, p. 912): «Для меня здоровый нарциссизм – это наличие чувства собственного достоинства, которое может выдержать удары неудач и отвержений, не прибегая к грандиозности, паранойе или проекции».

Многие авторы постулируют, что здоровый нарциссизм означает то, что индивид в достаточной степени осознает свою детскую потребность быть спасенным, чтобы использовать сублимацию, а не формировать реакцию в качестве защитного механизма. Аналитик также может сублимировать свою потребность быть особенным и идеализированным с помощью эффективной аналитической работы, которая приносит искреннюю благодарность и уважение клиента. Другими словами, аналитик может удовлетворять потребность быть особенным благодаря собственной клинической проницательности, а не посредством укрепления своего хрупкого Я, которое нуждается в постоянном подтверждении, независимо от того, нужно это или нет, писала Карен Марода (Maroda, 2022). Если аналитик будет более полно осознавать свои потребности в целом, это может

способствовать уменьшению его нужды удовлетворять свои нарциссические потребности в рамках работы с клиентами. В профессиональной сфере он может писать, выступать с докладами, руководить, наставлять, супервизировать и так далее, эти формы удовлетворения также могут способствовать минимизации того, что аналитику нужно от его клиентов. То же самое можно сказать и о личных отношениях аналитика. Но, несмотря ни на что, в каждом из аналитиков всегда будет оставаться более глубокая, примитивная потребность в одобрении со стороны клиентов, которую внешнее удовлетворение не сможет заменить.

Концепция здорового нарциссизма и удовлетворения потребностей аналитика, вероятно, сильно недооценена в профессии, и обсуждение этих вопросов практически не ведется в психоаналитических сообществах. Такой настрой, вероятно, обуславливает и нежелание дискутировать о технике, потому что в этом случае потребности аналитика станут существенным элементом обсуждения того, что происходит в диаде «клиент – аналитик». Более того, на момент написания этой статьи, обзоры литературы о потребностях и уязвимости аналитика являются более чем скудными. Карен Марода добавляла, что, «несмотря на то что эти вопросы становятся все более популярными, относительный недостаток литературы на эту тему отчасти объясняется тем, насколько некомфортно мы себя чувствуем» (Maroda, 2022, p. 77).

Подводя итог, можно сказать, что в психоанализе существует нетронутая, в некоторой степени даже избегаемая, область для исследований, которая связана с нарциссической уязвимостью аналитика. Создается впечатление, что под давлением образа идеально проанализированного аналитика не остается места для уязвимости, которая естественным образом возникает в результате эмоциональной вовлеченности в диаде «клиент – аналитик». Вероятно, поэтому многие аналитики склонны чрезмерно винить себя, если процесс анализа заходит в тупик или не удастся, либо защищаться от нападков Суперэго, убеждая себя в том, что все, что они делают, приемлемо или даже желательно, что «все перемелется и будет мука». Понимание аналитиком того, где берут начало его нереалистичные ожидания от самого себя, а также того, как проявляется его здоровый нарциссизм, могут помочь ему принять как свои собственные человеческие недостатки и ограничения, так и недостатки своих клиентов. Это также может способствовать тому, что аналитик будет выше ценить свои природные эмпатические способности, любопытство, способность наблюдать, дриминговать и другие качества, которые служат ему и его клиентам. Кроме того, вероятно, это может помочь решить проблему, которая заключается даже не в универсальной тенденции занижать или завышать свою самооценку, а в необходимости отстаивать эту позицию.

Заключение

Несмотря на то что психоаналитические школы по-разному трактуют эдипов комплекс, существует также и нечто, в чем их мнения сходятся, а именно то, что все мы имеем родителей (реальных или сфантазированных)

и что у каждого из нас есть предрасположенность быть страстным, агрессивным, нарциссическим индивидуумом, как утверждал Андре Грин (2020), вторя Зигмунду Фрейду. В этом же ключе мыслил и Уилфред Бион, который добавлял, что все мы любопытны по своей природе (Бион, 2008). А Зигмунд Фрейд, в свою очередь, отмечал, что мы все рождаемся преждевременно и это преждевременное рождение делает человеческого ребенка полностью зависимым от взрослых, которые заботятся о нем в течение долгих лет (Фрейд, 2019). С одной стороны, этот факт благоприятствует созданию аффективных связей и психосоциальному развитию ребенка; а другой стороны, подвергает ребенка бесчисленным вызовам и интенсивным конфликтам именно потому, что от рождения он является существом, которое любит, ненавидит, любопытно и так далее.

Критическими моментами этих конфликтов являются противостояние и борьба со следующими основополагающими реалиями или фактами жизни, как навала их Мелани Кляйн (*Hartke, 2016*): 1) с фактом отдельного существования другого объекта (матери или замещающего ее взрослого), от которого зависит ребенок; и 2) с фактом существования особых, эксклюзивных сексуальных отношений между родителями, из которых ребенок исключен и не имеет возможности в них участвовать, что, в свою очередь, подразумевает необходимость признания им разницы полов и поколений. Психические реакции и структуры, которые возникают в результате конфронтации с этими реалиями, проистекают из взаимодействия особых характеристик ребенка с характеристиками взрослых, от которых он зависит, другими словами, из специфического контекста их отношений в треугольнике «мать – дитя – отец».

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что ранний детский опыт любого человека играет основополагающую роль в его жизни, структурирует внутреннюю психическую реальность, определяет мышление и уязвимость. Потoki эмоциональных переживаний, которые возникают в треугольных отношениях между ребенком и его родителями, описывают эдипову конфигурацию этого ребенка и буквально «прошивают» его психику. Это означает, что с самого раннего возраста каждый человек рассматривает все события мира через эдипову призму просто потому, что другой у него нет. Каждый, вне зависимости от пола и возраста, хочет быть единственным и уникальным. Каждый сравнивает себя с другими и жаждет авторитета. Каждому не чужды ревность, жадность и зависть. Каждый чувствует себя исключенным и ненужным, хочет избавиться от этих переживаний, чтобы их чувствовал кто-то другой, а не он сам.

Аналитик, как и его клиент, через всю жизнь пронесет свои ранние переживания и мотивы, всю жизнь ищет ответы на вопросы интеллектуального Эдипа. То, как гении психоаналитической мысли создавали и развивали свои психоаналитические теории и техники, как объясняли устройство мира, – это то, как они объясняли самих себя. Хорошо известен тот факт, что в бессознательном человека нет ничего, что связано с его желанием быть аналитиком. И только ранний детский опыт может пролить свет на то, почему человек выбрал именно эту профессию, а также на его

уязвимость. Кроме того, ранний детский опыт аналитика дает возможность посмотреть под иным углом на причины страха аналитика навредить клиентам; на его тенденцию к пассивности, а не активности; на его амбивалентность по отношению к техникам. Более того, можно увидеть другую перспективу взаимности в диаде «клиент – аналитик», а также потребности аналитика чувствовать себя особенным и видеть в преувеличенно позитивном свете.

Без сомнения, основным инструментом психоаналитического метода является проанализированный ум аналитика, поэтому аналитик должен критически оценивать, насколько сложными и многослойными являются его собственные отношения с реальностью и насколько развита его способность справляться с эмоциональной болью. Но, как бы то ни было, аналитик всегда будет оставаться обычным человеком и так же, как и его клиент, воспринимать реальность сквозь призму собственной эдиповой конфигурации. И если человеческую природу преодолеть невозможно, то это означает, что психоаналитическая способность аналитика, его альфа-функция, никогда не будет стабильной. Аналитику всегда будет сложно выдерживать свое незнание и неопределенность, а также обрабатывать те эмоциональные переживания, которые «вбрасывает» в него клиент с помощью проективных идентификаций. Поэтому аналитик всегда бессознательно будет идти навстречу принципу удовольствия, разряжать давление и удовлетворять свои эдиповы желания тем или иным образом.

Аналитики уже давно признали факт самопожертвования, которое в той или иной степени имеет место в ходе анализа (Maroda, 2022). Но почти никто никогда не говорил о том, что в процессе работы с клиентами аналитик также удовлетворяет и собственные потребности. Безусловно, важно разграничивать мазохизм и самопожертвование и ни в коем случае не одобрять мазохизм. Но не менее важно аналитику осознавать не только собственные эмоциональные переживания, но и вытекающие из них мотивы и потребности, а также понимать, как они удовлетворяются как в целом, так и с каждым отдельным клиентом. Причем следует помнить, что с возрастом и опытом его мотивы и потребности могут изменяться и это будет требовать от него постоянного самоанализа. Цель самоанализа заключается в поиске и достижении здорового баланса между самопожертвованием и удовлетворением собственных потребностей, а также в осознании того, что этот баланс необходимо соблюдать не только в интересах аналитика, но и в интересах его клиентов.

Хорошо известно, что одним из наследий классического анализа является миф об идеально проанализированном аналитике, а также миф о том, что существуют аналитики, которые всегда делают правильные и адекватные интерпретации. В профессиональных сообществах бытует мнение, что аналитическое Эго не должно оставлять много места для естественной уязвимости, которая возникает в результате эмоциональной вовлеченности в диаде «клиент – аналитик». Аналитики одобряют первое, но не второе, вероятно, поэтому тема их уязвимости до сих пор не нашла отражения ни в научных исследованиях, ни в их личном анализе и зачастую расценивается скорее как признак слабости и неполноценности,

а также как причина неизбежных неудач в работе. По всей видимости, с этим связаны и чувства вины и стыда, которые мешают аналитикам осознавать и принимать то, что они уязвимы, когда работают с клиентами, а также откровенно обсуждать ошибки и тупики в работе на супервизиях. Вероятно, с этим связано и то, что аналитики зачастую предпочитают «родительский» подход в работе с клиентами с целью исправления «недостатков» их раннего детства, пренебрегая конфликтами и негативными переносами в работе и игнорируя тот факт, что их собственные страхи и потребности в мгновение ока могут быть актуализированы в рамках психоаналитических сессий с клиентами. Хотя очень соблазнительно верить в то, что большинство специалистов находят способ «справляться» со своей уязвимостью, исследования в ходе написания данной статьи заставляют думать иначе.

Аналитик всегда работает собой, поэтому ему необходимо оставаться уязвимым, а значит, переживать обиду, разочарование, чувствовать себя обескураженным, возможно, даже униженным, неспособным вынести давление клиента и вынужденным отыгрывать. Это так же неизбежно в процессе анализа, как и чувство радости или эмоциональное ликование. Понимание того, где берут начало нереалистичные ожидания аналитика от самого себя, может помочь ему принять как свои собственные человеческие недостатки и ограничения, так и недостатки своих клиентов. Это также может ему помочь выше оценить свою природную эмпатию, любознательность, способность наблюдать и дриминговать, а также другие качества, которые служат ему и его клиентам. Отрицание же собственной человеческой природы и потребностей может только усиливать эдипово высокомерие и защитные реакции, а также вылиться в форму самоидеализации, которая угрожает стереть человечность и индивидуальность как самого аналитика, так и его клиента. Вероятно, что образ «достаточно хорошего» аналитика должен быть переориентирован на его уникальность, а не на благодеяние. В конце концов, в ходе анализа, аналитик несет большую ответственность за то, чтобы постоянно меняться, в противном случае процесс будет менять аналитика, причем всегда в худшую сторону.

Таким образом, опираясь на размышления, приведенные в данной статье, можно утверждать, что человеческую природу невозможно преодолеть, как невозможно преодолеть и эдипов комплекс. А это значит, что аналитик, как и его клиент, имеет собственную эдипову конфигурацию, всю жизнь несет с собой ранний детский опыт, который определяет его внутриспсихическое и межличностное развитие, тревоги и защиты, а следовательно, и нарциссическую уязвимость. Все эти факторы делают аналитика тем человеком, кто он есть, и в том числе мотивируют его выбор профессии и обуславливают то, как он ведет анализ. Критически важными являются осознание аналитиком собственных переживаний, мотивов и потребностей, которые уходят корнями в его ранний детский опыт; осознание того, чем он жертвует, а в чем выигрывает, работая с клиентами; низвержение тотема совершенства; принятие без чувства вины или стыда собственной обычной, и необычной, человечности; а также признание

того, какую роль играет его аутентичность и эмоциональная вовлеченность в диаде «клиент – аналитик».

Задача следующего поколения аналитиков состоит в том, чтобы справиться с «пережитками» мифической нейтральности и проанализированности аналитика, отказаться от довольно пассивного и идеализированного подхода к анализу, перестать фокусироваться на бессознательном и неизвестном, а также сравнивать взрослого пациента с неразвитым младенцем и вместо этого использовать силу своей эмоциональной коммуникации с клиентом. Роль психоаналитика должна трансформироваться из роли человека, который ответственно и с эмпатией работает с клиентом, в роль, в которой аналитик обладает исключительными способностями для того, чтобы признавать и ориентироваться в том, что происходит между ним и клиентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У.Р.* Научение через опыт переживания / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2008. (Библиотека психоанализа.)
2. *Бион У.Р.* Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2019. (Библиотека психоанализа).
3. *Блендоню Ж.* Встречи над пропастью (Жизнь и Труды Биона) / Пер. с англ. Ульяновск: АО «Областная типография «Печатный двор», 2019.
4. *Бокановски Т.* Шандор Ференци / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013.
5. *Грин А.* Работа негатива. Психоаналитическая работа, фокусированная на концепте негатива / Пер. с франц. Киев: Издательство Ростислава Бурлаки, 2020.
6. *Кохут Х.* Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2017. (Библиотека психоанализа).
7. *Кохут Х.* Восстановление самости / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2017. (Библиотека психоанализа).
8. *Мельтцер Д.* Сексуальные состояния разума. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2021.
9. *Огден Т.* Мечтание и интерпретация: Ощущая человеческое / Пер. с англ. А. Ф. Ускова. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 160 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 91).
10. *Сандлер Д.* «Конечный и бесконечный анализ» Зигмунда Фрейда / Пер. с англ. М.: Канон-Плюс, 2016.
11. *Симингтон Д., Симингтон Н.* Клиническое мышление Уилфреда Биона / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2010. (Библиотека психоанализа).
12. *Стайнер Дж., Кляйн М.* Лекции Мелани Кляйн по психоаналитической технике. Редактирование и критический обзор Джона Стайнера / Пер. с англ. М.: Научный мир, 2021.
13. *Фрейд З.* Введение в психоанализ // Зигмунд Фрейд / Пер. с немецкого Т. В. Барышникова; предисл. Э. Марона; примеч. В. Брушлинского. М.: АСТ, 2019. (Всемирное наследие).

14. *Xиншелвуд Р.* Контрперенос и терапевтические отношения. Новейшие изменения в кляйнианской технике // Журнал практической психологии и психоанализа. М.: Институт практической психологии и психоанализа. 2007. № 1. С. 88–100.
15. *Cassorla R.* (2013) When the Analyst Becomes Stupid: an Attempt to Understand Enactment Using Bion's Theory of Thinking // *The Psychoanalytic Quarterly*, 82:2, pp. 323–360.
16. *Chused J.* (2012) The Analyst's Narcissism // *The Journal of American Psychoanalytic Association*, 60:5, pp. 899–915.
17. *Feldman M., Spillius E., Segal H.* (2021) *Psychic Equilibrium and Psychic Change: Selected Papers of Betty Joseph*. London, Routledge. (The New Library of Psychoanalysis).
18. *Ferro A.* (2017) *The New Analyst's Guide to the Galaxy: Questions about Contemporary Psychoanalysis*. London, Routledge.
19. *Frommer M.S.* (2013) When the Analyst's Protected Space is Breached: Commentary on Paper by Stephanie R. Brody // *Psychoanalytic Dialogues*, 23(1), pp. 59–71.
20. *Gerson M-J.* (2018) Death of a Parent: Openings at an Ending // *Psychoanalytic Perspective*, 15:3, pp. 340–354.
21. *Hartke R.* (2016) The Oedipus complex: A confrontation at the central crossroads of psychoanalysis // *The International Journal of Psychoanalysis* 97(3), pp. 893–913.
22. *Hirsch I.* (2014) Narcissism, Mania and Analyst's Envy on Patients // *Psychoanalytic Inquiry*. Volume 35. Issue 5, pp. 408–420.
23. *Joseph B.* (2003) The patient who is difficult to reach // In E. B. Spillius *Melanie Klein today: Developments in theory and practice*, Taylor & Francis/Routledge. Vol. 2, Mainly practice, pp. 48–60.
24. *Kite J. V.* (2016) The Fundamental Ethical Ambiguity of the Analyst as Person // *Journal of American Psychoanalytic Association*, 64(6), pp. 1153–117.
25. *Kravis N.* (2013) The analyst's hatred of analysis // *Psychoanalytic Quarterly* 82(1), pp. 89–114.
26. *Levenson E.* (2009) The Enigma of the Transference // *Contemporary Psychoanalysis*. Vol. 45, Issue 2, pp. 163–178.
27. *Maroda K.* (2022) *The Analyst's Vulnerability. Impact on Theory and Practice*. London and New York, Routledge Taylor & Francis Group.
28. *Mills J.* (2017) Challenging Relational Psychoanalysis: A Critique of Postmodernism and Analyst Self-Disclosure // *Psychoanalysis Perspective*, 14:3, pp. 313–335.
29. *Pinsky E.* (2011) The Olympian delusion // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 59, pp. 351–376.
30. *Sánchez-Medina A.* (2018) Projective identification and “telepathic dreams” // *The International Journal of Psychoanalysis*, 99:2, pp. 380–390.
31. *Searles H.* (1999) *Countertransference and Related Subjects: Selected Papers / Psychosocial Pr.*, 1st (THUS) edition.
32. *Sophocles.* (2000) *The Three Theban Plays: Antigone; Oedipus The King; Oedipus at Colonus*. Trans. By Robert Fagles, London: Penguin Classic.

33. *Steiner J.* (2020) *Illusion, Disillusion, and Irony in Psychoanalysis*. London and New York, Routledge Taylor & Francis Group.
34. *Walsh J.* (2011) *Unconscious Dissemblance: The Place of Irony in Psychoanalytic Thought* // *PIVOT: A Journal of Interdisciplinary Studies and Thought* 1(1), pp. 143–158.

The Psychoanalyst's Oedipus Complex and Vulnerability

O. V. Geiger

Geiger Olesya V., Medical doctor, psychiatrist, psychologist, psychoanalytically oriented business consultant, member of the Moscow branch of ECPP.

The Oedipus complex, as an intrapsychic structure, is inherent in every human being. Each of us once stood at the Oedipal "crossroads" and passed through the millstones of ambivalent emotions associated with the triangular relationship "mother – me – father". Human nature is impossible to overcome, and our Oedipal experiences never disappear. Hence, the analyst, like his or her client, carries early childhood experience throughout his or her whole life. This determines the analyst's intrapsychic and interpersonal development as well as his or her thinking, psychic reality, and narcissistic vulnerability. All these factors make an analyst who he or she is, underpinning, among other things, his or her personal motivation for being analyst and the way he or she conducts analysis. Since the analyst's only tool is himself or herself, everything depends on his or her awareness of what motives and needs he or she satisfies as well as on what he or she both sacrifices and gain by working with clients. The issues of the Oedipus complex and the analyst's vulnerability have historically been neglected, not only as a subject of scientific research, but also in analysts' personal analysis. This article is an attempt to study what it is not customary to talk about in psychoanalytic communities – something that remains unspoken, undisclosed and even secret both in the analyst's life and consulting room.

Keywords: Oedipus complex, Oedipus configuration, early childhood experience, narcissistic vulnerability, analyst, the intellectual Oedipus, the truth drive, psychic development.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Психоаналитический взгляд на взаимосвязь истерии и нарциссизма

*А. А. Степанова,
А. С. Лейкина*

Степанова Александра Александровна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог.

Лейкина Ася Семеновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психоаналитический психотерапевт, клинический психолог, сертифицированный мастер-супервизор Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования, ассоциированный член МПА.

Значительная часть психоаналитических исследований сосредоточена на рассмотрении истерии и нарциссизма как отдельных личностных нарушений. Однако в данной работе проводится анализ, показывающий, что начиная с классических психоаналитических взглядов до современных представлений о данных феноменах возможно выявление точек их пересечения. Обобщены психоаналитические представления о нарциссизме и истерии, их происхождении и видах. Особенное значение уделяется исследованиям французской психоаналитической школы, особенно концепции хиазма нарциссизма и истерии А. Грина, где выявлены ключевые психоаналитические параметры взаимосвязи данных феноменов. Прослежены изменения в методологическом переходе – от анализа и описания симптоматических проявлений данных расстройств до построения моделей, теорий и концепций их понимания. В настоящем исследовании показаны структурные, функциональные и генетические пересечения и возможности взаимного «превращения» данных нарушений, их связей с объектными отношениями, конфликтом, тенденциями, бисексуальностью и др. Теоретически и практически обосновано наличие взаимосвязи истерии и нарциссизма, а также возможности повышения терапевтической эффективности психоаналитической работы с данными личностными нарушениями, то есть с истерическими проявлениями нарциссической личности и нарциссическими особенностями истериков.

Ключевые слова: психоанализ, истерия, нарциссизм, хиазм, взаимосвязь, личностное нарушение, объектные отношения, конфликт, фиксация, эмпатия.

Понимание истерии и нарциссизма является ключевым и необходимым в теории и практике мирового психоанализа, тесно связано с его историей и методологией. Развитие последней происходило параллельно изучению данной проблематики, однако содержательные линии исследования истерии и нарциссизма практически не пересекались. Это представляется крайне интересным фактом в истории психоанализа и открывает широкое пространство для современных исследований, в которых данные линии все более сближаются (см. современные исследования в школе французского психоанализа, например Грин, 2007; *Roussillon*, 2012), обнаруживая важнейшие точки взаимного пересечения. В настоящей работе мы рассмотрим теоретические основания совместного изучения и проработки истерии и нарциссизма.

Рассмотрение данных оснований может быть развернуто в обращении к классическим и современным психоаналитическим исследованиям. В классическом психоанализе истерия и нарциссизм были исходно разделены, однако постепенно их рассмотрение начинает сближаться. Так, З. Фрейд в основном рассматривал генитальную истерическую проблематику, остальные фиксации, например анальные и оральные, им практически не изучались. Догенитальные основания истерии были выявлены в объяснениях доминирования женской истерии и оральных фиксаций через анализ отношения девочек к материнской груди как первичному объекту удовлетворения, на основании чего и обнаруживаются сексуальные, либидинальные, агрессивные и нарциссические фиксации, значимость которых особенно высока в системе взаимоотношений матери и дочери и совершенно иных взаимоотношений матери с сыном (Фрейд, 2010). Со второй половины XX столетия психоаналитики стали подчеркивать, что З. Фрейд не отдал должного внимания изучению эмоциональной сферы личности, предпочитая анализ психических репрезентаций влечений, что парадоксальным образом привело к несоответствию заявленного преобладания телесных потребностей фактическому разделению души и тела в классическом психоанализе (Кляйн и др., 2001; Рождественский, 2019). Он считал, что пациенты переживают страх перед желанием, осуждаемым Суперэго, которое не выходит обмануть путем переноса эротизации на функцию Эго (Фрейд, 2010). Это нашло свое отражение и в работе с истерией, что отмечается рядом авторов (Гринсон, 2003; Егоров, 2019). Феномен истерии стал доступен для особого психологического изучения, для чего была разработана специальная психоаналитическая методология (Кернберг, 2012; Фрейд, 2010). Истерическая симптоматика должна была быть подвержена декодированию и расшифровке, приводя к пониманию причин невроза на материале реальных жизненных случаев (Мазин, 2011). При этом в современных исследованиях выделяются три направления теоретического понимания истерии: во-первых, как расстройства психосексуального поведения; во-вторых, как результата травмирующего воспитательного воздействия; в-третьих, как интеграции психодинамических, поведенческих и гуманистических линий развития субъекта (Мешандин и др., 2016). Однако по-прежнему актуальной остается позиция, согласно которой истерическое реагирование сохраняет универсальный характер

(см., например, *Hoch et al.*, 1949). Важным представляется, что появление разнообразия представлений об истерии и соответствующих им логик терапевтической работы с данным феноменом не помешало развитию психоаналитического движения и его встраиванию в систему социальных и культурных практик, где и находилось подтверждение полученным данным (Райкрофт, 1995; Лапланш, 1996). Надо отметить, что постепенное удаление от логики симптоматического описания и приближение к логике построения моделей происхождения истерии привело к изменению диагностических и терапевтических процедур. Заметим, что расширение в понимании данного феномена способствовало не только осознанию многообразия его симптоматических проявлений и постепенному разделению, но и выявлению малоизученных особенностей возникновения истерии.

В современном психоанализе представления об истерии связаны с изучением свойств истерической личности, которые по разным описаниям могут быть сведены к высоколабильной патологической аффективности, выраженному художественному типу мышления, внушаемости и самовнушаемости, эгоизму и эгоцентризму, воображению и склонности к визуализациям, гиперконформности, отсутствию плана действия (Семке, 1988; *McGinley et al.*, 2018). Перечисленные признаки являются дополнительными клиническими наблюдениями за истериками, выявившими истерическую претенциозность и агрессивность (что означает доминирование аффекта над логикой), возникновение конфликта истериков с окружающей действительностью. Согласно отечественным исследованиям, следствием этого являются многочисленные уловки, ложь и обман, демонстративное поведение и эпатажность, которые применяются истериками для получения желаемого (Мясищев, 1939; Ткаченко, 2016). В контексте поиска «точек пересечения» данных исследований с работами по нарциссизму можно подчеркнуть, что в синдроме злокачественной истерии, рассматриваемой как карикатурно-гротескное заострение истерических черт, можно выделить: высокий эмоциональный дефицит, связываемый с утратой родственных отношений, игнорирование «интересов и витальных потребностей членов семьи, сочетающихся с дисфункциональностью когнитивной сферы» (что создает соответствующие проблемы с обучаемостью, ассоциативным мышлением, практическим интеллектом ребенка), наличием грубых психопатоподобных нарушений, странностей поведения, неадекватности в выборе психологической дистанции по отношению к другим, излишней прямолинейности и излишним самораскрытием в личных отношениях (Жилин, 2020, с. 140). Примечательно, что эти данные согласуются у представителей разных научных школ, при этом отмечается превалирование клинического подхода в рассмотрении истерии над психоаналитическим (Попов, 2019; *Schaeffer*, 2000). Таким образом, в появлении истерии и нарциссизма речь идет о неадекватных эмоциональных отношениях с родными людьми, постепенно приводящим к конфликтам с окружающим миром.

Согласно психоаналитическим исследованиям М. Кхана, преждевременное сексуальное развитие является реакцией на неадекватный материнский уход: недостаточное понимание и поддержка со стороны матери вызывает первичные тревоги и страхи ребенка. Дефицит понимания и поддержки, столь значимые в современном обществе и мировой культуре (что не требует отдельного пояснения), создают, по М. Кхану, угрозу интеграции Эго, появляющегося в ранний период, в результате чего происходит искусственное усиление телесного Эго и использование его сексуальности (Khan, 1974). На этом основании М. Кхан показывал диссоциацию между сексуальным опытом и творческой реализацией Эго, из-за чего взрослый истерик снимает тревогу через сексуализацию, но при этом выстраивает объектные отношения, включает сексуальный аппарат вместо эмоциональных переживаний и нормально функционирующего Эго. Истерическая личность считает себя обделенной и убеждена в том, что является непонятой другими, что не получает того, чего явно заслуживает. В этом выражается переход дефицита поддержки и понимания со стороны значимого объекта в претензию на подобное отношение и внимание со стороны всех других объектов, затем со стороны всего окружающего мира, что и становится причиной возникновения конфликта. Отсутствие детской поддержки и внимания во взрослом периоде переносится на других в том смысле, что человек не понимает своих истинных желаний и приписывает это свойство другим, считая, что это они его не понимают и не могут удовлетворить его потребности (*Ibid*). Значит, дефицит любви, заботы и поддержки у истериков связан с отсутствием правильно выстроенных отношений с матерью как первичным объектом и наиболее значимым лицом. Затем данный дефицит приводит к появлению претензии к другим и вырождается в конфликт с миром, связанный с неспособностью к построению собственных адекватных отношений с другими.

Интересно, что именно об этом писала К. Хорни, показывая, как базальная тревога связана с разрушением чувства безопасности в межличностных взаимоотношениях ребенка с родителями. Согласно ее работам, само отсутствие безопасности вызывает враждебность по отношению к тем лицам, которые обязаны эту безопасность обеспечивать; именно это отсутствие безопасности вызывает базальную тревогу, впоследствии проецируемую на других людей до тех пор, пока индивид от нее не избавится. Хорни говорила, что в этом случае у человека появляется ощущение отсутствия любви к себе, связываемое с обеспечением чувства безопасности и ожиданием внимания со стороны (Хорни, 2020). Это крайне похоже на претензию, о которой было сказано выше. Логичным решением для такого человека является получение заслуженного по его представлениям восхищения как подмены отсутствующей любви, получить которую уже не представляется возможным (первичный объект нельзя восстановить, сделать искусственно и т. п.). Проблема в терапевтической работе с истериками по К. Хорни состоит в переживании ими чувства безнадежности, требующего особого внимания аналитика и глубокой проработки (*Ibid*). Следовательно, Хорни полагает, что типичной ситуацией при истерии является поиск подтверждения собственной значимости и самооценности,

что связано с чувством безнадежности и необратимости того, что с ними случилось. Дефицит внимания и безопасности представляется истерикам тотальным, невосполнимым, открывает тем самым высокое чувство трагического, нечто театральное, что заставляет быть демонстративным, показательным, видным и заметным всем окружающим. Из этого следует вывод об утрате в истерии чувства реального и адекватного в стремлении к восхищению со стороны других, что тоже выражается в глазах, в способности отражаться. Здесь снова наблюдается параллель с линией изучения нарциссизма: в мифе о Нарциссе герой безответно влюбляется в собственное отражение в воде.

Обобщая, можно сказать, что характерными чертами истерии как особого психического заболевания являются: тип самоотождествления, механизм вытеснения, выражаемый в фаллическом и оральном регистрах либидо, эдипов конфликт. В работах первых аналитиков отмечается биологическое происхождение, богатая и изменяющаяся симптоматика данного заболевания. Догенитальное происхождение истерии связывает ее с инцестуозным нарушением, невротическими и сексуальными проблемами, слабым телесным Эго, чувством собственной беспомощности и стремлением к защите через идентификацию с другими. Здесь можно отметить, что на основании прослеживаемых сходств истерии и нарциссизма внешние выражения истерии в многообразии истерических черт характера, выражающиеся в демонстративно-театральных, игровых, манипулятивных и агрессивных проявлениях истериков, могут быть поняты и как предпосылка нарциссического аспекта личности данной категории пациентов.

Рассмотрим эти связи со стороны линии психоаналитических исследований нарциссизма, само понятие которого было введено в психоанализ в 1914 году З. Фрейдом, который тогда понимал под ним либидинозный катексис представления человека о самом себе (Фрейд, 2010). Иногда полагают, что появление широкого круга значений данного термина в психоанализе и психологии в целом связано с тем фактом, что З. Фрейд не включил разработанную им теорию нарциссизма в его общую теорию влечений и структурную модель (Мазин, 2011; Фрейд, 2006; *Balint*, 1965). Классический психоанализ вывел две формы нарциссизма: 1) первичный нарциссизм, связанный с выражением сексуальности ребенка, в которой либидо обращено к самому себе; 2) вторичный нарциссизм, с направленностью сексуальности взрослого, относящейся к его собственному Эго (Фрейд, 2006). Таким образом, первичный нарциссизм ребенка имеет решающее значение в развитии структуры его характера и отношений с миром. При этом в рассмотрении нарциссизма различаются я-либидо (нарциссическое либидо, в отношении которого важным является рассмотрение либидинозных фаз развития, т.е. фаз развития либидо) и объект-либидо (Фрейд, 2010). З. Фрейд был убежден, что исходно оба вида либидинозной энергии едины и обнаруживаются в состоянии нарциссизма. Затем по мере проявления привязанности к объектам возникает возможность отделения сексуальных влечений от влечений Эго. Фрейд исходил из того, что объект-либидо переходит в я-либидо,

и это нормальное явление, наблюдаемое, например, в снах. При пробуждении я-либидо спонтанно и свободно перетекает в объект-либидо. Если же по каким-то энергетическим причинам сексуальность отображена у объекта, нарциссическая личность может заново не суметь их соединить. Выраженная дисфункция подвижности либидо приводит к тому, что оно может вдруг стать патогенным. Есть предположение, что фиксация либидо, с которой связано выражение отдельного симптома, происходит на стадии примитивного нарциссизма. Возникает конфликт между сексуальными влечениями и влечениями Эго, что приводит к нарциссическому неврозу (Шварц-Салант, 2017; Kernberg, 1975). Итак, изучение нарциссизма в классическом психоанализе не привело к выделению единого понимания данного феномена и его структуры в характере человека. Нарциссическая структура связана с ранним детством, объектными отношениями, самоотношением, фазами развития либидо, фиксациями в психосексуальном развитии, деструктивностью и психологическими защитами. В исследованиях первых аналитиков выделены виды и формы нарциссизма, связи с невротическими нарушениями (Райкрофт, 1995). Примечательно, что уже в классических представлениях о нарциссизме психоаналитический акцент связан с конфликтом и сексуальностью, которые затем выходят во внешний план отношений и поведения. Это обстоятельство очень напоминает действие указанного в случае истерии дефицита.

В настоящее время понятие «нарциссизм» используется в психоанализе для обобщенного описания и изучения четырех разных феноменов: 1) самооценки (как нарциссически высокой самооценки, так и болезненного чувства неуверенности личности в себе); 2) либидинозной фазы развития человека; 3) нарциссических объектных отношений; 4) сексуальных отклонений (Шварц-Салант, 2017). При расширении форм маркирования разных феноменов словом «нарциссизм» стало возникать представление об особой нарциссической культуре и ее уникальных технологических основаниях, к которым относятся цифровые технологии, позволяющие делать «селфи», т.е. мгновенную цифровую фотографию самого себя, существование особой социальной сети Instagram, позволяющей выкладывать фото в неограниченном количестве, в символической форме оцифровывая свою жизнь. Эта существенная технологическая поддержка наряду с мировыми трендами, связанными с индивидуализацией в медицине, образовании, трудовой деятельности, досуге, сексуальной ориентации, личной жизни, вопросах выбора пола и религии и т. д., создают значительное социальное преимущество для выявления в себе и реализации различных нарциссических черт в норме и патологии (Гиниятова и др., 2019). Необходимо подчеркнуть, что такое «расширение» нормы в отношении нарциссических проявлений делает убедительным реальное положение нарциссической личности в мире, оправдывает ее конфликт и систему убеждений, используемых для морализации, рационализации и интеллектуализации своего места в жизни и отношений, которые она выстраивает с другими. Выражаясь психоаналитическим языком, нарциссическая культура порождена как система ослабления Эго и дозволения к

осуществлению сексуальных влечений в разных формах. Тем самым данная культура и обеспечивающие ее социальные системы делают нарциссизм популярным и широко распространенным явлением в разных сферах человеческой жизни и видах деятельности. При обсуждении клинических случаев нарциссических проявлений пациентов в XX веке существовало два направления. Первое из этих направлений связывало нарциссизм с механизмами психологической защиты от негативных объектных отношений, а второе связывало понимание нарциссизма с выражением фундаментальной недоброжелательности по отношению к объектным отношениям (*Russel, 1985*). Можно говорить о возможности сведения к данным направлениям и многих современных психоаналитических представлений о нарциссизме. Так, Дж. Стайнер не видит необходимости различать смешанные мотивы нарциссических систем, понимая всю неизбежность движения этих мотивов. Он подчеркивал, что вне зависимости от реального набора мотивов основным из них всегда является или либидинозный (защитный) мотив, или враждебный (деструктивный) мотив. Построение нарциссических объектных отношений может быть вызвано направленностью на сохранение способности любить, придавая подобие «самости» объекту любви, но оно может также быть направлено на аннигиляцию объекта как иного, чужого и чуждого. Защитный, но в большей степени деструктивный нарциссизм вызывает агрессию нарциссической личности (Стайнер, 2013а; 2013b). Таким образом, можно заключить, что нарциссизм имеет тесную связь с объектными отношениями и проблемы с их адекватным построением, что выражается в психологических защитах, агрессии и деструктивности.

Интересно, что, например, Г. Розенфельд понимал деструктивную нарциссическую структуру характера как защиту от страха смерти, связанного с импульсами инстинкта смерти, вызывающими устойчивый паралич чувств и продуктивных поведенческих паттернов в структуре нарциссического характера личности (*Rosenfeld, 1971; 1987*). Специфика проявления деструктивности и защит, как и сущность самого феномена нарциссизма, отлична от аналогичных истерических проявлений, но в отношении проблем с объектом, любовью и сексуальностью, построением адекватных взаимоотношений обнаруживаются сходные трудности, связываемые с наличием конфликта и его реализацией (Кернберг 2012). В работах О. Кернберга было показано значение деструктивности в структуре личности как следствие тревоги по отношению к недоступной материнской фигуре, что отсылает к переживаниям истериками недостаточности и неадекватности отношений с первичным объектом, отсутствия поддержки, внимания и понимания. Значит, в современном психоанализе феномен нарциссизма рассматривается в сложных биологических, социальных, культурных связях факторов развития нарциссического расстройства личности, что еще более связывает его с истерическими проявлениями. Недоступность материнской фигуры как главная проблема нарцисса порождает конфликт с собой и миром, вызванный тревогой и порождающий деструктивность в разных ее формах: пассивной (защитной) и активной (агрессивной). Высокая энергия нарциссов устремлена

во внешний мир, что также привлекает внимание и может вызывать восхищение, как и в случае с истериками. Поэтому можно предположить, что нарциссическая культура является «истерической формой» самовыражения и самооправдания нарциссических личностей, созданной для этих целей. Недоступность матери – это не только проблема ее отношений с ребенком, но и проблема переживания ее присутствия, которого ему крайне не хватает, которого он требует, но не получает. Отсюда возникает отчужденность самой матери и ее ребенка. Так, А. Миллер рассматривала нарциссизм как массовую социально обусловленную утрату чувства собственного Я, способности чувствовать и переживать себя и свои отношения с другими людьми. А. Миллер показывает, что в результате определенного типа отношения к ребенку со стороны родителей, близких людей, родственников и друзей формируется особый склад личности, который уже исключает способность проявления своих реальных чувств. Нарцисс учится их скрывать, прятать, отстраняясь от сильных и открытых эмоциональных переживаний, подавляя сильные эмоции и чувства. Скрываемые переживания приводят к конфликтам и ссорам с родителями, друзьями, партнерами по общению, деятельности и межличностным взаимоотношениям. Здесь у него рождается презрение и отчуждение, позволяющие защищать себя, свою боль и пустоту как отсутствие теплых и искренних переживаний. Поэтому А. Миллер говорит о постоянном одиночестве презирающего человека, разрешение проблем которого связано с глубокой психологической работой по восстановлению способности чувствовать себя и других в системе взаимоотношений с ними (Миллер, 2017). Таким образом, у нарциссов, как и у истериков, обнаруживаются многократно теоретически выявленные эмоциональные проблемы с матерью, не сумевшей или не захотевшей выстроить адекватные отношения с ребенком. В результате у них появляются трудности в переживании и выражении своих чувств, ощущение пустоты и утраты себя, тревога и отсутствие чувства безопасности, с которыми они справляются различным образом.

Важное значение в рассмотрении точек пересечения исследовательских линий психоанализа в истерии и нарциссизме имеет французская научная школа психоанализа, которая отличается оригинальностью теоретических разработок, подвергающих глубокому пересмотру классические идеи, выдвигающих на этой основе практические решения, связанные с проблемами и вопросами глобального общества и быстро изменяющегося мира (Психоанализ..., 2016). В контексте настоящего исследования представляют интерес идеи и открытия представителей данной школы, связанные с переосмыслением понятий и представлений о возникновении и развитии истерии и нарциссизма во взаимоотношениях между людьми. Представители данной школы выявили взаимосвязи между данными явлениями с опорой на их параллельное изучение в клиническом, метапсихологическом и постмодернистском подходах (Гиниятова и др., 2019; Русскийон, 2005). Это позволило переосмыслить логику развития нарциссизма и истерии, выделяя важные, объединяющие их детали, которые до этого оставались вне поля исследовательского внимания.

Рассмотрим результаты этих психоаналитических исследований подробнее.

Рассматривая ряд характеристик истерии – депрессивность, припадки, диссоциацию, конверсию, личностные особенности, – В. Капсамбелис различает депрессию и депрессивность, указывая на невозможность найти в депрессивности желаемый объект, что, согласно его позиции, вызывает постоянную неудовлетворенность, разочарование, чувство уныния, бессмысленности и бесполезности происходящего. Проводя параллель с нарциссическими расстройками, подчеркивается, что в них бессмысленность и бесполезность выражены гораздо больше. В свою очередь, в жизненном мире истериков В. Капсамбелис выделяет более высокий разрыв между фантазиями и реальностью, который может приводить к трагическим последствиям. В их личностных особенностях выявляется театральность, определенная игра, связываемые с сексуальностью и некоторой степенью демонстративности, что отмечалось выше. Он отмечает, что среди небольшого числа пациентов имеются те, для которых значимы любовные победы и завоевания, что позволяет им сохранять желание и влечения. Из этого В. Капсамбелис делает вывод, что мужская истерия сопровождается проявлениями нарциссической организации личности, в которой явно соперничество с отцовской фигурой при постоянном страхе кастрации. Это психоаналитически обосновывается им фиксацией на эдиповой стадии и идентификации с фаллосом (Капсамбелис, 2021). Таким образом, данное исследование указывает на реальные возможности проявления нарциссических особенностей личности в истерических нарушениях при сохранении различий между истерией и нарциссизмом.

Основываясь на клиническом материале, Р. Руссийон еще более радикально пишет, что первичный нарциссизм нереален, поясняя это ролью объекта: мать и ребенок не находятся в слиянии, испытывая разные чувства в одно и то же время, контактируя друг с другом. Р. Руссийон пишет, что прикосновения матери собирают существо ребенка в единое целое, а взаимное удовольствие от этого только усиливается в процессе ухода за ребенком. Это неоднократно отмечалось выше представителями других психоаналитических подходов. Однако Р. Руссийон делает из этого вывод, что первые удовольствия субъекта являются удовольствиями объекта, с которым он находится в отношениях. Следовательно, основной материнской задачей выступает развитие и проявление собственной эмпатии в отношении к ребенку. Эмпатия является ключевой психологической характеристикой адекватных отношений матери и ребенка, необходимых для его нормального развития, поскольку образ своего Я основан на том факте, каким образом другие нас видят. Поэтому у нарцисса нет способности увидеть себя; нарушена его потребность быть увиденным при отсутствии знания о том, что реально чувствуют другие люди по отношению к нему. Аутоэротизм пересмотрен Руссийоном: в него включено не только удовлетворение телесных, но познавательных, коммуникативных потребностей и потребности в самосохранении. Согласно представлениям Руссийона, осознание материнской фигуры возможно на стадии вторичного нарциссизма. Важно, что осознание собственной

субъектности нарцисса происходит при осознании внутри себя источника влечений, поэтому истерические потери себя, связанные с ложью и обманом, устремленные к идентификации с другими, потребностью в их любви в данном рассмотрении связаны с поиском источника собственных влечений при отсутствии понимания его местонахождения (*Roussillon, 2011; 2015*). Нарциссы игнорируют влечения и чувства других людей, а собственная субъектность воспринимается ими как «объектность» (*Rustin, 2017*). Следовательно, в случае истерии при обилии объектов в указанном смысле отсутствует субъект, а в нарциссизме, наоборот, нет удовлетворительных объектов. Р. Руссийоном проведен ряд исследований, подтверждающих эти положения. Так, он отрефлектировал классическую концепцию первичного нарциссизма в призме идей Д. В. Винникотта, показал его вклад в понимание развития ребенка и глубокие теоретические взаимосвязи с идеями З. Фрейда (*Roussillon, 2015*). Д. Винникотту удалось внести между индивидом и его самочувствием материнский объект, ставший аффективным зеркалом и идентификационной средой, тем самым был разрушен нарциссический солипсизм (*Winnicott, 1965*). Р. Руссийон показывает, что результаты исследований Д. Винникотта позволяют пересмотреть теорию нарциссизма, делая данное явление анализируемым со стороны субъекта и объекта, что понимается как «денарциссизация» психоанализа (*Roussillon, 2011, p. 191*). Этот результат может быть понят и как аналитическая возможность работы с истерией в отношении обнаружения истериком себя в этом «зеркале», что вновь показывает фундаментальную близость процессов развития истерии и нарциссизма, а значит, и терапии последних.

В другом исследовании, рассматривая символизирующую функцию объекта, Р. Руссийон доказывает, что символические объекты должны подбираться первичным объектом и создавать дифференциальное поле между объектом и объектными отношениями. Подчеркивается, что игра с первичными объектами-символами рождает аутоэротизмы как дополнения и прибавления к объектам, вовлеченным в игру, репрезентации, аффективно связанные с активностью. Следовательно, игра становится «анализатором» отношений с объектом, что вновь отсылает к работам Д. Винникотта (*Винникотт, 2006*). Р. Руссийон делает вывод о диалектическом взаимодействии использования объектов и объектного отношения (*Roussillon, 2012*). Метафора игры сопровождает представления об этих процессах в работах Г. С. Салливана, в которых прослеживается прямая полемика с идеями З. Фрейда относительно развития истерии. В частности, Г. С. Салливан исходит из его мысли о страдании истерика по поводу его собственных воспоминаний, размышляя, что истерия является патологическим нарушением, появляющимся в результате амнезии жизненных ситуаций, давно пережитых личностью. Эти ситуации, по Г. Салливану, связаны с межличностными взаимоотношениями, вызвавшими страх, от которого человек старается защититься, на чем основаны дальнейшие психологические проблемы в межличностном общении и отношениях (*Sullivan, 1947*). Несколько позднее Салливан пересмотрел свои взгляды, охарактеризовав истерию как специфическую форму

межличностных отношений и связанного с ними поведения личности, направленного на получение одобрения и восхищения от окружающих. Сутью этого поведения является игра, дающая необходимое ощущение безопасности (*Sullivan, 1953*). Подчеркнем, что дальнейшего развития эти идеи в его работах не получили, так как Салливан концентрировался на проблемах шизофрении и невроза навязчивых состояний. Однако сам факт обращения к отношениям связывает его работы с пониманием истерии А. Адлером, который относил ее к эмоциональным переживаниям, связанным с чертами характера, формирующимися в ходе семейного воспитания: беспомощностью, трусостью, неуклюжестью, робостью, агрессией и др. Адлер полагал, что нарушение в развитии социального чувства связано не с биологическими, а собственно социальными причинами, в которых ребенку приходится стремиться к становлению лидером или героем, чтобы его заметили, привлечь к себе внимание. Такие дети, по Адлеру, говорят либо очень много, либо очень мало, часто озлоблены и т. д. (Адлер, 2017). Возвращаясь к воззрениям Г. Салливана, подчеркнем, что его идея о представлении поведения истерика как игровой активности, близкой к театральной, связывалась затем с отсутствием ядерной структуры истерической личности, проявляющейся поэтому в большом диапазоне вариантов (*Petrilowitsch et al., 1967*). Основываясь на обобщении этих идей, Р. Руссийон показал, что игровая природа манипуляций нарцисса на психоаналитической сессии и истерика в его фантазиях имеют основания в диалектическом взаимодействии объектов и объектных отношений (*Roussillon, 2012*). Данное взаимодействие можно рассматривать как одну из «точек пересечения» нарциссизма и истерии наряду с нарушениями эмпатии, связанными с отношениями с первичным объектом, в результате которых у истериков и нарциссов возникают эмоциональные проблемы и трудности в отношениях.

Идея классического психоанализа о возникновении первичного нарциссизма в связи с появлением аутоэротизма как телесного проявления любви к себе, вызывающей удовлетворение собственных телесных потребностей (Фрейд, 2010), была подвергнута критике А. Грином. Он показал, что появление аутоэротизма невозможно без объекта, с любовью относящегося к субъекту; значение имеет отражение данного объекта в глазах субъекта. Это возвращает к проблеме отражения, связанной с самосознанием нарциссов и истериков, их самоутратой, о чем было сказано выше. В качестве объекта любви исходно выступает мать младенца, качество любви которой, по А. Грину, влияет на первичный нарциссизм, а значит, и на аутоэротизм. Грин считает, что именно первичный объект запускает аутоэротизм и первичный нарциссизм субъекта на первом году его жизни. Из этого следует, что способность взрослого к любви и заботе о себе напрямую связана с качеством материнской любви к нему самому в указанный возрастной период (Грин, 2007; *Ellis, 1998*). Это отсылает к классическим представлениям об истерии, связанным с принятием ребенка матерью и степенью удовлетворения его потребностей, что может вести к невротизации ребенка (*Lash, 1979; Roussillon, 2012*). Обобщая данные психоаналитических исследований в области истерии, А. Грин в

работе «Истерия» показал, что истерическая структура имеет латентное ядро, которое может быть проявлено. Ставя под сомнение фаллическую фиксацию генитальной истерии, на которой настаивал З. Фрейд, А. Грин предлагает сосредоточиться на оральной фиксации, характеризующейся признаками токсикофилии, отыгрывания, глубокой зависимости, депрессивными и суицидальными тенденциями. В силу фантазии либидинозные и агрессивные импульсы влечений получают смысл, а в результате стимуляции фантазии повышается аффективность влечений. Как отмечает Грин, истерик растворяется в этих аффектах (*Green et al.*, 1970), что с нашей позиции и означает утрату себя. Истерическое желание ведет к наказанию со стороны Суперэго, основной истерический конфликт состоит в неспособности связывать сохранную родительскую любовь с новым объектом, получающим фаллическое значение, в собственном сексуальном опыте. Утрата первичного объекта вызывает печаль, что связано с разлукой и страхом потери. Фантазия закрепляет связь с родительским объектом и одновременно удерживает личные стремления Эго от их интериоризированной формы. Для взрослого истерика фантазия становится защитой от реальных межличностных взаимоотношений с другими людьми. Целью защиты является установление преграды сексуальному самовыражению, самостоятельности и автономии, поскольку истерик не может усомниться в превосходстве и значимости родительских объектов. Возникают регрессия и инфантилизация, препятствующие вторжению влечений, что ведет к контролю за объектом и частой смене сексуальных отношений, которые вынужденно приносят неудовлетворенность и разочарованность. А. Грин пишет, что сексуальное удовлетворение становится невозможным, а разочарование в партнерах – необходимым для их смены. Это запускает систему повторов в отношениях, закрепляясь в паттерне сексуального поведения, постепенно становящемся частью образа жизни истерика. Поэтому, вероятно, они забывают лица «любимых» людей. Интересным в рассматриваемом нами смысле является смена удовольствия неудовольствием, за счет которой сохраняется и поддерживается образ запрета на любое удовлетворение. Нарушение этого запрета означало бы для истерика отказ от родительского образа, т. е. от эротизируемого Суперэго. Хорошие объекты всегда существуют для удовлетворения других. Любой объект, к которому возникает искомое отношение, либо представляется неспособным принести удовлетворение, негодным и злым, либо сам субъект считает себя злым, что переносится на объекты (*Green et al.*, 1973). Это подтверждают результаты психоаналитических исследований В. Капсамбелиса и Р. Руссийона в отношении истерика к объекту его желания.

Конверсия становится модальностью механизма сгущения аффектов, когда истерик конденсирует идентификации и осваивает исключаящие друг друга роли. По А. Грину, это служит собиранию сил, росту энергии, которую поглощает конверсия. Все, что истерик получает от других, сразу отвергается или устраняется как нежелательное, нелегальное, поэтому прилагаемые к удовлетворению силы оказываются тщетными. Истерик существует за счет самопоглощения, однако при взгляде на него

со стороны может сложиться впечатление, что он все время отбирает что-то у других (*Green et al.*, 1970; 1973). Заметим, что сходное впечатление может сложиться и при постороннем взгляде на поведение и общение нарцисса, что объясняется сходствами его проявлений с эгоизмом (Фромм, 2016). Поэтому А. Грин пишет, что истерик желает быть ребенком, сосущим грудь, или грудью, которую сосет ребенок, что для него остается неделимым, так как поддерживает целостность, процессуальность, нераздельность. Отсутствие удовлетворенности истерика ведет к постоянному обвинению других, связано с развитием истерической депрессии. Отсюда, вопреки классическим взглядам, открываются пути анализа связей истерии и депрессии, промежуточной области нарциссических неврозов, расположенных между переносом и психозом (*Green et al.*, 1970; 1973; 1983а). А. Грин вносит ряд важных уточнений в соотношение истерии и психоза, указывая, с одной стороны, что в истерической структуре есть психотизирующий фактор, столкновение с которым происходит в ряде пограничных состояний, имеющих истерический аспект, связанный с борьбой за утраченный объект. С другой стороны, по А. Грину, в ряде психозов есть истерический фактор (например, в маниакальном психозе), причем в структуре, например, бреда или параноидальной шизофрении выражен истерический оттенок. Здесь Грин подчеркивает, что наиболее благоприятной в своем развитии и лечении является как раз истероидная форма психоза (Грин, 2005; *Green*, 2011). Интересна концепция «белого психоза» А. Грина, выступающего как специфический паралич мыслительной активности, связанный с идеей «мертвой матери», т. е. психически «умершей», неживой. Это материнская фигура, ничего не инвестирующая в ребенка, но оставляющая в нем от себя такую пустоту как специфический психический и жизненный след. Грин говорит, что стремление к жизни связывает и объединяет, а влечение к смерти, напротив, ведет к разрывам, расщеплениям, оставляя «дыры» и пустоты (Грин, 2005), в чем он сходен с позициями З. Фрейда (Фрейд, 2010) и Э. Фромма (Фромм, 2016). Эта внутренняя пустота и связанное с ней отчуждение просматриваются и в ситуации нарцисса, что, как было указано выше, связывается в целом ряде исследований с исходным дефицитом эмпатии, понимания и поддержки матери, ее отчужденностью. Таким образом, становится понятно, что дефицит материнской поддержки и адекватного взаимодействия с ребенком становится ключевым фактором дальнейшего развития не только в положительном, но и в отрицательном смысле. На последнем из них и делает акцент А. Грин. Возвращение расщепленного невыносимо болезненно и угрожающе опасно, сравнимо с агонией, поэтому расщепление изгоняется путем психосоматизации или отдельных действий (*Green*, 1975; 2007). А. Грин считает «работу негатива» невероятно важным терапевтическим основанием, приводящим к осознанию недостатка и его принятию, что открывает новый опыт, объектные отношения и новые жизненные перспективы (*Green*, 1975, 2002). В психотическом расстройстве личности эта пустота, или пробел, очень обширна и приводит к психической дезорганизации, вызывая необходимость ее заполнения, засасывая индивида в себя, что и является смертельно опасным

(Green, 2011). Итак, дефицит материнской любви и понимания, своеобразная эмпатическая недостаточность являются действующей силой негатива, приводящей к психотическому расстройству личности, следовательно, данный дефицит выступает следующей «точкой пересечения» исследуемых линий нарциссизма и истерии.

Наиболее общей концепцией объяснения взаимосвязи нарциссизма и истерии во французской школе психоанализа выступает изложенная в работе «Истерия и пограничные состояния: хиазм. Новые перспективы» А. Грина исследовательская позиция, открывающая возможности взаимного «превращения» нарциссизма и истерии (Грин, 2002). А. Грин пришел к выводу о необходимости выстраивания концептуальной рамки данной взаимосвязи в психоанализе, не ориентируясь на многочисленные симптоматические и феноменологические проявления, представленные клиническими данными (Грин, 2007; Green, 2002), что видится крайне значимым в понимании методологического развития психоанализа в рассматриваемом нами ключе, а также помогает сделать практические выводы относительно терапевтических возможностей психоаналитической работы с нарциссизмом и истерией. А. Грин создал унифицированную психоаналитическую теорию взаимосвязи истерии и нарциссизма, раскрывающую нарциссические аспекты истерического расстройства и истерические оттенки нарциссических нарушений и черт характера.

Идея хиастического отображения этих структур, выдвинутая А. Грином, показывает, с одной стороны, их соединение, переплетение, пересечение и общее основание, а с другой стороны, позволяет выявить особенности проявления, развития каждого из них, заложить основания психотерапии (Грин, 2007). Это подтверждается исследованиями других авторов, показывающих, что «...пациенты, которых Фрейд считал невротиками эдипова уровня, являются весьма нарциссическими, пограничными и даже психотическими с точки зрения современных диагностических стандартов» (Carveth, 2009, p. 626). Отображение и пересечение идет по ряду ключевых для психоаналитического подхода параметров: цели, конфликту, травме, механизмам психологической защиты, бессознательному, телу, аффектам, представлениям, Эго, объекту, Суперэго (Грин, 2005; 2007). Эти параметры являются наиболее полным набором психоаналитических характеристик – указывающих на генезисные, смысловые, логические и терапевтические «пересечения» нарциссизма и истерии, а также линий их психоаналитического изучения, – обобщенным в теории «хиазма»:

1. Рассматривая пограничные состояния личности, А. Грин показывает, что к ним относятся разные проявления психики, но основание их всегда составляют нарциссизм, мазохизм и деструктивность. Истерия же является неврозом с центральной проблемой любви и сексуальности.

2. Фундаментальный конфликт истериков состоит в противопоставлении формы и содержания генитальной любви, где формой является проявление взрослой генитальной сексуальности, а содержанием – инфантильная догенитальная сексуальность. Для нарциссизма конфликт связан с хрупкостью границ Эго и деструктивными проявлениями, связанными

со страхами сепарации, интрузии, зависимости от всемогущего объекта, провала-разрушения, захвата плохим объектом и др. Страх сепарации при истерии есть, но преодолевается легче; в нарциссизме есть эротические проблемы, но лишь перекрывающие основной конфликт.

3. По параметру травматического опыта: нарциссы локализируют его на Эго, что связано с влиянием матери, а истерики поражены инцестуозным соблазнением.

4. В качестве механизмов психологической защиты могут быть различные варианты в обоих случаях, но наиболее характерными для истерии являются: вытеснение, забывание, отвержение, расщепление, отрицание, – которые сгруппированы в описанный выше комплекс работы негатива. В отношении нарциссических проявлений это механизмы обесценивания, идеализации, проекции, отрицания и др.

5. По параметру бессознательных фантазмов истерия имеет богатое историческое описание, связывающее ее с обманом и ложью, но Грин предлагает внимательнее рассматривать каждый случай во взаимосвязи проявленных механизмов защиты и неосознаваемого содержания, что помогает выявить форму, которая этим содержанием поддерживается. У нарциссических личностей речь идет о сильных импульсах влечений Ид, отражающихся в теле и действиях, что запускает деструктивные «драконовские защиты» (пищевые аддикции, соматические регрессии, бегство в сон, суицидальное поведение и др.), направленные на объект или на Эго.

6. По параметру отношения к телу для истерии характерны диссоциации и уже описанный механизм конверсии. При этом истерики скрывают свои сексуальные беспокойства, выделяя беспокойства, связанные со здоровьем, питанием и др. Тело истерика должно страдать, чтобы быть и чувствоваться, нивелируя стремления к удовольствию. У нарциссов эти истерические проявления выражаются в феноменах идеализации, отрицания, расщепления, стремления к защите по их представлениям слишком слабого объекта и др., что служит проявлениям агрессивности и высокой чувствительности к физическим и моральным нуждам других людей.

7. По параметру аффектов истерию характеризуют страхи и тревоги, повышающиеся при генитальной фиксации, а нарциссизм – катастрофические страхи (*Bion*, 1962; 1963; 1970) и «мученические страхи» (*Winnicott*, 1965; Винникотт, 2006), а также зависть, ярость, беспомощность. Депрессия может возникать как угроза между нарциссизмом и истерией, обретая разные формы, что связано с переживанием траура.

8. По параметру представлений истерии свойственны иррациональные, довербальные формы, восходящие к языку тела, зеркальному общению матери и младенца. Поэтому им порой кажется, что слова не нужны, а остальные должны догадываться и понимать их. Для нарциссов характерна репрезентативная несостоятельность как отсутствие способности к представлениям, которые поглощаются движениями влечений.

9. У истериков и нарциссов ослабленное Эго, причем для вторых это наиболее явно: они представляются обиженными в самом своем существе. Грин в данном отношении обращает внимание на идентификационную

защиту истериков, которые скрывают свои подлинные переживания и мысли, создавая идентификационную путаницу.

10. В объектных отношениях истерики имеют догенитальную, оральную фиксацию, нарциссы же – анально-эротическую, из-за чего у них возникает страх сепарации и интрузии.

11. Связываемое с Суперэго неосознаваемое чувство вины вызвано страхом запретных (агрессивных, эротических) желаний, необходимостью с ними бороться, сохранять вытесненными. Преследование, идеализация и суицидальные попытки нарциссов в объектных отношениях с аналитиком могут иметь более сложное и драматичное развитие, чем с истериками (Грин, 2007).

Обобщая аналитические различия и их описания, А. Грин отмечает, что пограничные случаи являются отягощенной формой относительно организованного истерического Эго. На этой основе Грин подчеркнул высокое значение бисексуальности при истерии и ее расщепленность в нарциссизме, колебательные движения в континууме истерия – депрессия – нарциссизм, связанные с различиями в их тенденциях. Он писал, что истерики имеют тенденцию к повторению от фаллической и генитальной до оральной истерии, а нарциссы сохраняют тенденцию к объектному полюсу после регрессивных попыток (истерия здесь является одним из выходов). Анальные фиксации в истерии связываются Грином с невыносимыми особенностями поведения (провокациями, играми в отвержение, убеждениями в злом характере объекта и т. д.), а у нарцисса такое поведение выражено в хаотических и непонятных формах, гораздо менее ясных в анализе переноса. В отношениях переноса и контрпереноса у истериков включается эротизация, что значительно менее характерно для нарциссов, которые отыгрывают ситуации регресса. Важно подчеркнуть, что истерическая идентификация в нарциссизме не работает. На этом фоне А. Грин ставит и рассматривает вопрос отношения аналитика к истине в рассматриваемых случаях истерии и нарциссизма, где она подвергается искажению. Он приходит к выводу, что в классическом психоанализе ее исторический вариант есть цель анализа, а в современных работах усиливается ее необходимость, но ставится вопрос о принятии личности пациента. В практическом отношении важно, что в случае возвращения вытесненного содержания это значительно проще, чем в ситуации расщепления или отвержения (Грин, 2007). Таким образом, помимо выделенных параметров хиазма нарциссизма и истерии значение имеют бисексуальность, тенденции в фиксациях на разных стадиях развития либидо, различия в отношении переноса и контрпереноса. Идеи А. Грина в его теории хиазма могут быть поняты как обобщающие в отношении обоснования взаимосвязей нарциссического и истерического расстройств личности, что придает им особую значимость.

Таким образом, взгляды современных французских психоаналитиков подтверждают существование взаимосвязей между нарциссическими и истерическими нарушениями личности. В их работах переосмысливается первичный нарциссизм и аутоэротизм, проясняется значение социального окружения в развитии нарциссизма, раскрываются психологические

особенности влияния первичного объекта, символических объектов, эмпатии, самоанализа, игры. На этой основе разрабатываются новые пути психоаналитической работы с данными категориями пациентов. Следовательно, можно заключить, что выявленные и теоретически обоснованные в психоанализе взаимосвязи нарциссизма и истерии позволяют продуктивно перестроить современную терапевтическую практику, принимая в расчет полученные исследовательские результаты. Так, ключевые психоаналитические параметры хиазма истерии и нарциссизма, по А. Грину, могут быть использованы в аналитической практике для понимания структуры личностного нарушения, его функциональных особенностей, динамики и логики генеза. По ним можно установить скрытые и явные проявления данного нарушения, соотнести личную жизненную историю и проблемы, с которыми сталкивается человек, с их проявлениями на биологическом, психическом, социальном и культурном уровнях.

По итогам данного исследования можно сделать ряд **выводов**:

1. Исторически понимание истерии и нарциссизма является наиболее известным предметом психоаналитической работы, связано с разработкой методологии данного направления и получением исследовательского опыта. Исследовательские линии, связанные с истерией и нарциссизмом, долгое время не пересекались, развиваясь в классическом и современном психоанализе параллельно, однако при детальном рассмотрении отдельных аспектов и вопросов, связанных с их появлением, удастся обнаружить значительные совпадения в переживаниях, обстоятельствах жизни и развития нарциссов и истериков.

2. Возникновение рассматриваемых личностных нарушений связано с ситуацией дефицита эмоционально открытых, эмпатических детей в отношениях с отчужденной и холодной матерью, адекватных его возрасту, что оставляет глубокий эмоциональный след в жизни человека. Эта пустота осуществляет работу негатива, связанную с нарушением жизненных процессов, что может приводить к психозам.

3. Нарушения адекватного эмоционального общения с матерью приводят к утрате чувства безопасности, появлению тревоги, неуверенности в себе, поиску защиты и проявлению агрессии (в случае нарциссизма), демонстративности поведения и потребности в постоянном восхищении (в случае истерии). В конечном счете речь идет об утрате себя, собственной субъектности, самостоятельности, самооценности и автономии, что выражается в многочисленных трудностях взрослой жизни.

4. В основе обоих видов нарушений выделяются внутренние конфликты, которые затем переносятся вовне, выражаясь в столкновениях с другими людьми и жизненными обстоятельствами. Нарциссы и истерики желают видеть собственное отражение в глазах другого, что связано с нарушениями их самооценки и самоотношения, из-за чего они не могут выстроить адекватных межличностных и любовных взаимоотношений.

5. Представители французской школы психоанализа обобщили богатый опыт исследований, переосмысливая логику развития нарциссизма и истерии, анализируя объединяющие их детали на основе параллельного изучения данных нарушений в клиническом, метапсихологическом

и постмодернистском подходах. Они выделяют ключевое значение контакта ребенка с матерью и качества их эмпатического взаимодействия в отношении качества любви и возникновении нарциссических и истерических нарушений.

6. «Хиастическая» концепция взаимосвязи истерии и нарциссизма А. Грина представляет данную взаимосвязь как «пересечение» личностных нарушений по ряду ключевых для психоаналитического подхода параметров: цели, конфликту, травме, механизмам психологической защиты, бессознательному, телу, аффектам, представлениям, Эго, объекту, Суперэго. Данная концепция позволяет прослеживать истерические проявления в нарциссическом расстройстве и нарциссические черты в истерии, сохраняя их базовые различия и выделяя особенности развития.

7. На основе теоретического обоснования взаимосвязи нарциссизма и истерии выявляется возможность более эффективной терапевтической работы с данными нарушениями у пациента на основе более точного распознавания структуры, функций и генеза личностного нарушения, его соотнесения с личной историей жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Индивидуальная психология и развитие ребенка. М., 2017.
2. Винникотт Д. В. Эго в терминах истинного и ложного «Я» // Консультативная психология и психотерапия. 2006. Т. 14 (1). С. 143–154.
3. Гиниятова Е. В., Семенюк К. А., Пономарева О. М., Запекин С. Г. Нарциссизм в современной визуальной культуре: феномен селфи // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 5–13.
4. Грин А. Истерия и пограничные состояния. Хиазм – новые перспективы // Уроки французского психоанализа: десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу / Пер. с фр. М., 2007.
5. Грин А. Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб., 2005.
6. Гринсон Р. Р. Техника и практика психоанализа / Пер. с англ. Э. Р. Зимина. М., 2003.
7. Егоров А. В. Соматические проявления как защитная функция Я у истероидного типа личностной организации // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. № 4. С. 35–43.
8. Жилин В. О. Истерошизофрения (дефицитарные расстройства, клиника, терапия): дис. ... канд. мед. наук. М.: Научный центр психического здоровья, 2020.
9. Капсамбелис В. Между Нарциссом и Эдипом: семинар в ВШЭ, 2021.
10. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М., 2012.
11. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М., 2001.
12. Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 2010. С. 30–48.
13. Мазин В. З. Фрейд: психоаналитическая революция. Нежин, 2011.

14. Мешандин И. А., Тетерина М. Н. К вопросу изучения невротических состояний // Психическое здоровье. 2016. Т. 14. № 3 (118). С. 73–84.
15. Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М., 2017.
16. Мясищев В. Н. О генетическом понимании психоневрозов // Советская невропсихиатрия. Ленинградские сборники. М., 1949. С. 112–140.
17. Попов С. М. История формирования концепций и современные представления об истерии при эндогенных психических расстройствах // Психиатрия. 2019. Т. 17. № 4 (84). С. 90–101.
18. Психоанализ: учебник для бакалавров и магистратуры / М. М. Решетников, С. В. Авакумов, Ю. А. Баранов; под ред. М. М. Решетникова. М., 2016.
19. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. ВЕИП, 1995.
20. Рождественский Д. С. Психосоматика: психоаналитический подход. М., 2019.
21. Руссийон Р. Символизирующая функция объекта // Французская психоаналитическая школа. СПб., 2005 С. 285–299.
22. Семке В. Я. Истерические состояния. М., 1988.
23. Стайнер Дж. Беспомощность и власть в аналитическом сеансе // Международный психоаналитический ежегодник. 2013а. Вып. 3. Т. 91–92. С. 144–157.
24. Стайнер Дж. Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов / Пер. с англ. З. Р. Баблюян. М., 2013b.
25. Ткаченко Н. Т. Системный анализ этиологии истерического невроза у женщин // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2016. № 3. С. 96–100.
26. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 2010.
27. Фрейд З. Фрагмент анализа одного случая истерии. Случай Доры (1905) // Истерия и страх. М., 2006.
28. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. А. Александровой. М., 2016.
29. Хорни К. Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию. СПб., 2020.
30. Шварц-Салант Н. Нарциссизм и трансформация личности. Психология нарциссических расстройств личности. М., 2017.
31. Balint M. (1965) Primary Love and Psychoanalytic Technique. London: Tavistock.
32. Bion W. R. (1962) Learning from Experience. London: Heinemann.
33. Bion W. R. (1963) Elements of Psychoanalysis. London: Heinemann.
34. Bion W. R. (1970) A theory of thinking. International Journal of Psychoanalysis, 43: 306–310.
35. Carveth D. L. (2009) Self-Punishment as Guilt Evasion: The Case of Harry Guntrip // Psychoanalytic Quarterly, 78: 625–626.
36. Ellis H. (1998) Auto-erotism: A psychological study. Alienist and Neurologist, 19.P. 260–299.
37. Green A., Donnet J.-L. (1973) L'enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche. Éd. De Minuit.

38. *Green A.* (1975) The Analyst, Symbolization and Absence in the Analytic Setting (On Changes in Analytic Practice and Analytic Experience) – In Memory of D.W. Winnicott. *International Journal of Psychoanalysis*, 56:1–22.
39. *Green A.* (1983a) *Narcissisme de Vie, Narcissisme de Mort*. Paris: Editions de Minuit.
40. *Green A.* (1983b) *Le narcissisme morale. Narcissisme de Vie, Narcissisme de Mort*. Paris: Editions de Minuit. P. 177–207.
41. *Green A.* (2002) Dual Conception of Narcissism: Positive And Negative Organizations. *Psychoanalytic Quarterly*, LXXI.
42. *Green A.* (2011) *Le Travail du négatif*. Les Editions de Minuit.
43. *Hoch Ph., Polatin P.* (1949) Pseudoneurotic forms of schizophrenia. *Psychiatr Q.* 23: 248–276.
44. *Kernberg O. F.* (1975) *Bordeline Conditions and Pathological Narcissism*. New York: Jason Aronson.
45. *Khan M. M. R.* (1974) *The privacy of the self*. New York: International Universities Press.
46. *Lash C.* (1979) *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Returns*. New York: W. W. Norton.
47. *McGinley E., Varchevker A.* (2018) *Enduring Loss*, Taylor and Francis. P. 11–43.
48. *Petrlowitsch N., Baer R.* (1967) Psychopathie 1945 bis 1966. *Fortschr Neurol.* P. 35–557.
49. *Rosenfeld H.* (1971) A Clinical Approach to the Psychoanalytic Theory of the Life and Death Instincts: An Investigation into the Aggressive Aspects of Narcissism. *International Journal of Psychoanalysis*. 52: 169–178.
50. *Rosenfeld H.* (1987) Projective identification in clinical practice. In: *Impasse and Interpretation*. London: Tavistok. P. 157–190.
51. *Roussillon R.* (2012) *Agonie, clivage et symbolisation*. Paris: Presses Universitaires de France.
52. *Roussillon R.* (2015) An introduction to the work on primary symbolization. *Int J Psychoanal*, 96: 583–594.
53. *Roussillon R.* (2011) Paradoxes et situations limites de la psychanalyse. *L'annee psychanalytique internationale*, 1: 177–193.
54. *Roussillon R.* (2011) Deconstruction du narcissisme primaire // *L'annee psychanalytique internationale*. № 1. C. 177–193.
55. *Russel G. A.* (1985) Narcissism and the narcissistic personality disorder: A comparison of the theories of Kernberg and Kohut. *British Journal of Medical Psychology*, 58: 137–148.
56. *Rustin M.* (2017) *Narcissism and Melancholia from Psychoanalytical Perspective of Object Relations*. Palgrave Macmillan. P. 41–58.
57. *Schaeffer J.* (2000) *L'hysterie: une libido en crise face a la difference des sexes // Le Guen A., Anargyros A., Fanin C. (dir.) Hysterie*. Paris: Presses Universitaires de France. P. 107–138.
58. *Sullivan H. S.* (1947) *Conceptions of Modern Psychiatry*. Wash., D. C.: Wm. Alanson White Psych. F.
59. *Sullivan H. S.* (1953) *The Interpersonal Theory of Psychiatry*. New York: W. W. Norton & Co.

60. Winnicott D. W. (1965) The Maturation Process and the Facilitating Environment. London: Hogarth.

Psychoanalytic view on the relationship between hysteria and narcissism

*A. A. Stepanova,
A. S. Leikina*

Stepanova Alexandra A., psychoanalytic psychotherapist, clinical psychologist.

Leikina Asya S., PhD in Philology, psychoanalytic psychotherapist, Associate Professor of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Higher School of Economics, clinical psychologist, certified master supervisor of the Association for Psychoanalytic Coaching and Business Consulting.

A significant part of psychoanalytic research focuses on the consideration of hysteria and narcissism as separate personality disorders. However, carried out an analysis in this dissertation is showing that, starting from classical psychoanalytic views to modern ideas about these phenomena, it's possible to identify the points of their intersection. Generalized psychoanalytic ideas about narcissism and hysteria, their origin and types. Special attention was paid to the French psychoanalytic school's research, especially the chiasm's concept of narcissism and hysteria by A. Green, where were revealed the key psychoanalytic parameters of these phenomena's relationship. Traced the changes in the methodological transition from description of these disorders symptomatic manifestations analysis to the construction of models, theories and concepts in their understanding. This research was shown the structural, functional, genetic intersections and the possibilities of these disorders mutual "transformation", their connections with object relations, conflict, tendencies, bisexuality, etc. Theoretically was substantiated the existence of the connection between hysteria and narcissism, as well as the possibility of increasing the therapeutic effectiveness of psychoanalytic work with these personality disorders, it means personality with narcissistic hysterical manifestations and hysterics narcissistic characteristics.

Keywords: psychoanalysis, hysteria, narcissism, chiasm, relationship, personality disorder, object relations, conflict, fixation, empathy.

Концепция холодного психоза. Сравнительный анализ белого и холодного психозов

А. С. Благова

Благова Анна Сергеевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психолог.

Холодный психоз – концепция, созданная Ж. и Э. Кестемберг, относится к регистру небредовых психозов.

В настоящей статье будут представлены и осмыслены характеристики холодного психоза, которые на протяжении 20 лет разрабатывались Э. Кестемберг.

Также будет предпринята попытка осуществить сравнительный анализ концепций белого и холодного психоза на основании работ «La psychose froide» Э. Кестемберг и «L'Enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche» А. Грина и Ж.-Л. Донне.

Ключевые слова: холодный психоз, амбисексуальность, самость, фетишистское отношение к объекту, фобия психического функционирования, небредовый психоз.

Основная работа Э. Кестемберг по созданию и обоснованию концепции холодных психозов представлена в книге *La psychose froide*, «Холодный психоз», изданной в 2001 году, и представляет собой сборник статей за период с 1957 года по 1986 год. Стоит отметить, что еще в работе 1972 года совместно с Ж. Кестембергом и С. Декобер «*La faim et le corps*», в рамках изучения психической анорексии, уже была выведена концепция холодного психоза.

Самость

В основе описания психического аппарата лежат понятия самости (*le soi*), которое Кестемберг заимствует у Э. Якобсон (*Vermorel H. et M.*, 2003), и судьбы аутоэротизма (*Kestemberg*, 1981).

Субъект возникает и организуется из первоначального единства матери и ребенка, в дальнейшем он может конституировать себя из этой диады как субъекта, мать которого является объектом. Способы материнского инвестирования пробуждают и модулируют психику ребенка в начале его жизни.

Принцип удовольствия находит свое выражение в галлюцинаторном удовлетворении, которое, по мнению Кестемберг, является первичным маркером функционирования психики в том, что будет ее наполнять, какова будет эта наполненность, а именно способность фантазировать, мечтать, думать об утраченном и вновь обретенном удовольствии (*Kestemberg*, 1981).

Самость в понимании Кестемберг – это первая организованная конфигурация психического аппарата, которая исходит из единства матери и ребенка. Она представляет то, что на уровне диады «мать – ребенок» принадлежит собственно субъекту до того, как внутренний объект будет дифференцированно организован.

Аутоэротизм младенца, галлюцинаторная реализация желания порождают особые и специфические аффекты, тональность и цвет которых нельзя спутать с теми, которые берут свои источники в отношениях с объектом и которые не идентичны тем, что исходят от объекта.

Самость по Э. Кестемберг представляет собой первую организованную конфигурацию психического аппарата, исходящую из единства матери и ребенка, в которой ребенок может разрядиться, выразить возбуждение, успокаивая это возбуждение самостоятельно, в отсутствие или в присутствии матери. Она представляет то, что на уровне диады «мать – ребенок» принадлежит собственно субъекту до того, как внутренний объект будет дифференцированно организован. Другими словами, она сама по себе является щитом против возбуждения, принимая на себя эту материнскую функцию (*Kestemberg*, 1981, p. 189). Самость – аутоэротическая организация, которая содержит объект, но у которого еще нет самостоятельной репрезентации и он не воспринимается как нечто отдельное, организация, вокруг которой организуется психический аппарат, зарождается аутоэротизм и способность к галлюцинаторному удовлетворению. Самость представляет собой нарциссическую непрерывность субъекта.

Одним из продуктов самости является удовольствие от собственного функционирования, первичным выражением которого можно считать галлюцинаторное удовлетворение и формирование Идеала Я (от фр. *L'Idéal du Moi*).

В статье 1914 года «К введению в нарциссизм» З. Фрейд писал: «Идеалу Я досталась та любовь к себе, которой в детстве пользовалось действительное Я. Нарциссизм оказывается перенесенным на это новое идеальное

Я, которое, подобно инфантильному, обладает всеми ценными совершенствами» (Фрейд, 2006).

Самость – некое связующее звено и прообраз различения Я по отношению к другому – до того, как этот другой оформится во внутренний объект. Позже сложная работа инфантильной сексуальности приводит к дифференциации, обогащению этого внутреннего объекта сначала дифференцированными хорошими и плохими имаго, а затем материнскими и отцовскими.

Но внутренний объект всегда сохраняет в себе амбисексуальные (термин Э. Кестемберг, который будет раскрыт в дальнейшей работе) характеристики того, что было его первым воплощением – архаичная, неизменная мать, не подверженная кастрации, присущей дифференциации полов, власть которой ничем не ограничена.

Эта самость никоим образом не может быть отождествлена с Я, которое остается организующей инстанцией, самость, находясь внутри Я, является, по словам Э. Кестемберг, его внутренним субъектом.

Начиная с самости, субъект изгоняет объект из самого себя, но сначала это объект, не отличающийся от него самого, и лишь в его отсутствие или в иные моменты неудовольствия субъект может ощущать свое отдельное существование.

Психические организации

Кестемберг выделяет организации с невротическим преобладанием и бредовые психозы, которые она объединяет по критерию аллоэротичности, то есть обращенности инвестиций вовне, и небредовые психозы, которые относятся к аутоэротическому регистру, то есть при обращенности инвестиций вовнутрь.

При бредовых психозах самость сверхинвестируется, болезненное величие соседствует с уязвимостью, из-за чего такой субъект будет чувствовать серьезную угрозу в обменах с объектом, который в случаях бредовых психозов вторгается в Я и стирает его: здесь тень объекта вторглась в Я (Kestemberg, 1981, p. 192). Парализованная чрезмерным инвестированием самость не может служить щитом от возбуждения, тем самым источник внутреннего чувства непрерывности нарушен, внешний объект является не более чем проекцией смешанных внутреннего объекта и самости, первичные процессы занимают место восприятий, сознательное заменяется бессознательным.

При холодном психозе, психозе без бреда, в самости объект подвергается особенно сильному, чрезмерному инвестированию, и удовольствие, исходящее от него, преобладает и почти полностью стирает удовольствие от обменов, или, как это называет Э. Кестемберг, «торговли» с объектом, грандиозность остается полностью зависимой от Идеала Я. Гипертрофированная самость, больная своим величием, начинает разрушать Я в результате бешеной работы по расщеплению с инфантильным неврозом и отрицания инфантильной сексуальности. Я, истощенное возбуждением, присущим этому уникальному функционированию,

лишенное либидинального источника (освежающего) отброшенного объекта, в конечном итоге опирается на один или несколько внешних объектов, не распознаваемых в их инаковости; они просто служат опорой в игнорируемом дублировании субъекта, гарантами внутренней его непрерывности, видимого свидетеля их самости.

Кроме того, у этого объекта (если случается, что привилегированный человек становится его воплощением) есть черты, которые также являются характеристиками Идеала Я. Поскольку в рамках самости еще нет разделения на субъект и объект, то можно сказать, что инвестиции в объект являются инвестициями в ощущение грандиозности, в Идеал Я как наследника самости. Как писала Кестемберг, «тень Идеала Я вторгается в Я» (*Kestemberg, 1981*).

Холодный психоз, узор характеристик

Э. Кестемберг говорит о холодном психозе как о своеобразном защитном приспособлении, проявляющемся в сознательной фантазмагии, направленной на то, чтобы подавить любой конфликт влечений и предложить «гедонизм убеждения», близкий к бреду, который, однако, остается в порядке желаний.

«Холодный психоз» получил свое название, как мы думаем, вследствие придания объекту качества неодушевленности посредством его фетишизации. Инвестиции во внешний объект, в фетишистский объект, носят нарциссический характер, тем самым происходит некое обездвиживание инвестиций, закрывая субъект все больше внутри, замыкая на самом себе, стирая следы существования объекта.

Основные характеристики холодного психоза:

- амбисексуальность;
- фетишистское отношение к объекту;
- фобия психического функционирования.

1. Амбисексуальность

Понятие «амбисексуальность» (*Kestemberg, 1975*) отличается от бисексуальности как результата эволютивных и структурирующих идентификаций с различными имаго каждого из родителей.

Архаичное имаго матери представляет собой образ тотальной целостности, гарантирующий мегаломанические нарциссические желания, и обладает защитной функцией – контринвестированием эдипальной ситуации и инфантильной сексуальности.

Исследование психических организаций, которые именуются «холодными психозами», привело Кестемберг к тому, что в дискурсе таких субъектов упоминается так или иначе бисексуальность, которая в определенной мере отрицает разделение полов и допускает существование двухполых индивидов. Это можно назвать ограниченным, инкапсулированным бредом, который касается их тела и, вероятно, освобождает целый сектор функционирования Я за счет частых контринвестиций, которые

приближают одних к неврозам характера, других – к первертным организациям, в то время как некоторые из них даже проявляют целый поток симптомов, казалось бы, невротического характера.

Иллюстрация понятия «амбисексуальность»

Фредерик, 30 лет, пришел в анализ из-за чувства рассеянного дискомфорта, заторможенности, подавленности и невозможности выстроить постоянные отношения со всеми, особенно с женщинами. Также он жаловался на абулию и моменты сильных эмоций, лишенных идейного содержания, проявляющихся в основном на уровне тела: пот, покраснение лица. После трех лет аналитической работы, которая, казалось, не принесла результата, ему была предложена психодрама, сопровождающаяся работой с аналитиком один раз в неделю.

Несмотря на то что инвестиций отца и матери будто бы не хватало, его инвестиции в ко-терапевтов были весьма значительны, казалось, он организовал отцовский и материнский переносы, что могло бы подвести к эдипальной ситуации, но его инвестиции были максимально в актуальной реальности, связи же между событиями прошлого и настоящего им не устанавливались, в связи с чем можно заподозрить скорее защитную роль таких инвестиций, так как его отношения с аналитиком оставались нетронутыми, неподвижными (*Kestenberg, 1975, p. 69*).

На одном из сеансов психодрамы Фредерик вспоминает, что как-то в детстве он заглянул под юбку няни и увидел, что у нее есть пенис, но при этом она женщина. Он прекрасно знает, что это странно, что женщины так не устроены, мужчины тоже, но няня была такой, и он это знает – ничто и никто не заставит его усомниться в том, что он видел. Во втором воспоминании, которое возникло спонтанно по ассоциации, однажды няня, полагая, что он болен, измерила ему температуру и «попала не в ту дырку» – точно так же, как у няни был пенис, у него было две «дырки».

Его фантазии, что у него и его няни недифференцированный пол, они имеют оба пола, переживаются им как реальность, и благодаря такой фантазии тревога кастрации полностью вытеснена. Но несмотря на это, он различает отца и мать, и им не принадлежат оба пола сразу, видимо, именно благодаря фантазии о няне и происходит безопасное разделение отца и матери. Организация этого бредового включения, состоящего из отрицаний, в психическом функционировании Фредерика позволяет ему сэкономить на открытом и горячем психозе и обеспечивает ему видимость удовлетворительного психического функционирования.

Его психоаналитик, который также является ведущим психодрамы, представляет собой вечную бисексуальную няню Фредерика, обеспечивая нарциссическую целостность Фредерика, при условии, что он оставался инертным и нетронутым, и именно в этом они оба, последовательно во времени, выполняют функцию фетиша и гаранта его нарциссизма.

Таким образом, внутри его психики инкапсулирован бред, благодаря которому возбуждение и напряжение влечений поддерживаются на

приемлемом уровне, разве что, крайне редко, проявляясь в виде телесных реакций. Также это позволяет ему как в жизни, так и в психодраме разыгрывать эдипальные сцены, без истинных идентификаций, без вины и стыда, поскольку это не относится к его реальности.

Метапсихологическое обоснование амбисексуальности

Эвелин Кестемберг говорит о расщеплении Я на два уровня функционирования, при повсеместном распространении бисексуального имаго-фетиша:

- уровень неинвестирования дифференцированных имаго, глубинный уровень базового функционирования;
- уровень видимой генитальной эволюции и психического функционирования на поверхностном уровне.

В организациях холодного психоза архаическое бисексуальное имаго может приобретать экономическое и либидинальное значение фиксации, что приводит к регрессионному процессу, который блокирует идентификационную игру и процессы интроекции – в то же время приобретая стабильную и умерщвляющую контринвестиционную ценность, что приводит к тому, что такой субъект действительно ничем не интересуется и чувствует, как жизнь проходит мимо. Это можно было бы назвать определенным видом депрессии с точки зрения подавленности и застоя движений влечений.

2. Концепция фетишистского отношения к объекту

Статья Кестемберг о фетишистском отношении к объекту уже была переведена ранее на русский язык, поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями, необходимыми для изучения концепции холодного психоза.

В статье в качестве иллюстрации понятия фетишистского отношения к объекту представлена виньетка пациента Франсуа. Когда ему было 13 лет, его родители отправились в путешествие, в этот же период его отвели к портному, и в новой одежде, смотря в зеркало, он не узнал себя, а служащий ателье отметил, что он не похож на себя. По его собственному выражению, тогда он заново родился, у него больше нет воспоминаний о детстве, а все воспоминания начинаются лишь с истории с портным. Даже сам факт того, что он жил до 13 лет, вызывает у него сомнения.

Первые полтора года анализа история с портным повторялась в неизменном виде, ему не надоедало возвращаться к ней из раза в раз. Также, говоря о себе, он вводил понятие «абсолютное тело». Эта формулировка отсылает нас к понятию амбисексуальности.

Присутствие аналитика и его редкие интерпретации были невыносимы для Франсуа, последние он заваливал своими рассуждениями и потоком речи. Но происходит событие, которое запускает новые процессы: Франсуа встречается аналитика в метро и вне кабинета, где аналитант и аналитик лишены, в его фантазиях, обоюдной телесности, он вдруг обнаруживает, что аналитик все же обладает ею и существует в реальности,

что олицетворяет собой прорыв внутреннего объекта в реальность. Это потрясает его. Он хочет прекратить анализ.

Сцена с портным является как фантазмом самопорождения – появилась на свет в результате истории с портным, – так и фантазмом о бессмертии: раз он не рожден, то и не умрет. Безусловно, тут имеет место и мегаломанический аспект, но, как указывает автор, для Франсуа это не глубокое убеждение в реальности сцены с портным, а скорее воображаемая возможность, у которой была очень важная экономическая функция, защитная: все конфликты удерживались в вытесненном состоянии, к тому же она приносила ему удовольствие. Благодаря ей были сохранены аспекты его невротического функционирования: интенсивная, но непоглощающая тревога, неловкость от отсутствия отношений с родственниками и сверстниками, страх перед гомосексуальностью – все это может наводить на мысли о возвращении вытесненного, сама сцена с портным как некий аналог семейного романа несет невротические черты. Ее неизменность позволила ему больше не чувствовать себя совершенно потерянным, одиноким, в зеркале.

Он приходит к другому, чтобы получить помощь, но постепенно другого он наделяет качествами сцены с портным: аналитик становится обезличенным, неизменным, эти качества и непрерывная регулярность сеансов – все это делает аналитика гарантом, носителем и свидетелем его нарциссической непрерывности. Аналитик фетишизируется, что позволяет сохранять дистанцию с внутренним объектом и пользоваться им.

Отличие такого отношения к объекту от перверсии, по мнению Кестемберг, заключается в том, что помимо навязчивого повторения на сеансах и воспроизведения в мыслях этой сцены он также обеспокоен и нуждается в отношениях с другими, его тревога и заявления, что он не хочет редуцировать себя до нормы, указывают на то, что его организация психики более сложна, она более психотическая, нежели первертная.

Такая конфигурация может навести нас на мысли о бреде, но Кестемберг указывает, что Франсуа не был вовлечен в эти переживания в такой степени, чтобы его восприятие реальности менялось вне рамок кадра, его фантазии не создавали новую реальность вместо той невыносимой, которая была полностью вытеснена, а его интенсивная тревога, абстрактная речь, наполненная неологизмами, все же не дают оснований предполагать глубокую дезорганизацию.

Фетишистские объектные отношения довольно схожи с проективной идентификацией, за исключением превращения объекта в предмет неодушевленный, его увековечивания.

Метапсихологическое обоснование фетишистских объектных отношений

По мнению Кестемберг, фетишистское отношение к объекту представляет собой один из продуктов самости и вносит вклад в организацию Идеала Я. Субъект как бы выталкивает объект изнутри во внешний мир, объект, ощущаемый как часть самого себя, так как не сформирована

граница. Объект-фетиш представляет собой во внешнем мире как бы удвоение субъекта, но не зеркальное, а застывшее, бессмертное, бестелесное. Задача этого удвоения для субъекта – не отразиться в нем и не разглядеть себя в нем, а проверять и убеждаться в своем существовании. Таким образом фетиш наделяется мегаломаническими проекциями субъекта и бессмертием.

Отношения с фетишистским объектом могут быть единственными отношениями, на которые способна психика человека с холодным психозом, поскольку такой объект репрезентирует его, что представляет собой тупик психотического функционирования и, предположительно, имеет экономическую функцию – экономия на бредообразовании, что позволяет избежать дезорганизации.

Примечательно, что такие отношения можно обнаружить не только у психотиков, все так или иначе прибегают к талисману, некоему атрибуту, который наделяется определенными качествами.

Следовательно, можно предположить, что в феномене объектных отношений есть отголоски этих ранних модальностей, которые были созданы еще в рамках первичного аутоэротизма, когда объект был частью субъекта, которым можно манипулировать, отторгать во внешний мир и тем самым делать его хранителем нарциссизма, непрерывности. Тут можно уловить след материнского образа достаточно хорошей матери, которая, не имея четкого образа, остается внутри, несмотря ни на ненависть, ни на любовь. Такие отношения – аутоэротические и одновременно объектные, с внутренним объектом, который спроецирован вовне, – представляют собой некую точку фиксации в глубинах психики, к которой можно возвращаться при временной или рано стабилизировавшейся регрессии.

Ввиду того что внутренний объект репрезентирует не имаго, а некую его тень, а также неразрывно связан с субъектом, то инвестиции во внешний объект, в фетишистский объект, носят нарциссический характер, тем самым происходит некое обездвиживание инвестиций, закрывая субъекта все больше внутри, замыкая на самом себе, стирая следы существования объекта.

Изменения в анализе Франсуа смогли произойти благодаря кажущейся неизменности, которая смогла гарантировать нарциссическое постоянство, что и осуществлял аналитик Франсуа, смирившись с такой формой отношений.

Такой тип организации, как у Франсуа, типичен для холодного психоза: защиты, представлены отрицанием и расщеплением Я, отсутствует перестройка на бредовое решение проблем; благодаря истории с портным можно избежать конфликта с родительскими имаго, отщепив инфантильную сексуальность, избежать тревоги кастрации, увернуться от эдипального созвездия и дальнейшей конфликтуализации инфантильной сексуальности. Использование фиксированных фантазий, переплетение в одном объекте одушевленного и неодушевленного, вкрапление элементов первертной организации, ощущение нарциссической недостаточности и прерывной непрерывности создает уникальный узор симптомокомпл

3. Фобия психического функционирования

Фобия психического функционирования (*Kestemberg, 1986*) – это неспособность получать удовольствие от функционирования, которое проявляется у некоторых пациентов, либо лишение их собственного мышления, которое, будучи выведенным наружу, находит решение в бреде и одержимости другим, либо массивное торможение, вплоть до смещения мышления на другого, что подкрепляет представление о возбуждающем значении психической деятельности.

Тревога особой модальности, вызываемая у субъекта его собственной психической продукцией, которая, хотя, конечно, связана с его фобией объекта, не может быть полностью редуцирована или спутана с ней. Эта тревога может быть почти явной и осознанной у некоторых или же полностью неосознаваемой и, кроме того, присутствует в той или иной степени у всех.

Кестемберг отмечает, что аутоэротический аспект фобии мышления приводит к отрицанию субъектом своей собственной продукции, вплоть до ее иссушения или отнесения к другому, отражает как ресексуализацию мышления, так и сверхинвестирование в себя, которые приводят, благодаря странному смещению, к истинной перверсии удовольствия от функционирования, психическое мышление или функционирование здесь воспринимаются непосредственно как мастурбация, отсюда необходимость скрывать это от других или даже скрывать от себя, а также присутствует чувство стыда. Путем развертывания в ментальной психической продукции того, что на самом деле относится к инвестиции объекта и собственного тела, субъект закрывает дверь в, можно сказать, ослабленное удовольствие, удовольствие от функционирования, которое не несет в себе разрушительной опасности собственно объектного или непосредственно телесного либидинального удовольствия. Удовольствие от функционирования здесь провалилось в качестве контринвестиционной функции.

Подобная фобия приводит к дисквалификации всей детской сексуальности. При работе с пациентами, которых можно отнести к организации холодного психоза, наличие такой фобии в детстве довольно часто сообщается в виньетках, представленных в книге. С другой стороны, фобия психического функционирования очень часто находится на заднем плане – она проявляется в страхе сновидений или заявленном отсутствии сновидений или же в некоторых заявляемых пациентом «я ничего не могу вспомнить».

Помимо фобии психического функционирования стоит также обратить внимание на негативные процессы, о которых Э. Кестемберг (*Kestemberg, 1981*) писала в рамках изучения холодных психозов. По ее мнению, как для отнекивания, так и для отрицания реализуется негативный процесс, иногда плодотворный, поскольку он позволяет возвращать вытесненное и выполнять предсознательную работу (отнекивание), но иногда и иссушающий, истощающий или даже разрушающий (отрицание), поскольку он отключает часть психического аппарата. Сам этот процесс будет предметом особой эротизации, хотя и защитной, но в конечном

итоге разрушительной, отрицание по большей части относится к психотическим или первертным организациям, а при холодных психозах также тонка грань между использованием двух этих защитных механизмов.

4. Перенос, контрперенос и технические рекомендации

В случае Франсуа Кестемберг делает акцент на инвестициях в аналитика, в случае Фредерика – в ведущего и ко-терапевтов психодрамы, но эти инвестиции будто носят скорее защитный характер, они не связаны с переносом имаго, родительских фигур. Кестемберг писала: «Любые инвестиции, какими бы горячими или незначительными они ни были, не обязательно связаны с переносом» (*Kestemberg, 1983*).

В подобных отношениях субъект не является носителем идентификаций, развивающихся на основе дифференцированного и сексуализированного имаго, речь идет о едином, сексуально недифференцированном архаичном имаго, включенном в какой-то степени в нарциссические инвестиции пациента, слабо отделенные от него самого, то есть – имаго, недостаточно организованном в качестве объекта.

Другими словами, это означает, что аналитик и как личность, у которой есть пол, и как субъект инвестируется в этих отношениях как плохо дифференцированное архаичное имаго матери.

В своей статье о контрпереносе при работе с психотическими пациентами (*Kestemberg, 1983*). Э. Кестемберг выделяет несколько аспектов, актуальных при работе с пациентами с небредовым психозом.

Дисимметрия аналитической ситуации выражается в отношениях между аналитиком (который функционирует в терминах контрпереноса и учитывает, что ситуация связана с конфликтами и имаго) и пациентом, который функционирует в терминах инвестиций – возбуждения – тревоги. У таких пациентов мы имеем дело скорее с экстраординарными, массивными инвестициями, где преобладает не столько игра воображения, которая дифференцирована или не дифференцирована в тот или иной момент лечения и, во всяком случае, не в самом начале, сколько прежде всего приток неконтролируемых или плохо контролируемых возбуждений, которые сопровождают или провоцируют или являются лишь обратной стороной тревоги, по своей интенсивности полностью аналогичной самой силе этого возбуждения. Эти огромные инвестиции делают объекта – аналитика – опасным объектом. Более того, любой объект или любая торговля с объектом представляют для психотических пациентов, независимо от способа их организации, непосредственную опасность, которую они должны или охватить, или обойти.

Термин «торговля», более подходящий для этого конкретного способа отношений, объединяющего аналитика и пациента, появился под пером Кестемберг в 80-х годах прошлого века и подразумевает под своей торговой коннотацией идею владения, отчуждения, обмена.

Контрперенос, желательный при лечении психотических больных, по мнению Кестемберг, – это возможность постоянного сопровождения движений пациента на том уровне, на котором он находится, при

одновременном понимании разнообразия этих уровней, поскольку это движение не однонаправленное и никогда не линейное. Буйство содержания или массивное торможение, неустойчивость настроения или, наоборот, ледяная и пугающая неподвижность вселяются в аналитика или вызывают у него возбуждение и тревогу. Кроме того, он может избавиться от этого вложения в него только с помощью своих собственных ассоциативных способностей, но часто эта способность парализуется таким психотическим содержанием или интенсивностью инвестиций, нацеленных на него, поэтому его подлинные контрпереносные возможности, то есть его возможности воссоздать конфликты и работать над этими конфликтами в ответ на конфликты пациента, оказываются ошеломленными.

Таким образом, возникает самая важная и наиболее стерилизующая дисимметрия: аналитик будет реагировать не с точки зрения контрпереноса, а с точки зрения контротношения (*Kestemberg, 1983*). При классическом лечении перенос вызывает в аналитике воспоминания, переживания собственных конфликтов и имаго и пробуждает способности распознавать эти оживления и распознавать то, что принадлежит пациенту в этом оживлении, и то, что исходит от аналитика. В случае такого контрпереноса аналитик реагирует на эти инвестиции, свою тревогу и свое возбуждение менее адаптивными защитами, например, на манию величия пациента может пойти контротношение мании величия терапевта: гиперопека пациента, чрезмерное материнское отношение, стремление стать лучшей матерью для пациента.

Все происходит так, что эти чувства в аналитике толкают его к стремлению понять их и объяснить, захватить это переживание, приручить, то есть осуществляется движение самозащиты. Именно тогда вместо того, чтобы прислушиваться к темпу, ритму, истинности того, что говорят ассоциации пациента, или по крайней мере к его речи или даже к его невербальным проявлениям, аналитик будет вкладывать в него то, что он чувствует, или чаще всего то, что «он знает» из теории, чтобы уменьшить эту тревогу, свое беспокойство и овладеть ситуацией.

То, что всегда происходит с психотическим пациентом, будь то бредовый или небредовый психоз, как отмечает Кестемберг, – это невозможность выхода из парадокса или дилеммы, которые в нем накладываются друг на друга почти многослойно: ужас зависимости от объекта и интимная, глубокая потребность в этой зависимости. Иногда он может прибегнуть к процессу, напоминающему процесс фобии, а именно бегству вперед, но совершенно особенному бегству вперед, например, предлагая все более сырой, все более очевидный материал эдипального уровня, в то время как Эдип остается для него совершенно невыносимым, не подлежащим обсуждению. Явное содержание – это то, что было бы латентным в невротической организации, истинное скрытое содержание, скрытое этим откровенным дискурсом, остается в этот момент неизвестным.

Кестемберг задается вопросом: как мы можем сделать себя объектом, терпимым во внутренней вселенной пациента, если само существование объекта представляет максимальную опасность для его нарциссизма? Объект, который мы представляем, не может быть точно очерчен

в терминах дифференцированных имаго, но может в терминах объекта, который витален и необходим для конструирования Я пациента, но также и опасен вторжением в него, подвергая опасности самость. Тогда стоит прибегнуть к своего рода материнскому сопровождению, приручению, когда мы позволили бы тому, что происходит в пациенте, расцвести, ни в коем случае не «перетягивая одеяло на себя» или добавляя что-то свое. Такой этап, по мнению Кестемберг, позволяет установить переносное отношение, в котором могут появляться образы, зарождающиеся имаго, и благодаря такому этапу, в счастливых случаях, можно войти в истинный переносный процесс с пациентом.

При работе с пациентами с холодным психозом мы также сталкиваемся с их ужасным одиночеством, их не слышат или не слушают, что может относиться и к аналитикам, которые могут слушать их, исходя из собственных координат, для пациентов же очень важно быть услышанными такими, какие они есть, чтобы их признали со всеми их особенностями, с тем, какие они сейчас, и их прошлым. Из-за движений влечений пациент ощущает себя как сбитый с ног, захваченный влечениями, не связанными, противоречащими друг другу, которые затапливают, не позволяют установить равновесие, пациенты становятся некой игрушкой этих влечений, их то охватывает ненависть, то истинная любовь, они чувствуют себя то брошенными, то необходимыми, и все эти чувства и переживания никоим образом не связываются воедино, не устанавливают непрерывности.

Наша задача осмыслить все эти движения влечений, но не придавать им собственный смысл, невротический. Контрперенос, или, точнее, понимание аналитиком контрпереносных движений, контроль над своим собственным функционированием заключается в том, чтобы предоставить себя психотическому пациенту в терминах объекта, который может его сопровождать в любой момент, здесь и сейчас; это может быть сделано с точки зрения фетиша, то есть став гарантом нарциссической непрерывности пациента, неизменности, бессмертия; или с точки зрения сосуда, который не разрушается движениями влечений пациента, это также может быть отказ внедряться и наступать, оживлять речь в случае торможений пациента.

При работе с пациентами с холодным психозом в первую очередь речь идет о необходимости поддержания непрерывности в рамках разрыва, отсюда жесткие требования и ограничения, с которыми мы сталкиваемся в нашей работе с пациентами с различными психозами.

Непрерывность субъекта неизбежно зависит от его отношений с объектом, и поэтому именно его способности к установлению связи должны учитываться. Задачей аналитика будет осуществление терапии, направленной на обеспечение этих отношений. Таким образом через какое-то время можно надеяться, что пациент сможет самостоятельно осознать свое собственное функционирование. Достаточно сказать, что здесь имеются в виду способности к интернализации и организации внутреннего объекта, первичная и вторичная идентификация и способность к установлению переноса, т. е. способность повторять, смещать на аналитика

проекции и интроекции качеств внутреннего объекта, а не просто проецировать на аналитика дериваты влечений.

Кестемберг делает акцент на состоянии психической экономики таких пациентов, учитывая непрерывность или прерывистость этой экономики с инфантильной сексуальностью, связь с инфантильным неврозом. Эта оценка также позволяет измерить влияние объектных связей на чувство прерывности или, наоборот, внутренней согласованности субъекта, или, другими словами, на текущий баланс и качество его нарциссических или аутоэротических инвестиций.

Размышляя об отношениях аналитик – пациент, она отмечает, что в такой встрече всегда речь идет, и, возможно, в первую очередь, о двух нарциссизмах, конфронтирующих друг с другом: о нарциссизме аналитика и пациента, каждый из которых подвергается опасности со стороны другого (Kestenberg, 1983).

Кестемберг указывает, что при встрече с пациентом, для понимания его функционирования и экономики и определения перспектив лечения, стоит обращать внимание на наличие и устойчивую тяжесть психических конфликтов, которые он проявляет: речь идет об оценке существования сохраненных или реорганизованных невротических способностей, предназначенных для решения возникающих проблем инфантильной сексуальности, и возможной конфронтации с эдипальной ситуацией и дифференцированными имаго. Другими словами, следует также изучить сохраняющуюся возможность проработки на уровне предсознательного, которое позволит преобразовывать первичные процессы во вторичные и тем самым обеспечить терпимое сосуществование с внутренним объектом.

Особенно интересным следствием фетишистских объектных отношений является латерализация переноса, которая здесь не является сопротивлением переносу, а, напротив, является необходимым шагом для возобновления движений влечений и конфликтуализации. Инвестирование персонажей из окружения или пережитых событий, функционирующих как сторонний объект, позволяет аналитику держаться на приемлемом расстоянии для пациента, что позволяет избежать катастрофы депрессии, с которой пациент не в состоянии справиться, если разрушится идеализация, объектом которой может быть аналитик.

В теоретизировании своей практики в Центре психоанализа и психотерапии 13-го округа Эвелин Кестемберг показывает, как не только учреждение, но и сама ее личность, играющая роль третьего лица между аналитиком и пациентом, помогают психотическим пациентам обеспечить необходимую преемственность в разрыве, от которого они страдают.

Настойчивость Эвелин Кестемберг в отношении здесь и сейчас – нынешнего, настоящего состояния этих пациентов, оторванных от своего прошлого, – имеет решающее значение, равно как и необходимость принятия и уважения их образа жизни. Вместо того чтобы давать интерпретацию, следует слушать и следовать темпу, ритму, истине того, что говорят ассоциации пациента.

Таким образом, речь идет о том, чтобы понять, как благодаря нынешним огромным, неисторическим в смысле переноса, инвестициям, тревоге,

лежащей в их основе, и страданиям, которые их сопровождают, можно было бы организовать отношения, которые сначала были бы терпимыми, а затем полезными, с другим человеком, который не утратил бы своей инаковости. Тот другой, который изначально является по сути местом проекции этого возбуждения (а не родительскими фигурами или имаго), тем самым является источником обновления этого возбуждения, его модернизации.

Стоит пытаться найти путь, при котором другой, аналитик, мог бы стать интернализуемым барьером возбуждения для пациента, чтобы аналитик и пациент могли бы конституироваться в субъект и объект и построить, сплести вместе историю, которая в конечном итоге позволила бы пациенту восстановить свою собственную субъективную историю.

Сравнение концепций белого и холодного психозов

В другой статье я уже писала о концепции белого психоза, сейчас же мне бы хотелось ограничить белый и холодный психозы по следующим критериям.

1. Название: оба вида психоза представляют собой особую конфигурацию психического аппарата, в которой сама структура отсылает нас к психотическому уровню, но без тех симптомокомплексов, которые позволили бы говорить о ней как о психотической.

Белый психоз похож на экран, на который проецируется сновидение или фильм, или на лист бумаги, на котором что-то должно или может быть написано. Исходя из названий, мы делаем вывод, что для концепции белого психоза характерен акцент на белизне как отсутствии, клинике негатива. Белизна, пустоты – необходимый элемент для организации психического, но в случае белого психоза они разрывают связи, стирают презентации.

Название же холодного психоза берет свое начало в температурной характеристике объектных отношений: вследствие фетишизации объекта отношения с ним приобретают ту морозность, благодаря которой объект остается безопасным и имеющим витальную ценность.

2. Эдипальная конфигурация, первосцена: в рамках эдипальных отношений и первосцены в обеих концепциях мы не имеем дело с классическим Эдипом, в котором гендерное различие структурирует отношения вокруг проблемы кастрации, связанной с проблемой идентификации.

В случае белого психоза авторы говорят о трибиангуляции, триангуляции, в которой третий – всегда лишь перевернутый двойник объекта, где нет места дифференциации по признаку пола, но только по признаку качества объекта – хороший и плохой, причем хороший и плохой объекты представляют собой один расщепленный объект, хорошую и плохую части которого нужно держать как можно дальше друг от друга, за счет стирания связей, репрезентаций, паралича мышления. Из-за необходимости удерживать плохой и хороший объекты на расстоянии они обречены никогда не встретиться, из-за чего субъект не сможет родиться психически,

не сможет установить истинную разницу поколений, признать себя ребенком своих родителей.

В случае холодного психоза Э. Кестемберг говорит о том, что понимание различия полов присутствует в таких структурах, родители делятся по гендерному признаку, но наличие амбисексуальности как фантазма архаической матери предполагает контринвестицию эдипальной ситуации, за счет чего мы сталкиваемся с двумя уровнями функционирования Я, на одном из которых имеет место адаптированность к генитальной эволюции, на другом же – отрицание кастрации и разрыв с инфантильной сексуальностью. Мы можем предполагать, исходя из амбисексуальности, фантазм партеногенеза архаичной матери.

3. Мышление: что касается мышления, то авторы обеих концепций отмечают фундаментальную важность мышления при формировании небредовых психозов.

В случае белого психоза акцент ставится на чрезмерном присутствии плохого объекта и нехватке хорошего, вследствие чего объекты не могут быть помыслены, не могут быть созданы их многоуровневые, амбивалентные репрезентации. Паралич мышления и функции репрезентаций являются фундаментом структуры белого психоза.

В случае холодного психоза Кестемберг уделяет меньше внимания фобии мышления и психического функционирования, связанной с фобией объекта, которая представляет собой континуум от явного до полностью неосознаваемого характера. В случае психотического развития незаинтересованность в психической продукции проявляется в проекции мыслительной активности, в случае холодного психоза мы говорим о невозможности самости и Идеала Я получать удовольствие от собственного функционирования, следствием такой фобии является разрыв с инфантильной сексуальностью, что ведет к прерывистому ощущению нарциссической непрерывности.

4. Внутренние объекты: в рамках организации внутренних объектов и объектных отношений в обоих случаях мы имеем дело с провалом функции репрезентаций, внутренний объект представляет собой скорее набросок.

В случае белого психоза плохой объект в своем преследовании и агрессии заполняет внутреннее пространство, не давая помыслить ни о нем, ни о хорошем объекте, но, с другой стороны, его наличие представляет собой некую уловку психики, потому что при его отсутствии субъект столкнется с пустотой, безобъектным психическим пространством, что, как мы можем предполагать, предоставит влечению смерти полную власть над влечением жизни. Примечательно, что, несмотря на эту ошеломляющую пустоту психического мира при белом психозе, такие люди способны взаимодействовать с объектами, выстраивать отношения, и, мы можем предполагать, в случае если никакое травматическое событие не сделает «запись» на этом белом листе, они могут вполне адаптивно проживать свою жизнь, благодаря контринвестиционной функции интеллекта. В случае холодного психоза Кестемберг отмечает, что психика субъекта как бы выводится частично вовне, как это бывает при эктопии сердца,

когда то, что должно быть внутри, вследствие аномалий развития выносятся вовне. Сложности в формировании внутреннего объекта не позволили субъекту укоренить внутри себя чувство своей витальности, непрерывности, вследствие чего он ищет этот внутренний объект вовне, инвестиции во внешний объект, в фетишистский объект носят нарциссический характер, что заставляет либидо двигаться по кругу, в дискурсе пациента может иметь место путаница между внешней и внутренней реальностью, между субъектом и объектом. Объекты в такой самости подвергаются чрезмерному инвестированию, присутствует крайняя идеализация объекта, порой парализующая способность мыслить о субъекте. В случае аналитической ситуации, благодаря такому найденному вовне гаранту, субъект в состоянии выстраивать свою профессиональную и личную жизнь, вполне адаптивную. Но в случае потери такого фетишистского объекта субъектом овладевает ярость, вплоть до аутоагрессии и агрессии, направленной на оставивший его объект.

5. Клиника негатива, негативные процессы: говоря о клинике негатива, как и в случае с мышлением, авторы обеих концепций небредовых психозов отмечают важность негативных процессов, но в случае белого психоза клиника негатива является фундаментом этой психической структуры – белизна как пустота, как отсутствие, как ничто. Само мышление негативируется, негативная галлюцинация мысли стирает предшествующие и последующие репрезентации и мысли, функция репрезентаций блокируется.

В случае холодного психоза Кестемберг отмечает защитную ценность негативных процессов в рамках лечения пациентов и функционирования их предсознательного, отмечая, что отрицание свойственно для холодного психоза, порой иссушая психику субъекта.

6. Маркеры выявления небредовых психозов. В случае белого психоза на первичной консультации мы можем встретить следующие жалобы от пациентов: они не могут радоваться жизни; не могут профессионально развиваться, у них сложности в общении с людьми, депрессивные ощущения. С точки зрения специалиста мы можем увидеть в случае белого психоза у пациентов пустоту мыслей, ощущение пустоты в голове, неспособность ассоциировать, концентрироваться, размышлять, массивную работу расщепления, как в отношении субъекта, так и его объектов, что помогает субъекту убежать от плохо проработанных примитивных влечений, которые стараются прорваться в психику, подчинить себе Я. Такие субъекты могут иметь довольно высокий интеллект, но эта мыслительная деятельность отщеплена от аффектов и имеет своей целью бегство от влечений, но в конечном счете влечение приводит к белизне, к ощущению пустоты.

В случае холодного психоза могут иметь место жалобы на определенный объект, который оставил субъекта, с чем и связано его обращение к специалисту, различные соматизации. В процессе лечения мы можем встречать застывшую фантазию, которая, практически не изменяясь, преподносится в качестве дискурса на сессии, и не сразу проявляющиеся огромные, неисторические в смысле переноса, инвестиции, тревогу,

лежащую в их основе, и страдания, депрессивные ощущения. Мы можем столкнуться с ограниченностью фантазматических способностей: фактологическая информация на сессиях, фиксированных на актуальном, бедность внутриспсихического, плоская, малоассоциативная речь, слабая связь между прошлым и настоящим. В отличие от психоза, пациенты с холодным психозом более сохранные, они встречают объект во внешнем мире, могут завязать отношения, но сценарии разворачиваются по зафиксированным моделям. Отсутствие эмпатии и очень слабые способности идентификации с объектом и его желаниями, чувствами и потребностями.

Я предполагаю, что внешнее проявление такой внутренней конфигурации и составляет главную сложность указанных концепций, как и большинство нозографических единиц в психоанализе, белые и холодные психозы не имеют четких границ, представляя континуум с более или менее выраженными характеристиками. Я думаю, что тот момент, что теории выстраиваются на основании тех пациентов, которые обратились за помощью, уже говорит нам о дезорганизации защитной брони небредового психоза, в случае белого и холодного психоза мы можем столкнуться с депрессивной пустотой, о которой и будут говорить пациенты на сессии, порой даже не предполагая, с чем связана эта, в сущности, эссенциальная, депрессия. Но остается вопрос: смогли бы мы диагностировать небредовый психоз у человека, в психике которого этот симптоматический узор не имеет брешь? Помимо прочего, коварство данных концепций заключается в том, что слова довольно часто отщеплены от аффекта, вследствие чего дискурс этих пациентов может представлять собой вполне «невротическую» речь, предлагаемые специалисту симптомы также могут скрывать психотическое измерение их проблемы на протяжении длительного времени.

7. Защиты: в обеих концепциях речь идет о расщеплении Я, в одном случае на хорошее и плохое, в другом – на два уровня функционирования.

В случае белого психоза мы говорим, что нарциссизм субъекта попадает в тиски плохого объекта, Я расщепляется на хорошее и плохое, затрагивается сам процесс субъективации, присутствуют дезобъектализующая функция, атака на связи, паралич мышления; клиника негатива, идеализация, проективная идентификация.

В случае холодного психоза расщепление происходит в Я на два уровня функционирования; присутствует расщепление с инфантильной сексуальностью; фетишистские отношения также представляют защиту от объекта, живого, другого; фантазм амбисексуальности является защитой от эдипальной и кастрационной тревоги; присутствуют отнекивание и отрицание, всемогущество, могут быть соматизации.

Здесь я также считаю важным ввести рассуждение о тех защитных механизмах, о которых говорили авторы концепций. На мой взгляд, проблема заключается в том, что защиты также имеют свой континуум, в психике небредового психотика нет ничего того, что не представлено в психике невротического пациента, вся разница заключается в интенсивности этих защит, когда защита парадоксальным образом исполняет свою функцию сберечь психику, начиная ее стирание и разрушение. Мы можем

предполагать, что в случаях, описанных в этих книгах, мы встречаем гипертрофированность защит, парадоксальных защит, борющихся за психическое выживание субъекта, который по определенным причинам не может спастись в продуктивной симптоматике, что, безусловно, в каком-то смысле облегчило бы его страдания. Можно представить холодные и горячие психозы через метафору комнаты, в которую бросили дымовую шашку: в случае продуктивной симптоматики открывается окно, через которое осуществляется приток воздуха, циркуляция либидо, в случае же небредового психоза психика = комната не обладает таким окном, и в ситуации задымления, вызванного травматическими событиями, начинает уничтожаться кислород – репрезентации, мышление, объектные взаимодействия.

8. Отреагирование. В случае белого психоза, чтобы избежать психотической катастрофы, связанной с ужасом влечения к первичному объекту и путаницей между субъектом и объектом, с ребенком, погруженным в мать, или скорее матерью, погруженной в него, происходит обращение к акту, которое основано на отрицании отсутствия матери и расщеплении Я и призвано устранить любые ссылки на архаичное материнское имаго и кровосмесительные и убийственные фантазии. Жизненно важной необходимостью для субъекта является исключение любой фантазии и любого представления, относящихся к материнскому имаго, путем использования негативной галлюцинации. Если воспринимаемый внешний объект является источником психической опасности из-за символического уравнивания между этим внешним объектом и внутренним объектом, функция использования акта заключается в укреплении герметичности расщепления Я и устранении любого риска психотического взлома. Цена, которую приходится платить за этот способ защиты, велика, поскольку речь идет об устранении любой психической работы. Исключение объекта – это также исключение субъекта, который таким образом теряет способность к самовыражению (*Balier, 1996*)

При холодных психозах мы можем иметь дело с отреагированием через соматизацию: соматизация может быть понята как обращение к акту, осуществляемому через тело субъекта с целью избежать психотической катастрофы. Большое количество отреагирований, действий представляют способ коммуникации – ввиду того что фантазматическая жизнь крайне скудна, психике, чтобы справиться с превратностями жизни, требуется перевод в действие.

9. Депрессия: мы встречаем еще одно пересечение концепций белого и холодного психоза – депрессию, которую П. Марти обозначил как эссенциальную, пропитывающую все существование субъекта. Именно с депрессивными ощущениями, апатией, подавленностью, плохим настроением могут обращаться такие пациенты.

10. Перенос: в случае белого психоза мы будем, скорее всего, иметь дело с неинвестированием аналитика: пациент Z демонстрирует минимальную заинтересованность в рамках проведения интервью к фигуре аналитика и наблюдателей. Исходя из бедности репрезентативной жизни, из-за расщепления Я, дуальности «плохой и хороший» в отношении

родительских фигур, мы можем предположить, что перенос может быть проявлен как в «найденном» плохом объекте в лице аналитика, так и во все в отсутствии переноса в смысле надления аналитика какими-то качествами первичного объекта; вполне вероятно, что негативная симптоматика и пустоты, выбеливающие ассоциативный процесс, разрывающие связь слова и аффекта, будут долгое время мешать установлению переноса из-за дезинвестирования объекта-аналитика. В случае холодного психоза Кестемберг говорит о сверхинвестировании аналитика. Инвестиции будто носят скорее защитный характер, они почти не связаны с переносом имаго, родительских фигур. Любые инвестиции, какими бы горячими или незначительными они ни были, не обязательно связаны с переносом. Это может быть просто грубым и неконтролируемым выражением количества и качества возбуждения с бедными образами. Объект, который представляет аналитик, не может быть точно очерчен в терминах дифференцированных имаго, а только в терминах объекта, который vitalен и необходим для конструирования Я пациента, но также и опасен вторжением в субъекта, подвергая опасности самость.

Таким образом, в обоих случаях мы говорим о сложностях в установлении переносных отношений, быть может, даже о невозможности в истинном смысле этого слова.

11. Контрперенос: благодаря контрпереносу специалисты могут распознать небредовый психоз, именно из-за вторжения в психику аналитика того, что вовсе ему не свойственно, вынужденности аналитика делать в рамках лечения то, что для него самого вызывает множество вопросов. Грин (*Green, 1980*) говорил о комплексе мертвой матери и той белой депрессии, которая может ощущаться лишь в контрпереносе, также и в рамках белого психоза мы можем говорить о потребности аналитика «оживить» пациента, заполнить пустоту, создать смыслы.

Авторы много внимания (порой кажется, что слишком много) уделяют их контрпереносу при работе с пациентом Z, который, казалось, бросал вызов аналитической теории и аналитической способности интервьюера. Тот факт, что пустота пациента вынуждала аналитика заполнять ее, задавать много вопросов, которые в конечном итоге свелись, по их словам, к добыванию «информации», а не ассоциативному процессу, может указывать на то контрпереносное чувство при столкновении с пустотой, от которого можно скрыться лишь благодаря сверхпродуцированию репрезентаций, смыслов, связей.

В случае же холодного психоза мы, кажется, наоборот, имеем дело с массивным инвестированием аналитика или объектов, представленных в дискурсе пациента, с застывшей фантазией, предлагаемой на сеансах. Кестемберг уделила много внимания контрпереносу при лечении психотических пациентов: сложность понимания особенностей его именно в холодном психозе заключается в той неочерченности контрпереноса в ее трудах при работе с такими пациентами, про которую мы скорее додумываем, чем читаем в статье. Она отмечает, что массивные инвестиции в аналитика могут создать для аналитика ситуацию ощущения опасности для целостности своей психики, своей способности к мышлению,

ассоциированию, нарциссизма, вследствие чего аналитик может стремиться редуцировать такого пациента до понятного теоретического концепта или понятного с точки зрения своего невротического слушания, что неизбежно приведет к усугублению у пациента ощущения непонимания и неслышанности.

12. Технические рекомендации: в книге о белых психозах авторы говорят, что аналитику следует стремиться предоставить пациенту пространство потенциального, пространство отсутствия, не пространство «это ничего не значит» или «это значит, что», а пространство «это могло бы значить»; работа должна строиться как на создании контейнера для содержания пациента, так и на создании содержания для контейнера. Речь идет не о раскрытии бессознательного, но о создании языка мысли в режиме конструкции (*Donnet, Green, 2004, p. 212*), поэтому аналитику необходимо как слушать, что говорится, так и думать так, как мог бы подумать пациент с белым психозом, если бы не был таковым; ему нужно ввести намеренно функцию непонимания, которая, как правило, обеспечивается самим кадром его слушания. Ему нужно войти в контакт со своей собственной способностью неправильного суждения, испытывать негативные галлюцинации.

В случае же холодного психоза Кестемберг говорит о материнском сопровождении, приручении. Такой этап позволяет установить препереносное отношение, в котором могут появляться образы, зарождающееся имago, благодаря такому этапу, в счастливых случаях, можно войти в истинный переносный процесс с пациентом. Кестемберг отмечает важность третьего при лечении пациентов с холодным психозом, что позволяет использовать латеральные инвестиции в этого третьего для снижения тревоги пациента вокруг его объектов, что является необходимым шагом для возобновления движений влечений и конфликтуализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейд З.* О введении понятия «нарциссизм» // Психология бессознательного, 2006. С. 39–73.
2. *Abensour L.* (1999). Evelyne Kestemberg. Presses Universitaires de France
Kestemberg É. (2001). La psychose froide. Presses Universitaires de France.
3. *Balier C.* (1996). Psychanalyse des comportements sexuels violents, Paris, Puf, 260 p.
4. *Donnet J. L., Green A.* (1973). L'enfant de ça : Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche / Jean-Luc Donnet, André Green. Paris :Éd. de Minuit, 2004. 350.
5. *Green A.* (1980). « La mère morte », in Narcissisme de vie, narcissisme de mort, Paris, Minuit.
6. *Kestemberg É.* (1958). Quelques considérations à propos de la fin du traitement des malades à structure psychotique // Revue française de psychanalyse. 1958. T. 22. №. 3. P. 297–341.

7. *Kestemberg É.* (2001). Note sur le traitement des états psychotiques. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 55–62). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
8. *Kestemberg É.* (2001). La relation fétichique à l'objet. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 77–101). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
9. *Kestemberg É.* (2001). Du «mésusage de la bisexualité». Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 63–75). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
10. *Kestemberg É.* (2001). Le personnage tiers. Sa nature – sa fonction. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 145–177). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
11. *Kestemberg É.* (2001). Négation, déni, psychose. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 117–144). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
12. *Kestemberg É.* (2001). Remarques sur le contre-transfert dans le traitement de malades psychotiques. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 201–214). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
13. *Kestemberg É.* (2001). «L'appareil psychique» et les organisations psychiques diverses. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 179–199). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
14. *Kestemberg É.* (2001). De la «phobie du fonctionnement mental». Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 215–221). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
15. *Vermorel Henri et Madeleine.* Transfert paradoxal et relation d'objet fétichique// *Psychanalyse et psychose*. 2003. N 3. P. 107–118.

The concept of cold psychosis. Comparative analysis of white and cold psychosis

A. S. Blagova

Blagova Anna S., Master of Psychology (HSE), psychoanalytically oriented psychologist.

Cold psychosis is a concept created by E. and J. Kestemberg, which belongs to the register of non-delusional psychoses.

This article will present the characteristics of cold psychosis, which have been developed by E. Kestemberg for twenty years.

Also, here is an attempt to carry out a comparative analysis of two concepts based on the work "La psychose froide" by E. Kestemberg and "L'Enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche" by A. Green and J.-L. Donnet.

Keywords: cold psychosis, ambisexuality, Self, fetishistic attitude to the object, phobia of mental functioning, non-delusional psychosis.

В поисках архаического прошлого в психике

А. А. Богданова

Богданова Анна Алексеевна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный терапевт.

Архаика была и остается неутоленной страстью психоанализа. Она всегда присутствует и в практике, и в теории. Фрейд также не избежал участи быть очарованным архаикой. Он так или иначе возвращался и обращался к ней в своих трудах. М. Кляйн в своих наблюдениях за младенцами дала еще больше пищи для рассуждений и споров вокруг архаического. Но невербальность архаики, слои времени и защит, покрывающие ее, усложняют доступ к ней или не дают нам возможности увидеть ее в неизменном виде. В данной работе предложен подход слушания архаики в материалах пациентов через разную оптику, а также способ слушания архаики в апреку, а именно через анализ защит, к которым прибегает пациент в терапии. Архаика рассматривается как состоящая из двух частей: рудиментарной и потенциальной составляющих, что возможно увидеть в первофантазмах – представителях архаического в психике.

Ключевые слова: архаика, первофантазмы, эдипов комплекс, защиты, апреку, отыгрывание, мифы.

Архаика всегда занимала ведущие умы человечества, этой участи не избежали и психоаналитики, которые были «очарованы» ее неуловимостью, неоднозначностью и недоступностью. Фрейд в своих работах так или иначе всегда обращался к архаике. В работе «Тотем и табу» (1912–1913) он опирался на антропологические исследования в попытках найти общее с теми открытиями, что были сделаны в психоанализе, а именно искал корни эдипова комплекса – как «ядерного комплекса неврозоз». Он искал архаические следы в амбивалентности чувств субъекта по отношению к отцу и матери, пытаясь найти корни того бессознательного чувства вины, которое сопровождает эдипов комплекс. Далее в работе «Жуткое» (1919) он вводит термин *Un-heimlich* (странное, чужое), противопоставляя его

Heimlich (привычное, знакомое), описывая специфическую тревогу, чья сила настолько велика, что есть ощущение, что она имеет доисторическую природу, являет то, что кроется глубинах бессознательного и практически недоступно для репрезентации. Эта тревога становится основой кастрационного страха. Страх потери чего-то очень ценного, что, с одной стороны, приводит, к структурированию психики, но также, если этот ужас настолько велик, заключает психику в ловушку компульсивных повторений и вынуждает субъект постоянно проигрывать уже кажущийся известным сценарий в попытках удалиться от источника тревоги, но фактически он обнаруживает себя в той же точке, откуда начал, как бы бегая по кругу. В работе «Отрицание» (1925) Фрейд говорит о том, что вытесненное отвергается индивидом, даже когда оно выходит на «поверхность» из глубин психики. Здесь можно увидеть отрицание как примитивную защиту психики от невыносимого, что в дальнейшем приобретет формы проекций и проективных идентификаций. Это как «съесть или выплюнуть», «переварить или исторгнуть». Во время своих «археологических раскопок» психики Фрейд пишет работу в продолжение «Тотема и табу» – «Человек Моисей и монотеистическая религия» (Фрейд, 1939), где он повергает в «шок» ортодоксальное иудейское сообщество своим заявлением, что Моисей был не евреем, а «благородным египтянином»; здесь Фрейд продолжает изыскания истоков монотеистических религий. В работе «Будущее одной иллюзии» (1939) он размышляет о роли культуры и цивилизации в формировании и развитии человечества, между которыми он не делает принципиального различия. Он говорит о том, что задача культуры – усмирить и упорядочить животные порывы человека, для того чтобы дать возможность развитию. И именно в этом лежат корни недовольства культурой, так как одна из ее задач – ограничивать, а лучше всего сублимировать эти противоречивые, невыносимые, враждебные чувства индивида.

Много своего внимания уделила архаическому М. Кляйн. В своих работах («Детский психоанализ», 1932; «О наблюдении за поведением младенцев», 1952, и др.) она была более внимательна к материнскому контрпереносу, и А. Грин критиковал ее за то, что она превратила Эдип в *Mutter complex* (Green, 2017), но при этом он отдает должное ее гению и сделанным ею открытиям: описанию архаичных тревог, акцентам на значимости первых стадий развития, первофантазмах и ее вниманию к примитивным (архаическим) защитами. Благодаря ее работе с младенцами и психическими пациентами это стало доступным для анализа.

Конечно, мы не должны быть настолько самоуверенны, чтобы утверждать, будто благодаря ее работам мы получили возможность увидеть дно психики и разглядеть все наше архаическое прошлое. Но аналитики, своего рода, археологи психического, не останавливаются в своих попытках разглядеть его, но все же слои времени, как слои пород, искажают то, что «прорывается» на поверхность, и мы не можем быть достаточно уверенными в том, с чем имеем дело. Это как найти скелет динозавра и пытаться представить, как он выглядел на самом деле, чем питался и как размножался. Разница в том, что у археологов есть инструменты

для реконструкции (высокотехнологичные цифровые инструменты – 3D-сканирование, 3D-моделирование, ГИС-реконструкции, высокоточная оптическая микроскопия). Психоаналитики же не имеют такой возможности и могут опираться только на признаки, которые столь же размыты, как и сама архаика. В этой статье я задаюсь целью сформулировать те критерии, которые можно использовать, чтобы разглядеть архаическое в материале пациентов, а также подтвердить свою гипотезу, что архаика состоит из двух составляющих – рудиментарной и потенциальной, что мы можем увидеть в первофантазмах – представителях архаического в психике.

Фрейд имел дело с невротическими пациентами и сделал там много открытий, но неневротические пациенты со всей своей сложностью, иногда даже не поддающиеся анализу, обескуражили Фрейда, и эту работу продолжили его потомки. И кажется, что именно работа с неневротическими структурами позволяет аналитикам «прикоснуться» к неизведанному, сложному, недоступному к репрезентациям, к доисторическому периоду человечества, к той самой архаике. Но считаю важным отметить, что, с одной стороны, путь к архаическому через материалы психотических пациентов кажется нам более прямым и в этом есть смысл, так как именно у них мы можем разглядеть архаику так сказать «во всей красе». Но Грин предлагает искать ее не только там. Причина этому – патологические регрессии, которые являются не просто возвращением к точке фиксации, но также сопровождаются преобладающими разрушительными влечениями и деструктивностью, что мешает выявлению «чистой» архаики. Он высказывает опасения, что чрезмерное увлечение аналитиком поисками архаики у психотических пациентов может привести к серьезным несчастным случаям у последних или даже самоубийствам. Ту же осторожность он призывает соблюдать в работе с психосоматическими пациентами. Поэтому Грин предлагает искать архаику еще и на более зрелых уровнях психики. А конкретно в Сверх-Я и Идеале Я. А точнее, в отношениях власть – подчинение (*Green, 2017*).

Можно задаться вопросом, насколько подчинение Я Сверх-Я подвижно свободной волей субъекта? Ведь только страх наказания (кастрационный комплекс) или страх потери (неплотской любви родителей) заставляют субъект подчиняться вводимому закону. Именно в диадах «послушание – покорность» (*Green, 2017*) (для невротических структур) и «гордость – смирение» (*Green, 2017*) (для неневротических структур) постоянно стоит вопрос власти и борьбы за нее, что возвращает нас наше архаическое прошлое. Архаика материнского всемогущества всегда идет в паре с бессилием того, на кого это всемогущество распространяется. Тогда возникают зависть к этому всемогуществу и желание обладать им (так же звучит у Мелани Кляйн в ее концепции «зависти – благодарности»). Конфликт разрешается в невротических структурах появлением Сверх-Я, которое возникает после символической кастрации, Идеала Я у пограничных структур или симбиотического всемогущества у психотических структур, когда есть отрицание кастрации.

Грин пишет (2017), что конфликт «послушания – гордости» раскрывается в анализе. Этот первичный анальный конфликт является одновременно и архаикой, и защитой от архаики, и будет недальновидно рассматривать только один из этих аспектов. Неподчинение так же мучительно и хаотично для субъекта, как и угроза хаоса, которую он стремится предотвратить. Грин приходит к выводу, что в конечном итоге конфликт «послушания – гордости» не направлен ни против Сверх-Я, ни против Идеала Я, он скорее направлен против тревоги существования бессознательного как угрозы, направленной против господства. Как будто единственным способом не быть поработленным является только возможность самому стать (быть) господином (Кронос и Уран, Зевс и Кронос и др.). Более зрелое Сверх-Я призывает нас к смирению и признанию всемогущества Бога. Пример «послушания – покорности» – ритуал обрезания у иудеев и мусульман, как буквальная кастрация. Этот акт должен свидетельствовать о покорности и принятии заветов Бога. «Гордость – смирение» мы можем видеть в наших кабинетах в терапии пограничных случаев. Где аналитик «навязывает» кадр и пациент вынужден ему подчиняться, но последний постоянно нападает на него (кадр), желая сменить роли и занять место у руля.

Я предлагаю посмотреть на архаическое через разную «оптику»: через телескоп и микроскоп, а именно на архаику в социокультурном проявлении и архаику индивидуума. В первом случае архаика звучит в нашем историческом прошлом, в так называемых сильных режимах, где центральную роль вседержителя играет первобытный отец, которого в конце концов убивают. Здесь я предлагаю вспомнить нашу собственную историю убийства Николая II и последующее его причисление к лику святых. В Османской империи был ритуал убийства всех братьев взойшедшего на трон султана во избежание попыток свержения власти.

Также этот след лежит в монотеистических религиях, в частности христианстве, где идея обретения «царствия небесного» является центральной. Той самой желанной утробой, куда мы постоянно стремимся в нашем первофантазме об утраченном рае, является именно тот самый Эдем. В религии мы находим успокоение во время опасностей, под крылом милосердия Бога, но мы не найдем столько же сострадания у древних божеств, они скорее карающи и своевольны. Ведь с ними запрещено идентифицироваться, это стало возможным только при появлении идеи о человеке как носителе искры Божьей. И именно в периоды войн и конфликтов архаическое прорывается к нам, в нас оживают древние боги: Гея, Перун, Мокошь, Нут, Кибела, Исида и многие другие.

Что же мы можем увидеть, глядя через микроскоп? В процессе своего индивидуального развития субъект проходит стадии формирования как физически, так и психически. Здесь нет задачи рассматривать доисторический период человечества с точки зрения физиологии, нас интересует психическое становление человека. От эмбриона к плоду, от новорожденного к младенцу, от младенца к ребенку, от ребенка к подростку и взрослому. Преодолевая эти физиологические стадии, развивается и совершенствуется психика, проходя через потери и фрустрацию, травмирующий

опыт и страдания, а также через удовольствие. Нельзя отрицать влияние первичного окружения на формирование психического, но считаю важным отметить, что разграничивающая линия будет проведена тогда, когда ребенок осваивает речь. Именно вербальность позволяет перейти из одного состояния в другое, появляется возможность говорить и переводить сообщения взрослого. Именно в невербальности лежит сложность взаимодействия с архаикой. И здесь мы можем назвать архаику субъективной.

Выше я упоминала **первофантазмы как проявление архаического** и считаю нужным подробнее остановиться на этом. Мы можем ориентироваться в безграничном, только находя и создавая ориентиры, так сказать, опорные точки. Этими опорными точками становятся первофантазмы. Они являются своего рода «представителями» архаического. В 1915 году во «Введении в психоанализ» появляется термин «первофантазмы». Фрейд выделил четыре – возвращение в рай (жизнь в утробе), первосцена, кастрация, соблазнение. Именно эти фантазмы организуют психическую жизнь, но Фрейд настаивает, что это филогенетическое наследие, передаваемое из поколения в поколение. Как если бы они существовали еще в доисторическом периоде, расположенном в начале времен, а значит, возникли на «заре» психики, и мы можем попытаться найти в них то архаическое зашифрованное наследие. Я предлагаю рассмотреть первофантазмы в свете моей гипотезы, что архаическое состоит из двух составляющих: рудиментарной и потенциальной.

Первофантазм о возвращении в рай – это фантазм о нирване, покое, о состоянии, когда все потребности удовлетворены и субъект еще не является субъектом, а скорее неотъемлемой частью чего-то большего. Здесь опять можно упомянуть об основных современных (и не только) религиях, о возвращении к нашему прародителю, в состояние вечного блаженства. Но «мужской» Бог появился гораздо позже, и здесь скорее видится уже начало истории. Если же смотреть глубже, то основные первобытные культы были связаны с женскими божествами, для которых не было равного среди мужчин. Не идет ли здесь речь о великой утробе богини-матери, которой не было равных среди мужчин-богов? Для того чтобы зачать, ей не нужен был мужчина. Достаточно было проглотить своего младенца, чтобы забеременеть, как это происходит в мифе о богине Нут, о Гее, которая самостоятельно родила Урана и потом вступила с ним в связь. Древние божества также часто являлись гермафродитами, об этом писал Платон в «Пире», называя их «андрогинами». Так возможно ли родиться психике из такой всемогущей утробы? Так это и произошло, благодаря появлению других божеств – мужчин: Зевса, Перуна и др. Но все они были плодами великой архаической матери. И память об этом «до-временье» лежит в бессознательном – в архаике.

Если размышлять об этом фантазме в парадигме, которую я предлагаю, то можно выделить также части этого фантазма: рудиментарную, которая проявляется в желании только получать, и потенциальную, когда появляется желание давать. Здесь рождение является травмой, но оно заряжено возможностью развития.

Каннибалистическая трапеза. Этот первофантазм не был выделен Фрейдом как отдельный. Тема каннибализма впервые появляется у него в работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905), где он приводит аналогию между сексуальным влечением и влечением к принятию пищи, голодом, а позже он вводит понятие оральной организации, каннибализм выступает как характеристика этой стадии психосексуального развития. Иногда говорят о каннибализме как признаке оральной стадии.

Абрахам подразделяет оральную стадию на две фазы – доамбивалентного сосания и амбивалентного кусания, он считает каннибалистической лишь вторую фазу (Абрахам, 1933).

В период развития кляйнианской теории ее сторонники наибольшее внимание уделяли оральной стадии развития индивида, а именно проявлениям оральности и первофантазмам, связанным с ней. Это фантазм об оральном поглощении, пожирании, инкорпорации и в дальнейшем интроекции, идентификации, присвоении опыта (как положительного, так и отрицательного). Он проявляется в правилах и ритуалах. В деструктивном его выражении проявляется в виде убийства, поглощения и/или зависти, жадности. Ярче всего представлен на оральной стадии в опыте питания, где удовлетворяются не только физиологические потребности, но и эмоциональные. Является основой формирования первичного нарциссизма и ощущения самооценности, формирования образа Я. В случае отрицательного опыта кормления (агрессия матери, ненависть, эмоциональная отстраненность) объект становится плохим, и с ним невозможно идентифицироваться, его необходимо либо полностью проглотить, чтобы не потерять никогда, либо выплюнуть, исторгнуть. Во взрослом возрасте может проявляться в виде расстройств пищевого поведения – булимии, анорексии.

Этот первофантазм проявляется в работе горя и меланхолии. В первом случае объект выбрасывается, освобождая место для других идентификаций, и появляется возможность для инвестиций другого объекта, во втором он поглощается и заменяет Я.

Страх поглощения другим ярче всего проявляется у психотических пациентов, а также у шизофреников. В случае оператuarного функционирования может быть, наоборот, желание исторгнуть, извлечь из себя этот объект.

Проявляется в ритуалах совместных трапез, где через еду происходит идентификация с группой – «разделить хлеб», «разделить трапезу»; отказ принимать пищу в гостях – это неуважение к хозяевам, другими словами, нежелание идентифицироваться с ними. А совместная трапеза на праздниках и поминках – это способ разделить радость или горе. В символическом качестве он проявляется в христианстве во время ритуала причастия, где пьют кровь Христову и едят тело Христово в виде вина и хлебного мякиша (зависит от ответвления христианства). В мифах и сказках этот фантазм встречается очень часто: Кронос, Баба-Яга, пожирающие детей, Нут, пожирающая сына, чтобы забеременеть, но также Аленушка,

которая прячется в печи, убегая от преследования и тем самым спасаясь (сказка «Гуси-лебеди»).

Так как этот первофантазм – основа формирования идентификаций, то также возможна идентификация с агрессором или жертвой, что свойственно анальной стадии психосексуального развития индивида. Именно на этой стадии конфликт «власти – подчинения» выходит на свою наивысшую точку, и выход из него пока только возможен через идентификацию с одной из сторон конфликта.

В архаике этот первофантазм несет в себе очень много агрессии, зависти и желания присвоить что-то или кого-то и проявляется очень буквально. Мы можем увидеть архаические следы в сильных амбивалентных чувствах к своему родителю (матери или отцу). Поэтому поглощение родителя в эдипальном конфликте позволяет проработать агрессию. Здесь будет уместно вспомнить убитого и съеденного первоотца как буквальный пример проявления этого фантазма. Именно эта часть фантазма представляет рудиментарную часть – убийство, поглощение, триумф над отцом. Но чувство вины, возникающее после этого действия, – потенциальная часть для развития, именно она запускает механизм интроекции и идентификации с убитым отцом, что дает начало эволюции психики. «Однажды изгнанные братья собрались вместе, убили и съели своего отца, что положило конец существованию отцовского племени. Объединившись, они стали более смелыми и смогли осуществить то, что каждый из них не смог бы осуществить по отдельности» (Фрейд, 1913).

Первосцена. В «Толковании сновидений» (1900) Фрейд не пишет о первосцене как таковой, хотя он подчеркивает, что увиденное ребенком соитие взрослых вызывает у него чувство страха и ребенок пытается отстраниться, отвергнуть это видение, чтобы с ним справиться. Ребенку кажется, что родители в этот момент также испытывают страх, так как ребенок видит агрессию отца при садомазохистических отношениях, основанных на доэдипальном опыте отношений с матерью и связанных с ним желаниях. Также это фантазм о собственном зачатии, где есть трое, но третий должен быть исключен. Что тут в первосцене? Реальные воспоминания ребенка о пережитом событии или же это чисто фантазийное явление? Я бы сказала, что здесь присутствует и то и другое. Здесь есть тот архаический опыт, который заложен и недоступен в бессознательном, и воспоминания о нем оживают благодаря услышанным звукам, шумам, похожим на соитие животных или же их трапезу, что приводит к фантазированию о том, что же там происходит в родительской спальне. Нам стоит размышлять и исследовать происхождение этой фантазии, как если бы она уже существовала в психическом в невыражаемой форме и прорывается сквозь время, разбуженная звуками и образами, которые уже нам кажутся знакомыми, но не менее пугающими.

Рудиментарная часть этого первофантазма – исключение, что является травмирующим для субъекта, потенциальная – фантазийное присутствие, что дает начало фантазму о собственном происхождении. Именно отсутствие или поврежденность потенциальной части это первофантазма становятся причиной психотического фантазма о самопорождении.

Архаический вариант первосцены представлен в мифе об Уране и Гее. Уран (Ουραν), греческий бог, олицетворяющий небо, – супруг земли Геи, принадлежащий к первому, самому древнему поколению богов. Гея родила Урана и, вступив с ним в брак, породила горы, нимф, море Понт, титанов, циклопов, сторуких. Уран обладал бесконечной плодовитостью. Дети его были ужасны видом и отцу своему ненавистны; он прятал их в утробе Геи, тяжело от этого страдавшей. Земля задумала облегчить свою судьбу, и по ее просьбе младший сын Кронос серпом оскопил Урана. Кронос был третьим в этой архаической первосцене. Но он прибег к насилию над отцом, буквально оскопив его.

Соблазнение. Фрейд впервые говорит о соблазнении в 1893 году, и это понятие сначала существовало как клиническое открытие. Когда же Фрейд усомнился в подлинности этих «воспоминаний», он перевел соблазнение в поле фантазмов. В любом случае, будь то реальное или фантазийное соблазнение, оно оказывает влияние на сексуальное развитие ребенка.

Не хочется дальше углубляться и развивать невротическую сторону феномена соблазнения и его последствий. Здесь стоит задача увидеть архаический след в соблазнении. Мать тоже соблазняет ребенка к жизни, но другим «языком» – «языком нежности» (Ференци, 1933), а не страсти, что пока недоступно для усвоения детской психикой. Какой же архаический посыл лежит в этом фантазме? Доэдипальный опыт контакта с матерью. Фрейд считал, что соблазнение – это не только исторический факт в жизни субъекта, но структурирующий момент, который может быть доступен в настоящее лишь в форме мифа. Лапланш пишет о соблазнении с точки зрения асимметрии отношений ребенка и взрослого. Ребенок здесь пассивен, а взрослый активен. И первый всегда полностью зависим от «воли» второго. Где же здесь мы можем найти архаичность? Для ребенка взрослый выглядит кем-то великим, большим и практически недостижимым. Ребенок фантазирует о том, как он вырастет и станет равным богам. Но эти земные «боги» при всем их всемогуществе и власти над ребенком часто пользуются этим, чтобы удовлетворить свои желания, снизив собственное перевозбуждение, что делает их в наших глазах не такими зрелыми. Не напоминают ли они нам тех архаических древних божеств, которые были гневливы, мстительны, сладострастны и часто несдержанны? Которые манипулировали человеком для достижения своих целей и удовлетворения, например, своих стремлений к власти, сексуальных желаний и др. Если обращаться к образу архаической богини-матери, которой в принципе является для младенца его мать, то можем ли мы быть уверены, что она сможет оторвать ребенка от своей груди, чтобы дать ему возможность развиваться, или же она продлевает грудное вскармливание из-за оргазма, который она испытывает при этом?

Фрейд в своем произведении «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939) пишет о том, что Моисей соблазнил еврейский народ их исключительностью, что дало рождение новой монотеистической религии. Здесь есть пересечения с первофантазмом о каннибалистической трапезе, в той его части, где появляется чувство вины и происходит идентификация

с убитым Моисеем, что усложняет нам задачу четко разделить их здесь. Но считаю, что именно соблазненность евреев дала толчок к появлению монотеизма.

Рудиментарной частью этого первофантазма я бы назвала пассивность, что травматично по своей сути, пока ее (пассивность) невозможно принять, потенциальная же часть позволяет развить способность к открытию нового через принятие.

Кастрация. Тревога кастрации является движущей силой символизации. Благодаря этой тревоге мы можем отделиться от первичных объектов и тем самым открыть для себя возможность найти новые объекты любви.

О чем же этом фантазм? О раскрытии разницы полов, запрете инцеста, о законе и о наказании. Через тревогу потери, наказания происходит структурирование и развитие психики. Но иногда эта тревога настолько сильна, что не только не структурирует психику, но и загоняет ее в жесткую ловушку ужаса. Именно на этом ужасе хочется подробнее остановиться.

В своей работе «Жуткое» (1919) Фрейд называет нечто странно и жуткое словом *Un-heimlich*, противопоставляя его слову *Heimlich* – нечто привычное, близкое, известное. Он пишет о специфической тревоге, которая имеет специфическое ядро, которое скрыто в бессознательном, но имеет корни в архаическом. Он говорит о переживании жуткого страха, описывая сказку о Песочном человеке Гофмана, где прослеживается след эдипальности, потому что главный герой Натаниэль влюбляется в восковую куклу и ожидает наказания, возмездия от Песочного человека, который может вырвать у него глаза, и, ведомый этим ужасом, он бросается с башни и погибает. Тревога за свою жизнь – повторение детской тревоги, связанной со страхом кастрации, не с этим ли постоянно сталкивались наши далекие предки? Не здесь ли лежат корни кастрационной тревоги? Фрейд в книге «Тотем и табу» (1912–1913) старается сравнить табу примитивных народов и табу обсессивных невротиков. У примитивных народов просматривается высокая степень амбивалентности в многочисленных правилах, которые сопровождают табу: как нужно обращаться с врагами, проводя ритуалы искупления, и табу правителей, почитаемых поданными, но закрепощенных ритуальной системой, где есть зависть к привилегированному лицу. Тут есть параллели между чувством преследования первобытного человека их владыкой и паранойяльным бредом психотика. В этой работе Фрейд проясняет понятие совести, или осознания вины, как результат нарушения закона. Но для примитивного человека этот голос совести звучит как ужас возмездия. И не здесь ли скрываются корни кастрационных страхов?

Как пример символической кастрации приведу историю Адама и Евы, но не в изложении Ветхого Завета, а в как это было описано в книге Зоар – центральном произведении каббалистического учения. Бог создал Адама и Еву как единый организм, они были слеплены спинами (или ребрами сбоку, так как четко об этом не говорится) и являлись единым существом. После грехопадения, когда Бог изгнал их из рая, он разделил их, чтобы

они могли увидеть друг друга, могли совокупляться и размножаться, как он им велел. Так, может, в этой потере единства, а именно чего-то ценного, что подразумевает комплекс кастрации, и произошло открытие разницы полов?

Еще примером может служить миф об Уране и Гее, он был также упомянут выше, но в другом контексте (см. первофантазм о первосцене). Разыгравшийся эдипальный конфликт между отцом, матерью и сыном разрешается не символической кастрацией сына, а буквальной кастрацией отца. Миф об Уране – свидетельство архаических истоков классической мифологии. Небо и земля мыслятся одним целым, которое затем в космогоническом процессе разделяется на две сущности.

Рудиментарной частью этого первофантазма является потеря чего-то ценного, что травматично для психики, а потенциальная часть – открытие нового через смирение.

Какие критерии слушания архаического материала пациентов можно выделить?

Я считаю важным в этой статье учитывать двухсоставность архаики, потому что именно травматичность архаики способствует появлению защит от нее, через которые мы, собственно, можем ее увидеть. Но, как уже было сказано выше, Грин и Руссийон предостерегают аналитиков от уверенности, что архаика у нарушенных пациентов проявляется в неизменном виде, именно у них она искажается сильнее всего, и это следствие деструктивности и дезорганизованности их психики.

Архаика находится вне времени, до начала времен, когда еще не было исчисления лет, она «нерефлексивна или слабо рефлексивна и способна возвращаться в галлюцинаторной или квазигаллюцинаторной форме» (Roussillion, 2017), ее проявления мы можем видеть в терапии как примитивные защиты, те, что образовались в доисторическом периоде индивида: проективная идентификация, отрицание. В связи с тем, что архаика довербальна, ее практически невозможно или очень сложно репрезентировать словами, поэтому мы часто видим отыгрывания, актинг и телесный язык на наших сеансах. Как если бы это был единственный способ «сказать» то, что не может быть выражено словами. Мимика, неосознанные жесты, действия, конверсионные и соматические симптомы – не это ли язык архаического? Но считаю необходимым здесь также остановиться подробнее на трансисторичности архаического. Этот феномен так же свойственен последствиям личного травматического опыта индивида и его компульсивного повторения. В этом заключается сложность отделения последующего травматического опыта от архаического.

В качестве клинической виньетки я приведу три случая из личной практики.

Женщина средних лет пришла с тревогами за свое будущее и своего ребенка. Здесь я буду называть ее Жанной. Встречи проходили онлайн. Она из малой народности. Вышла замуж за мужчину не из своего рода и, более того, представителя «врага», угрожающего языку и идентичности ее народа.

В ее материале звучит мотив инцестуозности: она принадлежит к малой народности, где все женятся и выходят замуж в рамках своего рода. Это отправляет нас в наши доисторические времена, когда целью было выживание, в тот далекий период истории человечества, когда еще об инцесте как угрозе вырождения ничего не было известно, когда самым важным было выживание вида или, другими словами, рода. Там не было важно, кто является отцом ребенка, важно только, чтобы он принадлежал к роду. Отцом является сам род. Инцестуозность «звучит» и в ее словах: ее сиблинги – ее дети, то есть они плоды инцестуозной связи с отцом, а мать – это только ее мать. Здесь присутствует много жадности и желания обладать матерью единолично. Но также отрицается половая связь матери с отцом, плодом которой являются дети. Чей же она плод? Как будто отец не принимал участия в ее зачатии. А мать родила ее от Рода. Род – это славянское божество, создавшее тьму и свет из хаоса. Он является прародителем всех славянских богов, и отсюда общие корни слов «родитель», «родина», «народ».

Также можно по-другому взглянуть на слово «род». Его еще можно прочесть или услышать как «рот», и здесь появляется рот Кроноса – титана, пожравшего своих детей. Наша первая встреча продлилась вполвину меньше времени, потому что я была вынуждена остановить сеанс из-за того, что в кадре появился ее сын, и при нем она стала говорить о своем отце, унижая его, и о своих детских страхах, что ее мать умрет. Хронос – это время, первоначальное божество, прародитель неба, хаоса и тьмы. В других орфических сочинениях Хронос – безначальное время, из семени которого возникли, огонь, воздух и вода. Как мы знаем, божества в политеизме очень карающи. Она говорит о том, что с ее ребенком и мужем что-то не так. Это звучит, как если бы ее части были помещены в них и на самом деле с ней что-то не так. Здесь проявляется страх того, что в конце концов это заметят, тем самым ее обнаружат и накажут смертью. Поэтому необходимо поместить эти части в других, но тем самым подвергнуть их опасности.

Также архаика здесь проявляется через убийство матери. Но не в виде эдипальной фантазии о ее убийстве. Мать как будто говорит ей: «Ты сможешь стать матерью только после моей смерти». То есть, только убив мать, можно стать матерью. И она нарушила табу, забеременев.

Считаю необходимым осветить в этой статье архаику инцеста в свете данного случая. В психоаналитических трудах инцест освещается чаще всего как источник амбивалентных чувств – желания и запрета. Архаику инцеста я вижу именно в отсутствии запрета. Архаический аспект инцеста – это только желание. Только возникновение запрета, табу – это та примитивная защита регулирующего закона, чья задача выстроить крепостную стену между архаическим желанием и его исполнением. Именно протест Жанны быть частью рода, отказ выходить замуж только за представителей ее народности – защита от архаического «зова». Это те защиты, которые необходимы, чтобы отгородиться от нее.

Ее ребенок появился на сеансе именно в тот момент, когда она говорила о том, как он ей мешает. Она как будто показала мне это, чтобы я

поверила, и в этом было много жестокости. Она говорит при нем, что, возможно, ее ребенок боится ее ухода, и начинает рассказывать о том, как она когда-то боялась смерти своей матери, как будто предъявляя мне своего ребенка как доказательство его причастности к ее возможной смерти и наказывая его, говоря при нем такие слова. Ребенок здесь выступает как причина смерти и как способ ее избежать, причина бессознательной вины за убийство матери, нарушения табу – ведь он плод запретной неодобряемой связи и жертвенный агнец, которого можно отдать карающему боже-ству как расплату.

Ее сын светловолосый. И, возможно, он похож на своего отца, потому что она из народности, где нет белокурых. Не была ли ее жестокость также направлена и на мужа, потому что сын и муж слеплены? И важно отделиться от них, не быть с ними связанными. Как будто только так можно было бы родить ребенка. По ее представлению, те, кто не из ее народности, – они неполноценны, дети от мужчины не из ее народа также несут эту неполноценность, значит, «это не считается». И, возможно, это был единственный способ разрешения этого конфликта: родить, не убив мать. Но этим действием она нарушает другой закон – закон продолжения своего рода. Но при этом враги ее народа считались агрессорами, и враждебный язык как будто поглощал их родной язык. Здесь опять звучит страх абсолютной аннигиляции, как следствие поглощения чем-то большим. Получается, что она вышла замуж за врага. Когда я отметила это, она задумалась и как будто испугалась.

Такое же расщепленное восприятие своего ребенка. Он одновременно и желанный, и нежеланный. Она говорит о том, как он ей досаждал, но и она не может спустить его с рук. Возможно ли, что он защищает ее от своего рода своим пенисом? Присваивая его, она уже становится не своей матерью, но одновременно близость с ней угрожает ее ребенку как плоду «запретной» связи. Тогда здесь просматривается фетишистское отношение к объекту. Ее сын – это ее пенис, даже фаллос, с помощью которого она может защитить себя от возмездия, но и ее жертвенный агнец, как расплата за предательство рода – откуп, ее способ проявить непокорность.

Но ее род – это не только мужское божество, оно не звучит как разделяющее, эдипальное, но поглощающее. Она говорит о том, что принадлежит роду, как если бы она до сих пор не родилась, а еще находится в чреве матери – родины. И ей нужен путь наружу, который она может проложить, только разрезав плоть матери фаллосом своего сына, запретного плода. И невозможно опереться на отца, поэтому она его обесценивает. Когда появляется ее сын, она вспоминает о своем отце. Она говорит о нем уничижительно и гневно.

Хочется подсветить здесь образ архаической матери. Сама мать не звучит в материале, но она как будто поглощена чем-то большим. Так не род ли является еще и матерью? Богиня-мать – одно из главных женских божеств в мифологии и религии. И поклонение женщине-матери восходит к древнейшим временам, например к эпохе палеолита. Это чаще всего образ женщины, которая производит, создает, созидает, управляет силами

природы, и без нее невозможно продолжение рода, а значит, и существование. Но также она имеет и другую сторону: богиня-мать не имеет равного себе супруга, она может сама себе его породить, а затем погубить.

Чтобы соединить то, что было написано выше, считаю важным отметить всю мифологичность того, о чем говорит Жанна, всю обреченность. Как будто все предопределено, и это мышление архаическое. Здесь витает дух фатума, неизбежности, и ничего с этим нельзя поделать. Состояние Жанны нельзя описать словом «страх», это скорее первобытный ужас. Он абсолютно недоступен осознанию, и она пытается справиться с ним, распределяя свои части в других: в мужа, сына, мать и др. Она описала случай соматизации как способ убежать от невыносимого существования. Сбежать из рода, чтобы стереть себя из него. Еще здесь стоит отметить отсутствие разницы поколений. Совершенно непонятно, кто кому является матерью и отцом, при этом прослеживается родство. Да, это признаки неневротической организации психики, но я хочу показать этот случай не просто как дезорганизованный, расщепленный и нарушенный, а скорее как организованный по другой, ранней форме организации – архаической, когда иного еще не было.

Другой случай. Женщина обратилась с проблемами со здоровьем. Здесь я буду называть ее Л. Они у нее проявлялись в головных болях, но врачи не находили причин для этого. Также были жалобы на эмоциональную лабильность и невозможность противостоять стрессу.

Этот случай я использую как пример проявления архаики через те защитные механизмы, которые используются.

Действие как регистр проявления архаического.

Его рассматривают как защиту, направленную на то, чтобы избежать работы символизации, но здесь я хочу подчеркнуть другую его окраску: действие как способ примитивной коммуникации, что появляется в довербальный период. Это способ показать, прожить, продемонстрировать то, что ускользает с языка. Л., когда начинает говорить о чем-то, что ей неприятно, начинает покашливать, как будто слова застревают у нее в горле. Что здесь важно отметить, что у Л. никогда не бывает двух проявлений вместе: слез и кашля. Бывает либо то, либо другое. В ее истории смерть идет за ней по пятам, и она вынуждена постоянно ускользать от нее, несколько раз в детстве она была на грани смерти. Л. всегда платила исправно, но после нашей встречи, где она рассказала историю про то, как она чуть не погибла в аварии, а я сказала в самом конце: «Вы выжили, хотя не должны были», она переменялась в лице, его как будто свело судорогой, и она сжала зубы. Я как будто озвучила тайное желание ее матери. Л. «забыла» оплатить ту встречу. Неоплата сеанса – это был способ сказать мне или ее матери в моем лице что-то, что невозможно вербализировать. Что крутится на языке, но невозможно оформить это словами, а только показать. Тем самым она выразила непослушание, показав, что она не согласна умирать, и выразила это в мимике и действии.

Другой клиент – мужчина 35 лет, буду называть его К., тоже прибежал в терапии к невербальному языку – *речи тела*, что является для меня доисторическим способом коммуникации. Он его использовал, чтобы рассказать о себе. Он много болел в детстве, и мы не знаем истинной причины его болезней, но можем подозревать, что он был жертвой делегированного синдрома Мюнхаузена (DSM-5), но то, что происходило в терапии и до нее, показывает, что для него язык тела, соматизация – это способ коммуникации. У него был опыт клинической смерти в младенчестве. Он рассказывает о том, что, когда сталкивается с чем-то невыносимым в своей жизни, у него сразу же темнеет в глазах, начинается стук в голове, лицо спазмируется в гримасу и он начинает терять сознание. При этом он часто обращался к врачам за помощью. Но никто не может найти причин происходящего. Спазмы лица и потеря сознания выглядят и «звучат» как реакция ребенка на что-то совсем невыносимое и то, что не хочется брать. Вообще сам по себе спазм – это защитная реакция. Все сжимается, желая стать тверже, чтобы в него не проникли. Создать непроницаемый барьер. Тело К. так реагирует на перевозбуждение. Его лицо искажается в гримасе, как бы показывая отвержение, отрицание, как бы это сделал младенец. Это невербальный способ сказать «нет». Я хочу это съесть или выплюнуть, как примитивная форма телесного выражения. Еще одна телесная реакция этого клиента – частые позывы в туалет. Как если бы невозможно было удержать в себе что-то, переварить, поэтому их необходимо исторгнуть неперевавленными, это похоже на проявление в телесной форме защиты проективной идентификации, когда то, что невозможно усвоить, исторгается. В работе с К. были сеансы, где мое мышление было практически парализовано. Я как будто превращалась в его параллель, в его копию, в которую без слов выгружалось что-то из другой его части, которую мы обычно называем неневротической. Это для меня выглядит как пример проективной идентификации – отщепление того невыносимого опыта в мою психику, и только так для него стало возможным реанимировать и поддержать более здоровую часть. Я здесь предпочту называть неневротическую часть К. архаической, то есть организованной по доисторической структуре. Конкретно в случае К., как мне кажется, произошло дублирование самого себя: когда у него была клиническая смерть, он смог выжить, только умерев и создав себя заново, как бы перезапустив себя. Только так возможно было развиваться, не помня своей смерти. Мнестические следы остались, но они отщеплены от субъективного опыта К., тот мальчик тогда умер. Здесь приходит на ум образ сиамских близнецов, один из которых мертв, а второй так и остался слеплен с ним.

Заключение

Мы можем сделать наше психическое функционирование очень сложным, попытаемся интегрировать архаическое, можем переосмыслить его, но мы не можем сделать так, чтобы оно исчезло, так как мы сделаны из того, что мы называем «архаическими переживаниями». Описать их очень сложно, так как нет того, кто бы нам рассказал о нас, кто был бы внешним

наблюдателем нашей истории, кто был бы объективен. Мы сами себе и лекари, и исследователи, и мучители. Ребенок может спросить родителя о тех временах, о которых он еще не мог помнить сознательно, но все равно этот рассказ будет субъективным, а «родитель» человечества нам недоступен, и мы пытаемся «вспомнить» наше довербальное «детство».

Попытки сформулировать критерии, найти опорные точки – всего лишь способ вспомнить себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боковиков А. Н.* Последователи Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии в 4 т. Т. 3. М.: Когито-Центр, 2002. 150 с.
2. *Кинодо Ж.-М.* Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М.: Когито-Центр, 2004. С. 62. (Серия «Библиотека психоанализа».) 383 с.
3. *Кляйн М.* О наблюдении за поведением младенцев // «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» и другие работы 1945–1952 гг. Т. 5. Психоаналитические труды в 7 т. Ижевск: ИД «ERGO», 2007.
4. *Кляйн М.* Развитие одного ребенка Т. 1 // Психоаналитические труды в 7 т. Ижевск: ИД «ERGO», 2007.
5. *Лайтман М.* Книга Зоар. М.: НПФ «Древо жизни», Изд. группа kabbalah.info, 2003.
6. *Лапланиш Ж.* Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. (Серия Humanitas.) 535 с.
7. *Платон.* Пир. М.: Книга по требованию, 2011.
8. *Токарев С. А.* Мифы народов мира в 2 томах. М.: Советская энциклопедия, 1988.
9. *Ференци Ш.* Собрание научных трудов: Работы 1908–1912 Т. 2 // Собрание научных трудов в 2 томах. Ижевск: ERGO, 2013.
10. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, Астрель, 2011.
11. *Фрейд З.* Жуткое. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psyoffice.ru/1666-freijd-zigmund.-zhutkoe.html>
12. *Фрейд З.* Отрицание. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychic.ru/articles/classic83.htm>
13. *Фрейд З.* Очерки по теории сексуальности. М.: АСТ, 2011.
14. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: Азбука, 2012. 195 с.
15. *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия // Психоанализ. Религия. Культура. Сборник. М.: Ренессанс, 1992.
16. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Москва: АСТ, 2021.
17. Электронный источник // DSM-5. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en/#/http%3a%2f%2fid.who.int%2fid%2fentity%2f775605963>
18. *Green A.* (2017) *Après-coup, l'archaïque* // Jacques Bouhsira et al., *L'originnaire et l'archaïque*, Presses Universitaires de France // *Monographies et débats de psychanalyse*. Pp. 229–256.
19. *Roussillion R.* (2017) *L'incontournable dimension archaïque de la vie psychique dans l'écouterpsychanalytique* // Jacques Bouhsira et al. *L'originnaire et l'archaïque*//Presses Universitaires de France // *Monographies et débats de psychanalyse*. P. 97–113.

Researching archaic in the psyche

A. A. Bogdanova

Bogdanova Anna A., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic therapist.

Archaic has always been and remains an unsatisfied passion of psychoanalysis. It has always been present both in practice and in theory. Freud was among those who did not escape the fate of being fascinated by the archaic. He turned to the subject in his papers, one way or another. M. Klein's observations of babies produced even more ground for thought and debate around archaic. However, the nonverbality of the archaic, the layers of time and defense covering it, complicate or deprive us of the opportunity to see it in its original form. In this paper, the author suggests an approach of listening to archaic in patients' materials, through different optics. Moreover, a practical method of listening to archaic through the analysis of the defenses that the patient resorts to in therapy is proposed. The author suggests considering archaic as an entity consisting of two parts: rudimentary and potential which we can see in the primal phantasies – representatives of the archaic in the psyche.

Keywords: archaic, acting-out, oedipus complex, primal phantasies, defenses, differed action, myths.

Оператуарная жизнь – памятник инфантильному несексуальному¹

Л. В. Короткова

Короткова Людмила Васильевна – психоаналитический психолог, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации, член Ассоциации специалистов психоаналитической психосоматики (АСПП), секретарь АСПП.

Можно ли говорить об инфантильном несексуальном? И если да, то в каком ключе? Когда и при каких условиях зарождается в человеке так называемое оператуарное мышление? Какие факторы способствуют этому? Способ укачивания, которым мать убаюкивает ребенка, – какое материнское послание может в нем содержаться? В данной статье автор размышляет об этом, опираясь на основные концепты Парижской психосоматической школы им. Пьера Марти. В статье автор касается такого понятия, как «самоуспокоительные процедуры», реализующие форму привязанности к внешнему объекту, когда репрезентация внутреннего объекта не достигается.

Ключевые слова: оператуарное мышление, психоаналитическая психосоматика, самоуспокоительные процедуры, неонужда, цензура любовницы, либидинализированный сон, галлюцинаторное удовлетворение желания.

В 1960-е годы Пьер Марти и Мишель де М'Юзан во Франции, Питер Сифнеос (Peter Sifnéos) и Джон Намиас (John Nemiah) в США описали «оператуарное мышление» (la pensée opératoire) и «алекситимию» (alexithymia) для объяснения негативной психопатологии, характеризующейся явным отсутствием аффективной и фантазматической жизни, часто связанной с соматическими расстройствами.

---

¹ Доклад был представлен на Четвертой клинико-теоретической конференции Московской психоаналитической ассоциации «Инфантильное и травма».

Зимой 1942 года в разгар войны Пьер Марти работал в психиатрической больнице Клермона. Он был поражен низким уровнем воздействия на хронических психотиков нехватки пищи и отсутствия отопления, в то время как их опекуны худели и заболели. Он сделал вывод, что интенсивная психическая работа психозов защищала тело. Вместе с Мишелом де М'Юзаном, Мишелом Фэном и Кристианом Давидом он начал думать о кажущемся отсутствии психических сигналов у критически больных и госпитализированных пациентов.

Парижская школа психосоматики была основана в 1962 году. Как пишет Мариля Айзенштейн, «многие коллеги долгое время считали ее диссидентской группой. <...> И все же психосоматическое лечение, – продолжает она, – применение психоанализа к расстройствам тела, должно стать нашим первым призванием... Краеугольным камнем теоретического построения Марти является предположение, что наш психический аппарат обладает функцией управления постоянными травматическими возбуждениями жизни. Если этот психический аппарат неисправен или перегружен, возбуждение должно найти другие пути разрядки, которые будут осуществляться через поведение или тело. Таким образом, соматический путь обеспечивает решение» (Aisenstein, 2020).

Эти гипотезы привели к созданию новых концепций, таких как «процесс ментализации», «эссенциальная депрессия», «прогрессирующая дезорганизация», «оператуарное мышление».

Кратко охарактеризуем основные моменты.

Ментализация занимается параметрами психического аппарата, которые касаются количества и качества психических репрезентаций индивида, или, другими словами, ментализация касается главным образом репрезентативной деятельности индивидуума (репрезентации – это психические образы или, как их называла Мариля Айзенштейн, видеофильмы, которые нас оживляют; психическая жизнь основана прежде всего на образах, которые затем ассоциируются со словами).

Оператуарное мышление – это актуальный, фактический способ мышления, не связанный с фантазией или символизацией. Он больше соответствует фактам, чем представляет их. На самом деле это форма немышления, поскольку оно утратило связь со своим источником влечения. С метапсихологической точки зрения гиперкатексия (сверхнагрузка) перцептивной деятельности, на которой она основана, направлена на защиту субъекта от последствий травматического воздействия. Оператуарное мышление – это защита от травм.

Оператуарная жизнь может стать хроническим состоянием или принять форму кратковременного и обратимого критического состояния. В ярко выраженных формах оператуарной жизни часто наблюдается ухудшение качества Сверх-Я и его замена мощной идеализирующей системой, которую Пьер Марти назвал Я-идеал. По его мнению, Я-идеал нарциссического всемогущества представляет собой чрезмерность, основанную на

неисчерпаемых требованиях субъекта как по отношению к себе, так и по отношению к другим.

Основной интерес в обнаружении Я-идеала у пациента заключается в отсутствии регрессивных способностей и психической пассивности, что, по предположению П. Марти, представляет собой риск психического и соматического коллапса.

Мишель Фэн: «Оператуарное мышление кажется нам лишенным заметной либидинозной ценности, оно не позволяет допустить ни экстериоризацию агрессивности, ни способность поддержать садомазохистическую драматизацию» (*Marty Pierre et de Michel de M'Uzan*, 1962).

Откуда и почему формируется у человека оператуарное мышление.

Все авторы, которые интересовались оператуарным мышлением (среди них Мишель Фэн и Мишель де М'Юзан, Кристиан Давид и – более поздние – Жерар Швек и Клод Смаджа), сходятся во мнении, что «источник и условие его возникновения следует искать у младенца в его первых отношениях с матерью, даже до дифференциации Я и объекта. Оператуарное состояние приписывается недостаткам строения внутренней системы противовозбуждения ребенка, обусловленным неполноценной материнской функцией» (Швек, 2016, с. 181).

Мишель Фэн в 1992 году вводит и описывает понятие «успокоение», где он размышляет о процедуре убаюкивания младенца при ранней бессоннице с помощью материнского укачивания. Важен способ, которым передаются сообщения от матери к ребенку. По мнению Мишеля Фэна, корни оператуарного поведения находятся в оператуарном укачивании труднозасыпающего младенца.

Речь идет о случаях, когда материнское послание содержит больше проявлений инстинкта смерти, чем эротического влечения и влечения самосохранения.

Здесь можно также напомнить о концепции цензуры любовницы, введенной Мишелем Фэном и Денизой Брауншвейг. Они говорили, что в отношениях между матерью и ребенком мать не только мать, но еще и женщина, она может иметь влечения к своему любовному партнеру. Когда она укачивает ребенка, то делает это для того, чтобы ребенок уснул и при этом оставил ее в покое, чтобы она, как женщина, могла заняться любовью со своим партнером, а не для того, чтобы бесконечно баюкать его и оставаться в союзе с ним, с ребенком. То есть мать – дитя – это не постоянный союз. М. Фэн и Д. Брауншвейг считают, что в такие моменты мать дезинвестирует ребенка. И ребенок понимает, что происходит что-то, в процессе чего его не инвестируют. Это внедрение третьего происходит в тот момент, когда ребенок инвестирует того, кто его дезинвестирует. Благодаря дезинвестированию, которое мы можем связать с влечением к смерти и которое инициировано матерью, ребенок инвестирует влечение к жизни в третьего. И если инвестиции и дезинвестиции уравновешены, то в дезинвестировании ребенок будет развивать аутоэротизм и фантазм.

Ж. Швек писал: «Аутоэротизм – жизненная сила, которая тяготеет к удовольствию или к нулевому уровню возбуждения – имеет двойственную природу. Он является в той же степени удовлетворением, сколь и возбуждением» (Швек, 2016).

Когда укачивание является возбуждающим, то, по мнению Мишеля Фэна, «возбуждение, возникающее вследствие возбуждающего укачивания, свидетельствует о глубоком нарушении процесса "либидинализированный сон – галлюцинаторное исполнение желания", и оно ведет не к удовлетворению, а лишь к простому физиологическому успокоению» (Швек, 2016, с. 91).

Бессознательное родительское послание важно для формирования предпочтения к тому или иному приему возврата к спокойствию. Родительское влияние благоприятствует или, наоборот, препятствует развитию определенного аутоэротизма, который заменяется на тот или иной акт поведения матери, настоятельно требуемый ребенком.

У очень маленького ребенка избыток удовольствия, равно как и избыток неудовольствия, может вызвать травму, которую вытеснение позволяет психизировать при условии, что вытесняющая сила, привносимая матерью в общение со своим ребенком, обеспечит первоначальное вытеснение, а в результате и либидинальную инвестицию зон и функций. Однако, когда мать недостаточно инвестирует своего ребенка и не способствует достаточному смещению влечений, у того отсутствует первоначальный период позитивного опыта ласки, обязательного для галлюцинаторной реализации (важно здесь отметить, что речь идет о младенце, у которого первоначальный опыт отсутствует, то есть его не было первоначально). Первоначальное вытеснение терпит крах, и повторяющаяся дисфункция тела может организоваться в очень раннюю самоуспокоительную защитную систему, сформировавшуюся через автоматизм повторения, который пытается держать травму на расстоянии, ослабляя ментальную жизнь. Это, по мнению Ж. Швека, есть первое проявление оперативного функционирования.

Жераром Швеком было введено понятие самоуспокоительных процедур. С одной стороны, они являются продолжением или заменителем укачивания, а с другой стороны, являются двойным посланием материнского укачивания. В их центре эротизация и манифестация влечения к смерти.

Подменяя аутоэротизм, самоуспокоительные процедуры реализуют форму привязанности к внешнему объекту, т. е. репрезентация внутреннего объекта так и не была достигнута. Таким образом, самоуспокоительные процедуры поддерживают перцепцию внешнего объекта вместо его репрезентации.

В своей книге «Добровольные галерщики» Ж. Швек приводит пример с маленьким Педро. Педро – мальчик в возрасте одного года, страдающий нарушениями сна, его трудно убаюкать и уложить спать. Ночью он просыпается каждый час, успокаивается на какое-то время только при кормлении грудью, а зачастую и это не успокаивает, мать подолгу носит его на руках. Ночью ему необходим реальный физический контакт

с матерью, и он не может спать иначе как лежа у нее на животе. На консультации малыш ведет себя очень активно, находясь постоянно в движении. Истощаясь, подходит к маме, забирается к ней на колени, трогает ее по груди (по словам матери малыша, он так просит грудь). Получая отказ, немедленно спускается с колен. Мать объясняет, что дома она обязательно бы дала ему грудь.

Мать Педро – спортсменка, легкоатлетка высокого международного класса. Ее отношения со своей матерью были механическими, сведенными к взаимоотношениям тренер – спортсмен. Молодая женщина привыкла к изнуряющему ее образу жизни, тренировкам до изнеможения. Кроме того, она пережила период сильного опустошения, разочаровавшись в мужчине, который ее бросил. Позже она вышла замуж за мужчину-тренера, который как бы заменил ей мать. Беременность для нее была неожиданной и нежелательной. Были мысли об аборте.

До родов у нее было представление о младенце как о просто пищевом тракте. Способ, которым она общается с ребенком, ее изнуряет. Она продолжает истощать себя, поскольку может существовать только так. Мать создала у ребенка неонужду: ему постоянно для снятия возбуждения требуется сосать грудь, но это его успокаивает лишь на короткое время, и он не получает удовлетворения.

Как пишет Ж. Швек, мы наблюдаем ситуацию, когда ночной сон у ребенка не может быть полноценным. Мать не может его дезинвестировать, оставить на ночь. Мать не становится «любовницей» ночью. Она не отпускает ребенка, через него снимает свое возбуждение. Ребенок не может засыпать, нарушается способность того самого либидинозного инвестирования.

Малыш не испытывает удовольствия от сна, как пишет Ж. Швек, – у него сон невозможен, поскольку невозможен нарциссический уход в себя, позволяющий обрести состояние, близкое к недифференциации диады «мать – ребенок». И тогда такой нарциссический уход ожидается от сосания груди. Сосание приводит к возбуждению, аналогичному тому, что появляется при оператуарном укачивании малыша, страдающего бессонницей. Согласно теории Мишеля Фэна, возбуждение, возникающее вследствие возбуждающего укачивания, свидетельствует о глубоком нарушении процесса «либидинализированный сон – галлюцинаторное исполнение желаний», и оно ведет не к удовлетворению, а лишь к простому физиологическому успокоению.

Ребенок не способен успокоиться с помощью таких средств, как репрезентации, аутоэротическая деятельность, фантазматическое мышление, позволяющее регрессировать, потому что ему не удалось интериоризировать «достаточно кормящую», «достаточно убаюкивающую» и «успокаивающую мать» (Швек, 2016). Ее отсутствие, недостаток этой репрезентативной деятельности, ведет к бесконечно повторяемому действию и к трансформации себя и другого в автоматы. Мать использует своего ребенка в качестве «успокаивающей машины», и она для него становится подобна «машине для успокоения». Из-за неудачи фантазма, призванного психически связать эротический и смертоносный аспекты влечений,

именно влечение к смерти использовано в компульсивном поведении матери и ребенка при тщетных попытках установить данную связь на поведенческом уровне.

На одной из конференций в ИПСО² Ирина Доменика в своем выступлении говорила о пациенте, который мастурбировал без конца сорок восемь часов. Столько длился уикенд, когда жена уезжала, и он не выдерживал сепарации. С сепарацией он справлялся, мастурбируя с открытыми глазами, и не спал, пока она не возвращалась. И конечно, это не то, что приносит какое-то удовольствие.

Когда мы говорим о самоуспокоительных процедурах? Когда для того, чтобы справиться с возбуждением, прибегают к другому возбуждению. Когда прибегают к действию и это действие не приносит никакого удовлетворения и продлевается до полного истощения. Помимо этого, самоуспокоительные процедуры можно отличить от аутоэротических тем, что в аутоэротических присутствуют фантазмы, сознательные и бессознательные. Сознательные – когда человек себе что-то представляет. В самоуспокоительных процедурах психика практически не присутствует при этом.

Почему важно различать и понимать проявление оператуарности у пациентов? Потому что методы работы с такими пациентами принципиально иные. Они предполагают подход, придерживающийся осторожности в интерпретациях. Для лечения пациентов со слабой ментализацией П. Марти предлагает терапию, в которой главной целью является достижение лучшего психического функционирования, а не осознание неосознанного (не работа, направленная на то, чтобы там, где было Оно, стало Я). В такой терапии отдают предпочтение интервенциям по связыванию, когда ассоциативное связывание имеет преимущество перед строгими интерпретациями. Ж. Швек цитирует Катрин Пара: «...функция интерпретации состоит в том, чтобы разорвать, разбить невротическую конструкцию, и если такой подход может быть полезным для невротика, который, испытав такой разрыв, будет способен к реконструкции ментального здания, то для других типов пациентов, вполне вероятно, будет иметь дезорганизующий или разрушающий эффект» (*Parat, 1993*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жерар Ш.* Добровольные галерщики. М.: Когито-Центр, 2016. 256 с.
2. *Смаджа К.* Оператуарная жизнь. М.: Когито-Центр, 2014. 200 с.
3. *Фрейд З.* Статьи по метапсихологии. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2020. 384 с.
4. *Aisenstein M.* «A View on Patients with Somatic or Painfull Conditions». DOI: 10.2478/rjp-2020-0003 © 2020, Rom Journal of Psychoanalysis's.

---

² ИПСО – Парижский институт психосоматики им. Пьера Марти.

5. Marty Pierre et de Michel de M'Uzan. La «pensée opératoire», 1962, PUF, Paris.
6. Parat C. L'ordinaire du psychosomaticien, Revue française de psychosomatique, 1993, № 3, PUF, Paris.

The operative life is a monument to the infantile non-sexual

L. V. Korotkova

Korotkova Lyudmila V., psychoanalytic psychologist.

Is it possible to speak of the infantile non-sexual? If so, in what way? When and under what conditions does the so-called "operational thinking" arise in a person? What factors contribute to this? The way a mother lulls her baby to sleep – what maternal message can it contain? In this article, the author reflects on these questions, basing on the main concepts of the Paris Psychosomatic School of Pierre Marty. The author touches upon such a concept as self-soothing procedures that implement a form of attachment to an external object when the representation of an internal object is not achieved.

Keywords: operatory thinking, psychoanalytic psychosomatics, self-soothing procedures, neos-besoin (neo need), censored of mistress, libidinized dream, hallucinatory satisfaction of desire, psychoanalytic psychosomatics.

П

Фетиш как перверсивное проявление в современном мире

Т. В. Изумрудова

Изумрудова Татьяна Валерьевна – психолог (НИУ ВШЭ), член ассоциации АПКБК, психоаналитически ориентированный консультант.

Готово ли современное общество в век быстроизменяющихся технологий, социализации и поиска своего Я к вызовам, которые нам преподносит реальность, готово ли оно справляться с утратой того, что было близко и понятно, готово ли оно смириться с потерей той реальности, в которой находился индивид? Что стоит за этой тревогой, какие могут скрываться проявления перверсий за безобидным на первый взгляд пристрастием к товарному фетишу? Психоаналитики различных направлений на протяжении всей истории развития перверсий вносили свой вклад в изучение данного вопроса, но они не могли предположить, что общество столкнется с подобными реалиями, когда индивид может испытать невыносимую тревогу от потери обладания брендом, аналогичную той, которую он, возможно, испытывал в детстве.

Ключевые слова: фетиш, товарный фетиш, перверсия, перверсивные действия, тревога.

Последние политические и экономические события, показали, что не только психическое состояние подвергается разрушительным воздействиям, весь современный мир как будто не стабилен и при утрате реальности, утрате возможности обладать определенными благами мы можем наблюдать проявление фетиша, но не в привычном формате сексуального проявления, а в экономическом. В практической работе с клиентами после событий февраля 2022 года устойчиво присутствует тема тревоги о потере определенных ценностей, таких как бренды, поездки,

материальные блага, не относящихся к предметам первой необходимости, а также тревоги потери того, что они могут сравнить с «конфетой», которая была их собственностью – она была большой и сладкой, давала им ощущение возвышенности, больших возможностей. При этом озвучивалось, что при ее потере (этой «конфеты») они ощущают себя в состоянии «второго сорта», «отбросами», «никчемными личностями».

Подобная тенденция приводит к размышлениям о том, что, возможно, наше завышенное потребление выступает в роли фетиша и потеря его приводит в свою очередь к повышенной тревоге и разочарованию. В контексте данного размышления были обнаружены похожие предположения, но не с точки зрения психоанализа, а экономической теории, что в свою очередь свидетельствует о том, что психология может тесно переплетаться с различными направлениями нашей жизни и поэтому понимание природы определенных проявлений может оказать содействие при изучении более глубоких связей и проявлений фетиша в современном мире, предполагая, что его проявления могут наблюдаться не только в сексуальной жизни, но и в общественно-социальной. С точки зрения политической экономии понятие товарного фетиша ввел Карл Маркс в работе «Капитал» в 1867 году, в которой товарный фетиш рассматривается как социальные отношения между вещами (деньгами и товарами) и упоминается, что мы относимся друг к другу лишь как «меновые стоимости». В 1871 году Карл Менгер в своей работе «Основания политической экономии» пишет о том, что «ценность есть значение, которое для нас имеют конкретные блага или количества благ вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы сознаем зависимость от наличия их в нашем распоряжении» (Менгер, 2005). Интересен факт, что, оказавшись в эмиграции, Зигмунд Фрейд также стал обдумывать проблему соотношения бытия и обладания, позже эту тему развивает в своих работах психоаналитик и философ-фрейдомарксист Эрих Фромм. В своей книге «Иметь или быть» Фромм показывает, что есть два основных способа существования человека в мире: обладание (ориентация на вещи) и бытие (способ существования, при котором человек не имеет ничего и не жаждет иметь что-либо, но счастлив, продуктивно использует свои способности, пребывая в единении с миром) (Фромм, 2019). И в этом контексте можно продолжить размышления о том, как связаны между собой понятия: обладание, потеря возможности обладания, тревога от этой потери? Что именно стоит за этой потерей? Зигмунд Фрейд на склоне лет сравнивал свое мироощущение с радостью Ганса, который избавился от имущества, но зато обрел радость и счастье.

Французский философ Ги Дебор рассуждает в своих работах о том, что «человек уже не может удовлетвориться просто потреблением товара; он полон религиозного почтения к бесконтрольной свободе товара. Сам термин "товарный фетишизм" доводит людей до состояния нервной лихорадки, что мало отличается от религиозного фетишизма былых времен: такой же экстаз, конвульсии и восторг чудом исцеленных» (Дебор, 1999). И дальше в другом философском рассуждении мы встречаем следующее

высказывание: «смещение фетишизма на "отношения между вещами" дефетишизирует "отношения между людьми"» (Жижек, 2011).

Если проследовать дальше за этими философскими рассуждениями фрейдомарксистского толка, то они, как и вышеприведенные размышления, наталкивают меня на мысль: а не является ли чувство тревоги утраты и потери, возникшее в текущих политических и экономических событиях, которая зачастую проявляется в потере возможности обладать вещью (тем самым свидетельствуя о наличии товарного фетиша), чем-то более глубоким, с чем мы не могли столкнуться ранее, работая в тех реалиях, которые существовали до этих событий?

В чем, собственно, суть этих переживаний и как они проявляются, когда угроза или ощущение пустоты исходят не со стороны «живых объектов», а со стороны возможной потери обладания вещью? Что скрывает за собой столь широко используемый термин «фетиш», который подразумевает в своем разнообразии определенные социальные характеристики, физически-телесные, а также учитывает естественные особенности индивида?

Упоминая фетиш, мы подразумеваем перверсию, а какой тон, собственно, выбрать, когда речь заходит о перверсии?

Перверсные отношения или особый лабиринт, образованный этими перверсными отношениями? В современной концепции психоаналитического подхода многие авторы применяют термин «перверсия» в отношении все более расширяющегося круга феноменов, распространяя использование термина далеко за пределы точного определения, принимаемого ранее. *Perverto* (лат. переворачиваю), *pervertere more* (лат. уклоняться от морали, поступать безнравственно) – термины, которые в последнее время стали доступными не только для психоаналитиков, но и широко применимы в современном обществе как определение проявления какого-то поведения, выходящего за общепринятые нормы. Перверсия – действие, направленное на то, чтобы отвернуться от естественной природы, естественной функции и всего того, что рассматривается в контексте отклонения от нормы.

Понятие нормы является одним из тех элементов, которое, с одной стороны, всем понятно и доступно, а с другой стороны, может иметь множество интерпретаций. Если вернуться к понятию нормы, то принято считать, что норма включает социологическое и психическое состояние общества и различные формы сексуального поведения. Несмотря на определенные общечеловеческие понятия, которые поддерживались в том числе и религией, за время длительного пути развития самого общества, а также психоаналитического учения сами нормы стали претерпевать определенные изменения. В связи с этим бывает сложно говорить о перверсиях как о явлении, которое имеет четкие разграничения. Сексуальная революция в 60-х годах прошлого века дала возможность свободного сексуального проявления и свободы сексуального выбора. Свобода выбора, общения, проявления – множество сообществ, сайтов, групп, где люди с особыми запросами, назовем на данном этапе это так, могут пообщаться, поделиться своими фантазиями, получить поддержку от таких же, как

они, а самое главное, не вызвав никаких дальнейших сложностей, так как все обезличено, лица скрыты, тебя не узнают, – зачастую тут срабатывает отключение внутреннего стабилизатора, и наступает состояние, когда позволить себе можно многое... Поэтому в столь быстро изменяющемся подходе важно понимать общественный знаменатель делинквентного поведения, в том числе и перверсивных действий, когда мы можем проследить связь между перверсивной организацией личности и необходимостью поддержания иллюзии, соблазна, где это проявление можно понять и даже принять, так как подобные устремления могут оказаться чем-то приемлемым и объяснимым, а что-то, выходящее за эти границы, может вызывать в нас отторжение, агрессию, неприятие. Существует определенная сложность – сложно говорить про отклонения, где присутствуют иллюзия и соблазн. Поэтому жизнь человека, находящегося в рамках схемы «иллюзия – удовольствие – норма», – не про удовольствие, а про страдание, причем в этих проявлениях страдают не только жертвы всех типов первертов, но и сами перверты. Это может показаться странным – они же удовлетворяют свои влечения, но так как они возникают вследствие наличия внутренних конфликтов, то способ реализации влечения не приносит удовольствия и далее обрекает перверта на бесконечное повторение действий в попытке разрешить этот конфликт. Тем самым мы можем наблюдать повторяющийся цикл, где влияние на личность могут оказывать не сами причины эдипова конфликта, а травмы и страхи, которые к этому привели и в последующем в течение всей жизни оказывают серьезное влияние на социальную жизнь, с возможным негативным проявлением в построении коммуникаций, создании семьи, построении карьеры, на то, как личность ощущает себя в социуме, с чем себя, собственно, ассоциирует, так как от того, насколько мы себя ощущаем благополучными, достойными, стабильными, зависит и наше психическое здоровье и, как следствие, – психическое здоровье общества, в котором мы существуем.

Показатель психического здоровья заключается не в механическом подчинении социальным нормам, а в способности нарушать эти нормы с позиции рефлексии, которая обеспечивает богатство и мобильность вместо застывшей жесткости. Невыносимые чувства слабости, зависимости и ничтожности отражаются в перверсивных действиях таким образом, что тот, кто проявляет это, чувствует себя сильным, независимым и великолепным. В каждом возможном проявлении насилия, хотя и мимолетно, но оживляется идея собственного величия, которая, в согласии с психоаналитическим учением о защите, помогает утратившему психическое равновесие человеку с помощью перверсивных действий легче переживать плохоневносимые чувства слабости, ничтожности и зависимости. Принятие реальности для маленького мальчика означает признание необходимости подождать, пока он не достигнет сексуальной зрелости и не будет способен удовлетворить взрослую женщину (заменитель матери) и подарить ей ребенка. Для него это означает признание потребности расти, развиваться и идентифицировать себя с отцом, чтобы, как он, обладать оплодотворяющим генитальным пенисом. Это означает признание того, что отец наделен прерогативами в отношении ребенка. Это принятие того факта,

что первичная сцена гениталий и способность взрослого воспроизводить потомство лежат вне досягаемости ребенка. В этом зависть к пенису (зависть к пенису отца) для маленького мальчика «нормальна», как и сопутствующее ей бессознательное желание сексуального сближения, цель которого – интроецировать сексуальные атрибуты взрослого. Но в случае, если этого не произошло, мы можем наблюдать формирование перверсии. Рассматривая природу перверсий, необходимо особое место уделить понятию фетиша как проявления перверсного поведения.

Фетишизм, независимо от того, существует ли он «как простой намек» (Фрейд, 2021) или в его полностью развитой форме, в которой использование неодушевленного предмета является абсолютным условием для удовлетворения, имеет отношение к фаллической фазе. Если в процессе развития анальный фаллос предшествует половому члену, он становится постфактум имитацией (протезы, ортопедические инструменты, которые могут заменить член или помочь нарушить функцию, отождествляются в бессознательном с анальным фаллосом и часто выбираются для использования в качестве фетишей). Хотя множественные перверсии встречаются чаще, чем изолированные, фетишизм или фетишистские аспекты проявляются как в сочетании с другими перверсными тенденциями, так и как изолированные явления. Разнообразие перверсных проявлений может объясняться множественными фиксациями. Рассмотрим более подробно различные взгляды психоаналитиков в этом вопросе.

Возвращаясь к работе Фрейда «Фетишизм» (Фрейд, 2021), хотелось бы сделать акцент на описании фетиша как замены материнского фаллоса, от которого субъект не хочет отказываться из-за силы его страха кастрации, что подтверждалось существованием «кастрированных» существ, а именно женщин. Благодаря расщеплению Эго назидание фетиша служит как для отрицания, так и для утверждения «кастрации» женщиной. Конструирование фетиша связано не только с необходимостью отрицать отсутствие полового члена, поддерживая страхи перед кастрацией, но также связано с необходимостью отрицать материнское отверстие, которое является доказательством сексуальных отношений между родителями.

Таким образом, фетиш является своего рода памятью интенсивного анального секса между матерью и сыном. Исключение генитального пениса и генитального отца обозначаются и поддерживаются самим присутствием фетиша. Как показывает Шассге-Смиржель, отрицание различий между полами неразрывно связано с различиями между поколениями. Маленький мальчик как будто задает вопросы: «Как я буду адекватным сексуальным партнером для моей матери? Разве это не то, что она мне сообщает, когда заставляет меня разделить ее кровать, балует меня, любит меня, когда она презирает моего отца, скрывает от него мою "глупость" и делает меня своим очаровательным сообщником? Поэтому мне не нужно расти и взрослеть, чтобы занять место отца» (Шассге-Смиржель, 1974). Таков неявный дискурс будущего перверта, чаще всего утешаемого иллюзиями о своей матери, позволяющий создать фундаментальный круг проблем перверта:

- поддержание иллюзии, что ему не в чем завидовать отцу;
- нет потребности в генитальном плодородном половом члене;
- можно избежать конфликтов, возникающих в результате интроекции половозрелого атрибута отца без необходимости отождествлять себя с его миром.

Таким образом, ему удастся избежать эдипова комплекса в том, что с этим связано – угроза кастрации:

- отец ему не соперник;
- он не обязан отнимать у него объект – мать, которой, как он думает, он уже обладает, возводит его на трон как привилегированного партнера;
- он не пытается захватить или интроецировать (в противоположность проекции, процесс, в котором человек неосознанно впитывает качества или аспекты внешней реальности) пенис отца, который, следовательно, не будет мстить;

- он не пытается представить анальный половой член, предшественник генитального полового члена, как равный или превосходящий отцовский половой член, в результате чего репродуктивные функции принижаются или отрицаются.

Эти утверждения возвращает нас к фетишизму, где фетиш представляет собой анальный фаллос, поскольку он занимает место полового члена и исключает его из сексуальной сцены и из психики в целом.

Возбуждение фетишиста происходит от самого фетиша (или скорее возбуждение, которое он допускает), которое необходимо для поддержания соблазна, на котором построена его психосексуальность. Факт, что его носитель – мужчина, женщина или сам субъект или что он превращен в неодушевленный предмет – одежду, обувь, нижнее белье или волосы, становится второстепенными по сравнению с необходимостью, чтобы фетиш существовал где-то в неизменной и совершенно захватывающей манере.

Фактически, многие авторы показали чрезмерно детерминированный характер фетиша. Так, Дональд Вудс Винникотт упоминает о том, что фетиш можно описать как «активность специфического объекта или вида объекта, возникающего еще в младенческом опыте в переходной области и связанного с манией материнского фаллоса. Ложь и воровство можно описать как бессознательное стремление индивида к устранению разрыва в непрерывности опыта, связанного с переходным объектом» (Винникотт, 1953). По его мнению, агрессивное влечение, свойство любых отношений, есть постоянно формирующая реальность, выживая в ней, объект становится «используемым». Если переходные объекты и феномены сохраняются после этого времени, они неизбежно становятся фетишами. И если проследить генеалогию этих множественных значений, на поверхность выйдет тот факт, что все чаще будут подчеркиваться прегенитальные конфликты, которые фетишизм стремится разрешить и больше не иметь тревоги кастрации. Уильям Гиллеспи (1940) подчеркивал скрытые прегенитальные факторы и связанную с ними тревогу, которая реактивируется при виде женских половых органов. Он делал акцент на опасениях по поводу разрушения объекта, который получает облегчение от

фетиша. Фетиш, неодушевленный предмет, неизменен и постоянен; любой садизм, направленный на это, остается без ответа.

Филлис Гринакр (1968) попыталась связать беспокоящие эффекты явлений, происходящих в течение двух фаз, фундаментальных для конституирования (придающих законную силу) фетиша: первые, в течение первых 18 месяцев жизни, которые приводят к ошибочному развитию образа тела; вторые – в возрасте от двух до четырех лет (фаллическая фаза), которые приводят к «преувеличенному» комплексу кастрации. Однако именно из-за архаичных прегенитальных искажений кастрации комплекс непреодолим без помощи фетиша. Собственно говоря, вид женских половых органов, лишенных пениса, реактивирует тенденцию к первичной идентификации (с партнером-женщиной, заменой матери), связанной с патологиями раннего развития. Если он представляет фаллос матери и отрицает различие между полами, фетиш восстанавливает существование фаллоса самого субъекта посредством визуальной и обонятельной интроекции.

Многие авторы, которые более или менее опровергли теорию о том, что фетиш представляет собой материнский фаллос и ту важность, которую Фрейд придавал комплексу кастрации в фетишизме, говорят о тревоге разлуки и неспособности отказаться от первичной идентификации с матерью, тем самым создавая суть проблемы фетишизма, где фетишизм направлен на преодоление тревоги разлуки через чувство полного единения с матерью, полученное посредством интроекции хорошего объекта (хорошей груди). Конечная цель фетишиста – не получить генитальное удовлетворение, а почувствовать состояние восторга, связанного с этим союзом с хорошим объектом. Фетишистская деятельность стремится разрушить отождествление с плохой грудью, чтобы установить отождествление с хорошей грудью: «Фетишистский объект – это не только объект, но и идентификация» (Фрейд, 2021). Фетишист проявляет свой фетишизм в собственном характере и относится к своим реальным объектам как к неодушевленным фетишам. Боязнь разлуки намного больше преобладает над тревогой кастрации (в детском возрасте), и это остается таковым у взрослых, чей фетишизм удовлетворяет изначальное желание союза с матерью. И в подтверждение этого Чарльз Сокаридес (1960) упоминает, что фетиш представляет «ребенка», которым фетишист хочет «забеременеть», тем самым связывая решение проблемы фетишизма с той же проблемой: быть беременной матерью, чтобы быть ребенком внутри матери и этим слиянием предотвратить разлуку с первичным объектом. Идея об органической связи между тревогой разлуки и тревогой кастрации поддерживается Фрейдом теорией о тревоге и подтверждает то, что два предшественника кастрационного беспокойства связаны с разлукой с матерью. Тем не менее раскол в перверсии может быть гораздо шире, чем указывает Фрейд в своем описании фетишиста, где речь идет о влиянии на два психосексуальных аспекта, присущих двум стадиям либидозного развития:

первый – это этап доступа к реальности, основанной на признании двойного различия (между полами и поколениями), и сливается с генитальностью и принятием первичной сцены;

второй – анально-садистская вселенная, в которой стираются все различия. Однако остатки генитальной реальности возрождаются в принудительной идеализации объектов и инстинктов, принадлежащих этой стадии.

Таким образом, если психоз создает новую реальность из-за заблуждения и если невроз имеет тенденцию заменять реальный мир фантастическим миром, перверсия осуществляет трансмутацию реальности посредством идеализации анальности, объявляя ее равной или лучшей, чем реальный, генитальный мир. О наличии расщепления в Эго свидетельствует не тот факт, что субъект и знает, и игнорирует эту мать, не имеющую пениса, а тот факт, что он знает и игнорирует то, что анальный фаллос не равен и не лучше отцовского пениса. Соответственно, мы можем наблюдать, что возникают разногласия между утверждением абсолютного предпочтения матерью изысканного ребенка и смутная, уничтожающая интуиция преобладания отцовских прерогатив генитального мира. Это ужасающее чувство, которое может привести перверта к состоянию заброшенности, к необходимости бороться с истинным принуждением идеализировать (склонность перверта к прекрасному: перверт часто бывает эстетом). Детские игры управляются желаниями, а именно желанием вырасти и стать взрослым. Ребенок всегда играет во «взросление» и имитирует увиденное – жизнь взрослых. «Желание вырасти» является одним из основных компонентов «нормального» идеала Эго, но именно этого не хватает для Эго-идеала перверта. Эго-идеал перверта, частично введенного в заблуждение его матерью, имеет некоторые неоспоримые преимущества – он избавил молодого перверта от боли столкнуться с существующим анахронизмом между появлением эдипова желания и физиологической способностью удовлетворить его. В своей работе Шассге-Смиржель (1978) рассуждает о том, что все перверсии по своей сути являются анально-садистскими, поскольку анальная вселенная – это вселенная, в которой существует уравнение: пенис = ребенок = кал.

Однако потребность иметь половой член для ребенка предполагает необходимость роста и созревания. Противоположным этому являются фекалии, которые являются достоянием мужчин и женщин, взрослых и детей. Сведение ценностей, объектов и частей объектов, наиболее высокодифференцированных эрогенных зон к однородным частицам (что происходит при пищеварении), превращение вселенной в экскременты свойственно перверсиям, для которых анально-садистское измерение является единственно приемлемым, поскольку оно исключает генитальную сексуальность из мира первертов, и в этом заключается различие между полами и поколениями. И анальный фаллос играет здесь всеобъемлющую роль. Он неограниченно возобновляется, поэтому вечен и неуязвим, тогда как ребенок смертен и пенис можно кастрировать. Таким образом, фетиш, выступающий как идеализированный анальный фаллос, вызывает

в воображении все те элементы, которые отделяют сына от его матери – первичный объект и эдипальный объект, обеспечивая непрерывность их отношений. Даже грудь, хоть и не принадлежит к анально-садистской фазе, может быть возвращена к жизни через фетиш из-за природы анально-садистской регрессии, которая через устранение различий позволяет осуществлять всемогущий магический контроль над объектами. Этот всемогущий магический контроль не только позволяет субъекту снова слиться с первичным объектом, но и отделиться от него по желанию, как для восстановления, так и для отмены слияния.

Французское слово *maquiller* означает накрасить, замаскировать. Восходит оно к древнеанглийскому *macian (to make, build)*, в смысле создания или отделки (например, здания). Речь идет об отделке неодушевленного, о создании из естественных материалов чего-то искусственного. Разница между создать (сделать) и породить подразумевает противопоставление неодушевленного и одушевленного, жизни и смерти, того, что можно кастрировать, и того, что нельзя кастрировать. Идеализированное часто бывает ярким и сверкающим. Как известно, такие характеристики часто являются частью фетиша (блестящие сапоги, клеенчатый плащ, атласное белье и т. д.), тем самым маскируя свою анальность. Поэтому фетишизм, независимо от того, в какой форме он существует, является абсолютным условием для удовлетворения. Фетишизм или фетишистские аспекты проявляются как изолированные явления, так и в сочетании с другими перверсными тенденциями.

Кто же он на самом деле, как он выглядит и можно ли его узнать? Не побоюсь сделать данное предположение, но это может быть любой, кто находится сейчас рядом с вами.

Мужчина 48 лет, внешне имеет все признаки привлекательного мужчины в образе брутального представителя своего класса. Очень чистоплотен, использует в повседневной жизни хороший парфюм, выбор одежды в классическом стиле, хорошее сочетание цветовой гаммы, на окружающих производит впечатление интеллектуала, хорошо разбирающегося в разных вопросах, успешен в карьере, на данный момент он является руководителем среднего звена. В возрасте примерно шести лет он потерял мать, к которой был сильно привязан, хотя его воспоминания об этом периоде жизни очень ограничены. Отец в дальнейшем не женился и никогда не приводил женщин домой в присутствии сына. Дома сохранились вещи матери, они весели в шкафу, и, будучи маленьким мальчиком, он залезал в шкаф, а когда никого не было дома, что-то надевал на себя. Отец был военный, в рассказе не упоминалось про насилие, но определенная строгость и четкость в воспитании явно присутствовали, так как отец следил за дисциплиной и хотел, чтобы сын пошел по его стопам, став военным, чего в будущем не произошло. В дальнейшем устойчивый опыт переодеваний произошел примерно в возрасте 18–20 лет, когда его тело имело худобу и внешность не имела четких мужских проявлений. Как он рассказывает о том периоде, он был очень похож на красивую девушку и, как он считает, особенно похож на свою мать. В соответствующей одежде и макияже он мог легко знакомиться с мужчинами. Однако

первый сексуальный опыт, по его словам, был с женщиной и был успешным, таким образом, в его истории наблюдается «плавающее» сексуальное предпочтение, так как мужчин-гомосексуалов возбуждают мужское тело и конкретные мужчины, а мужчин с фетишистским трансвестизмом возбуждает быть женщиной, и он может иметь успешный сексуальный опыт с женщиной. В последующем он даже вступил в брак, в котором родился ребенок, но брак был недолгим, возможно, потому, что ответственность и ограничения, которые накладывало отцовство, не позволяли ему наслаждаться своей жизнью. Необходимо отметить, что образы, которые воспроизводил этот мужчина (будь то разовые знакомства или переодевания), были максимально приближены к образу его матери, как будто он в этом образе воскрешал свою мать. Как выяснилось, его интересовало не только сексуальное возбуждение в процессе переодевания, ему доставляло удовольствие выходить на улицу в таком виде, ехать в машине по городу, ему хотелось, чтоб им обладали другие мужчины, когда он был в образе матери. Возможно, он когда-то был свидетелем первосцены в спальне родителей, видел, как отец обладал матерью, и после ее смерти данные образы трансформировались в потребность повторения данной сцены, однако сам он об этом не помнил. Если он встречал в своей жизни женщину, которая ему нравилась в качестве возможной спутницы жизни, его гетеросексуальное влечение возрастало, он прекращал свое нетипичное поведение, переключившись на женщин, но через короткий промежуток времени он возвращался к своим фантазиям, и в это время секс с женщиной его полностью переставал интересовать и был даже противен. В этом состоянии ему необходимо было удовлетворить что-то из разных областей его перверсных влечений: либо переодеваться и получать удовольствие от того, что на него смотрят, либо искать случайных женщин, максимально похожих на фотографии его матери, и иметь краткосрочные связи на стороне. При этом наличие семьи в классическом представлении для него было очень важно. Особую важность для него в этом процессе имело выстраивание для окружающих «красивой» оболочки данной семьи, которая может свидетельствовать о статусе (квартира, дача, машина, дети – при этом дети не обязательно должны быть своими, они играют роль наполнения успешной семьи). Он всячески маскировал свои проявления, но тем не менее допускал кусочки информации о своей другой жизни, как будто вторая часть его действовала и подталкивала его к тому, как будто говоря: давай покажи, у нас есть секрет. Наличие этого секрета – это как будто стыдно, но так возбуждающе прекрасно. Все «мужские» атрибуты, которые он считает мужскими, – часы, машина, одежда – носят для него четко выраженный классический мужской характер. При этом все должно быть идеально чистым – в этом есть также определенный фетиш, как то, что его тело и промежности должны быть всегда в идеальном состоянии. При этом такой же чистой должна быть машина, вещи – как будто эта чистота очищает от чего-то иного. В настоящее время он живет один, его внешняя брутальность не позволяет ему сейчас полностью преобразиться в женский образ, он поддерживает контакты с трансвеститами, с которыми знакомится через различные сайты знакомств для

гомосексуалистов, так как фетишизм для него стал основным условием, при котором достигается сексуальное удовлетворение. Если рассмотреть профессиональную сферу, то, по его словам, его склонности не влияют на его профессиональную деятельность, а зачастую помогают, так как потребность скрываться помогла ему развить способности хорошо фантазировать, придумывать различные объяснения, так, чтобы окружающие верили в то, что он рассказывает. Эта артистичность дает ему возможность налаживать связи и контакты, быть успешным в переговорных процессах и быть руководителем, который показывает достижения. Он длительное время хорошо помнит все подробности и нюансы, как будто проживает две разные жизни, в одной из которых он успешный мужчина, а в другой – человек, который воссоздает потерянный образ матери через всевозможные атрибуты, а также пытается его воссоздать через принятие ее образа на себя с возможностью обладания ею в бессознательной попытке воскресить ее.

Таким образом, мы можем в данной динамике наблюдать, что фетиш включает в себя не только страх кастрации, но и тревогу разлуки и неспособность отказаться от первичной идентификации с матерью, тем самым составляя суть проблемы фетишизма, где псевдожизненность перверсного субъекта – это по сути массовое замалчивание катастрофического изначального события, которое Я не смогло пережить (*Stein, 1999*). И в то же время, как утверждала Макдугалл (1982), перверсный пациент фактически мобилизует другого для повторного воплощения фантазии о «вхождении в первичную сцену родителей», фантазии, которая угрожает жизни, но где перверсный субъект чувствует себя невосприимчивым к опасности и черпает в ней возбуждение. Возбуждение остается пустым, повторяющимся, бессмысленным, сопровождаемым пустым чувством близости. А ложь страдающего перверсией человека – даже самая чудовищная – легко обходит все барьеры, заставляя других поверить в нее. Почему окружающие верят в ту ложь, которую приносит перверт? Ответ, возможно, в том, что перверсивная личность действует умело, ее мастерство в сфере обмана становится во сто крат сильнее из-за того, что правда не имеет для него никакой внутренней ценности – для такой личности имеет значение только результат. Озабоченность правдой – это тормозящий фактор и вместе с тем стимул для тех, кто не увлечен «дурным мышлением» (*Racamier, 1992*); перверсивная личность, однако, не осознает подобных видов торможения – впрочем, не известно ей и об их продуктивности. «Перверсивную личность не заботит правда или ложь; для нее имеет значение лишь эффективность; кому какое дело, является ли то, что он говорит, в действительности фактом или вымыслом, покуда оно правдоподобно; правдоподобие займет для него место "правды" и подойдет ему гораздо лучше. Также его мало беспокоит и то, говорим ли правду мы; если он услышит то, что ему не по нраву, то вскоре обратит это против нас посредством проекции», – пишет Поль-Клод Ракамье в своей работе «О нарциссической перверсии». И это мы четко видим на примере приведенного кейса, где «невыносимые чувства слабости, зависимости и

ничтожности отражаются в этих действиях таким образом, что позволяют перверсивной личности чувствовать себя сильной, независимой и великолепной» (*Racamier, 1992*).

Окружающий мир развивается, развиваемся и мы в нем, развиваются наши взгляды, и они становятся более свободными, чем сто лет назад, что сейчас позволяет во многих случаях перверсивной деятельности осуществляться более свободно, когда выполняются определенные эстетические условия, тем самым подтверждая, что сексуальный перверт – это человек, обладающий хорошим вкусом, просвещенный любитель и эстет, выступающий определенным «самозванцем», и носитель определенных характеристик. Вот они: перверты должны разыгрывать свой семейный роман; их идентичность и чувство реальности искажены; и их Суперэго искажено как в отношении их совести, так и в отношении их идеалов. И если психоз создает новую реальность из-за заблуждения, а невроз имеет тенденцию заменять реальный мир фантастическим миром, перверсия осуществляет трансмутацию реальности посредством идеализации анальности, объявляя ее равной или лучшей, чем реальный, генитальный мир. Если принять во внимание богатство сексуальных предпочтений и бесконечное разнообразие человеческих способов обратить на себя внимание, то перверсия остается своего рода нападением на бытие, при котором в случае психоза это атака на смысл, а при перверсии это атака на осмысленность; в этой атаке перверсия рассматривается как патология, где перверсивный индивид воспринимает свое отличие как принуждение, стремящееся повториться, вместо того чтобы развиваться и меняться, и, таким образом, терпит неудачу в удовольствии и сопереживании. Сексуальность проходит через бесконечный процесс переопределения. Но перверсивная область – это не тот случай, когда сексуальность отклоняется от существующих норм, какими бы они ни были, это область, где сексуальность перестает быть игровой областью, пространством для радости, удовольствия и самовыражения, и становится объектом террора сама по себе, объектом, который захватывает как себя, так и другого. Таким образом можно предположить, что перверсивный акт должен облегчить переживание невыносимого дефицита, отсутствия чего-либо, внутренней пустоты и ощущения бессмысленности и отчаяния, и, таким образом, перверсивные отношения используются для защиты от невыносимых переживаний. А вот в какое проявление могут трансформироваться эти явления и как они проявятся в текущей реальности нестабильного мира, думаю, мы в скором времени сможем наблюдать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дебор Ги*. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999.
2. *Менгер К*. Основания политической экономии. Теория будущего, 2005.
3. *Жижек С*. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.
4. *Фрейд З*. Собрание сочинений: в 26 томах. ВЕИП, 2021. Т. 14.
5. *Фромм Э*. Иметь или быть. АСТ, 2019. 320 с.

6. *Chasseguet-Smirgel J.* (1974) Perversion, Idealization and Sublimation. *Int. J. Psychoanal.*, (55): 349–357.
7. *Chasseguet-Smirgel J.* (1978) Reflexions on the connexions between perversion and sadism *Int. J. Psychoanal.* 59: 27–35.
8. *Gillespie W. H.* (1940) A Contribution to the Study of Fetishism *Int. J. Psychoanal.* 21: 401–415.
9. *Greenacre P.* (1968) *Perversions In Emotional Growth* New York: Int. Univ. Press, 1971. P. 300–314.
10. *McDougall J.* (1982) *Théâtres du Je* ed., Paris: Gallimard.
11. *Socarides C.* (1960) Development of a fetishistic perversion *J. Am. Psychoanal. Assoc.* 8: 281–311.
12. *Stein R.* (1999) The entitlement of the object in perversion ed., Jerusalem: Paper presented at Freud at the Threshold of the twentieth-century conference, The Freud Center, Hebrew University.
13. *Racamier P.* (1992) *Legenie des origines*, Paris: Payot, pp. 284–298.
14. *Winnicott D.* 1953 Transitional objects and transitional phenomena *Int. J. Psychoanal.* 34: 89–97.

Fetish as a perverse manifestation in the modern world

T. V. Izumrudova

Izumrudova Tatyana V., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor, member of the APCBC Association.

Is modern society ready for the challenges that reality presents to us in the age of rapidly changing technologies, socialization, and the tendency to search for oneself? Is it ready to cope with the loss of what was close and understandable, to accept the loss of the reality in which the individual was. What is behind this anxiety, what manifestations of perversions may be hidden behind a seemingly harmless addiction to a commodity fetish.

Psychoanalysts of various directions throughout the history of perversions have contributed to the study of this issue, but they could not imagine that society would face realities when an individual could experience unbearable anxiety from losing possession of a brand, like the one he may have experienced in childhood.

Keywords: fetish, commodity fetish, perversion, perverse actions, anxiety.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Внутренняя сила лидера*

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, завкафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье представлена новая концепция лидерства, опирающаяся на психоаналитическое понимание профессионального развития личности. Становление зрелым лидером во внешней реальности невозможно без обретения внутреннего зрелого лидерского Я и его постоянного развития. Детально описана психоаналитическая динамика внутреннего лидерства, и показано, что неизбежные внутренние конфликты являются не только ограничениями и препятствиями для профессионального роста, но, напротив, представляют собой необходимые условия для зарождения и развития зрелого лидерского Я. Последнее в этом случае должно взять на себя функции режиссера-руководителя внутреннего театра, в котором на фоне принципиально неустранимого конфликтного противостояния двух основных действующих персонажей – лидера-менеджера и лидера-героя – возникает и развивается конструктивный внутренний диалог между ними.

Ключевые слова: психоанализ, лидерство, теории лидерства, executive коучинг, бессознательное, психология бизнеса, менеджмент, организация, внутренний диалог, внутренний конфликт, бизнес-консультирование.

---

* Эта статья была впервые опубликована в журнале «Психология. Журнал Высшей школы экономики». 2013. Т. 10, № 3. С. 136–148.

Развитие лидера и его внутренней силы состоит в непрерывном поиске правильной дистанции между внутренним лидером-героем и лидером-менеджером, чтобы разлетающиеся искры от их внутреннего диалога-борьбы освещали внутренний мир, но не поджигали его. Именно опираясь на этот внутренний опыт, зрелый лидер и создает необходимое пространство для «искрения» и развития в себе и в своей компании. При этом ему необходимо учитывать как текущее и постоянно изменяющееся соотношение сил лидеров-героев и лидеров-менеджеров внутри компании, так и динамическое изменение внешних условий, в которых развивается организация.

Мы часто говорим о внутреннем Я лидера, подразумевая под этим, что он имеет особенную силу, позволяющую ему быть тем, кто он есть. Объяснение путем введения еще одного неизвестного, кажется, только добавляет путаницы. Откуда у него эта внутренняя сила? Он с ней родился? Он обрел ее в жизненных и профессиональных битвах? Что такое внутренняя сила? Это раз и навсегда дано человеку? Может быть, ее можно купить, получить в наследство или обрести, перейдя на более высокую должность? Если кто-то ее имеет, то может ли он ее потерять? Можно ли ее развить или тем, кто уверен, что у них этой силы нет, остается только смириться с ее отсутствием? Что это за сила? Это способность эффективно контролировать все внутри и вовне себя, железной рукой добиваясь поставленной цели? Или это готовность к встрече с неопределенностью, неизвестным и неизведанным с целью создать что-то принципиально новое, чего еще не существовало до этого момента? Как связаны внутренняя и внешняя сила? Если внешняя сила опирается на внутреннюю, то из какого источника возникает, питается и растет эта последняя? Куда уходят корни нашей лидерской силы?

Один из очевидных ответов на последний вопрос можно дать, опираясь на метафору дерева: чем глубже уходят корни нашего лидерского Я, тем оно устойчивее и сильнее. Если с корнями дерева все более-менее понятно, то куда уходят корни нашего лидерского Я, откуда они черпают питающую это Я внутреннюю силу?

Несомненно, лидер – это тот, кто способен встретиться лицом к лицу с возникающими организационными тупиками, затруднениями, конфликтами и имеет достаточно силы, мужества и компетенций для их конструктивного разрешения в интересах развития компании. В подобной формулировке имплицитно заложено, что лидер должен быть всемогущим руководителем, не имеющим права ни на слабости, ни на ошибки. Классический пример силы и слабости такого лидерства – судьба империи Генри Форда.

В ходе многолетнего опыта психоаналитического executive бизнес-коучинга с руководителями и собственниками российских и зарубежных компаний я постоянно задавал себе вышеперечисленные вопросы и искал на них ответы. Однако настоящие ответы рождались непосредственно в практике нашей совместной с клиентами работы.

Психоанализ и бизнес – что может быть более противоречивым, чем предположение об их потребности друг в друге? Внутренний,

субъективный мир психоанализа с его фантазиями, снами и внешний, реальный мир сурового, подчиненного строгим целям бизнеса. Лидеру бизнеса не нужно бессознательное, оно ему вредит. Уверенность в этом позволяет некоторым специалистам-коучам легко обходиться не только без психоаналитических, но и без психологических знаний.

Что есть человек без души, без внутреннего мира, без бессознательного? Хорошо отлаженный робот, адаптированный к различным запрограммированным ситуациям, эффективно функционирующий и не вносящий посредством своих желаний, эмоций, фантазий и страстей искажений в предназначенный ему путь к результату? Не помнить своего прошлого и жить четкими рациональными целями ближайшего настоящего? Я вспоминаю одного своего клиента, который называл себя Человеком-функцией на работе и Кошельком дома, в семье. Г-н Х. точно знал, что невероятно успешен и при этом ощущал себя глубоко несчастным человеком. Он чувствовал, что создает точно такую же безжизненную атмосферу и у себя в компании.

До какого-то момента все прекрасно работало. Он говорил мне, что «единственное, что требовалось, – это прислушиваться и вовремя подливать машинное масло, если услышишь слабый скрип единого и хорошо работающего механизма». Подобным маслом в его семье были деньги, которые он без ограничений давал своей жене и детям, рассчитывая на их ответную любовь. Мой клиент обратился за коучингом не потому, что не мог больше работать и жить подобным образом. Он перестал понимать, что начало происходить у него в компании. «В них словно дьявол вселился», – сообщил он мне, рассказывая о поведении своих топ-менеджеров. Все внезапно вышло из-под контроля, словно произошло короткое замыкание, обрушившее всю систему.

Когда же она была перезагружена, г-н Х. с удивлением, негодованием и испугом увидел перед собой совсем другую операционную систему – совсем не ту, которую он так долго и трудно создавал долгие годы. Событием, которое привело к короткому замыканию, было внезапное самоубийство одного из менеджеров высшего звена, безропотного человека, которого все любили за его доброту и отзывчивость. В тот момент г-н Х. испытал лишь раздражение от некоторого сбоя в системе и потребность как можно быстрее найти замену выпавшему звену. Он запретил обсуждать этот случай в компании, фактически призвав всех как можно быстрее забыть случившееся и идти дальше. Он быстро поставил другого человека на место выбывшего, и некоторое время все шло хорошо. «Потом какой-то вирус проник в компанию и заразил ее. Первое время я уничтожал его проявления, но он распространился как эпидемия».

Именно так он рассказывал мне о внезапных эмоциональных вспышках в его организации. Ранее спокойные и уравновешенные менеджеры начали орать друг на друга, говорить с ним «сквозь зубы», с еле подавленным раздражением и ненавистью. В довершение ко всему все «обвалилось» и у него дома. Дочь-подросток начала жить своей собственной жизнью, угрожая уйти из дома или сесть на наркотики. Ни подарки, ни угрозы уже не действовали. «Г-н Х. начал открывать для себя, что у окружающих его

людей существует неизвестный для него внутренний мир желаний, эмоций и переживаний», – подумал я.

Гораздо важнее было, однако, то, что все это заставило и его самого по-другому посмотреть на себя и на источники своей лидерской силы. Он так долго боролся со своими чувствами, что ему потребовалось время для того, чтобы обнаружить их жизнеутверждающую и соединяющую с другими людьми способность. Открыв в себе свой ранее находившийся под запретом внутренний мир, г-н Х. смог признать его существование и у других людей, как в компании, так и дома. Это помогло ему устанавливать рабочие отношения на более прочной и глубокой основе, не опасаясь, как раньше, что эмоциональность взорвет все, что он построил.

Проводя с ним психоаналитический коучинг, я спрашивал себя, действительно ли такой тип лидера должен пройти через некоторое «обрушение системы», чтобы усомниться в эффективности «все контролирующего всемогущего» стиля лидерства и получить шанс открыть в себе нечто новое? Был ли он обречен быть рациональным и бездушным, безбессознательным, если бы «случайность» в лице смерти не внесла свои коррективы? Я не знаю, навсегда ли ушел в историю полностью предсказуемый мир конца XIX и начала XX века, но начиная с Первой мировой войны подобные периоды уверенного прогнозирования будущего становились все реже и короче. Не секрет, что сейчас мы живем и работаем в условиях значительной неопределенности и в любой момент могут возникнуть непредсказуемые ситуации, связанные или с человеческим, или с профессиональным существованием.

Ригидный, закостеневший в своих защитах руководитель – карикатура на лидера. Лидерство умирает, если оно не развивается и не становится полноценным творческим процессом, приносящим человеку наслаждение. Если все силы человека брошены на адаптацию и контроль, он становится беззащитным к внезапным изменениям во внешней среде и возрастанию неопределенности. Очень важно, чтобы развитие лидера включало в себя и то, что, казалось бы, совсем не нужно прямо сейчас для достижения ясной и определенной цели. Мой коллега и друг Вадим Петровский ввел важнейшее понятие – «неадаптивная активность» человека. Используя его, я могу утверждать, что лидер, лишенный неадаптивной активности, подобен актеру, который бесконечно воспроизводит в многочисленных ролях свою характерную харизму – играет самого себя. Ставка на эксплуатацию легкого, данного природой пути самореализации или выработанного в течение всей жизни адаптивного стиля работы не оставляет такому человеку возможности для неадаптивного и творческого развития и роста.

Когда на одном из мастер-классов я попросил аудиторию ответить на вопрос «что такое внутренняя сила лидера?», то услышал следующие ответы: «уверенность в себе», «осознание внутренних ресурсов», «сила воли», «самоконтроль», «способность управлять другими», «знание о своей силе», «самодостаточность», «ощущение своей власти», «харизматичность», «несгибаемость», «уверенность во внутренней правоте», «способность к самонаблюдению», «самоанализ», «критичность к самому себе».

и своим решениям», «устойчивость и сохранение целостности», «энергия», «интуиция», «глубинные ресурсы», «мощный потенциал».

Если мы сейчас задумаемся о том, что внутренняя сила может быть сознательной и бессознательной, то обнаружим, что подавляющее большинство ответов относится к вершине айсберга – сознательной составляющей силы лидера, так или иначе связанной с понятием контроля себя и других. Только последние ответы отсылают нас к скрытой под водой бесконечной части айсберга под названием «внутренняя сила».

Это пока еще доминирующее в российской бизнес-действенности представление о сильном лидере как о всевластном хозяине, держащем себя и других под полным контролем и не нуждающемся ни в чьей помощи, постепенно меняется как под влиянием вызовов времени с их непредсказуемостью и неопределенностью, так и благодаря все более активному присутствию на рынке зарубежных компаний с их акцентом на развитии человеческого потенциала. Еще одним важнейшим фактором трансформации этих традиционных представлений является стремительный рост числа руководителей, прошедших обучение в западных бизнес-школах и зараженных духом демократического стиля лидерства.

Однако смысл моей статьи не в очередном пересказе различий между авторитарным и демократическим стилями руководства и лидерства. Лично для меня эти различия хотя и важны, но находятся на той же поверхностной части айсберга. Представим себе, что мы провели опрос среди современных лидеров бизнеса, не разделяя их на собственников и руководителей, на предмет того, какой стиль лидерства и руководства для них предпочтительнее. Большинство из них дало бы нам сознательный ответ о том, что их стиль – это комбинация между первым и вторым в зависимости от текущей ситуации в компании. То есть в результате мы бы снова услышали, что у них все под полным контролем сознания.

И только очень небольшая часть лидеров позволила бы себе порассуждать на незаданную тему – о том, что они чувствуют, что им важно прислушиваться к внутреннему голосу, искать ответы в глубине себя, допустить к рассмотрению самые бредовые идеи, не отбрасывать ничего, что приходит в голову. Они могли бы продолжить и рассказать, что это вызывает конфликт в их душе и желание разрешить его путем выбрасывания всего этого «хлама» в помойку. Но что-то их останавливает и заставляет сохранять в себе пространство для столкновения сознательного, предсказуемого понимания вещей и бессознательного, интуитивного их восприятия. Некоторые из лидеров знают на своем опыте, что именно так и рождаются их самые лучшие идеи и стратегии.

Я точно знаю это, так как иногда я слышу это от клиентов в самом начале коучинга и почти всегда на его завершающем этапе.

Итак, я утверждаю, что лидер – это не внешний, хорошо видимый и кажущийся неизменным и вечным образ человека. Этот внешний образ – как мираж в пустыне, способный так же легко исчезнуть, как и возникнуть, если он не укоренен во внутреннем лидерском Я с его собственной, не настолько сильно зависящей от изменений во внешней среде внутренней силой.

Лидер – это в первую очередь внутреннее постоянно развивающееся в столкновении сознательных и бессознательных сил лидерское Я. Человек еще может не догадываться, что он лидер. Но если в нем развивается такое лидерское Я, то настанет момент, и внутреннее прорастет во внешнюю реальность. Так иногда мы с изумлением обнаруживаем, что неприемный ранее человек вдруг становится настоящим лидером.

Может показаться, что я связываю внутреннюю силу лидера с бессознательным, с его страстью и внутренней свободой – свободой желать, мечтать, фантазировать, строить «воздушные замки» и разрушать их. Это не так.

Фрейд использовал метафору наездника и дикой лошади для описания взаимоотношений сознания и бессознательного человека. Используя эти образы, мы можем сказать, что сознательная сила лидера – это сила пешего человека, в то время как потенциально у него есть возможность обрести силу всадника. С другой стороны, нет ничего опаснее дикой необузданной лошади с ее животной страстью. Если она выйдет из-под контроля всадника и понесет, то нам останется только догадываться о возможных последствиях подобного взрыва бессознательной силы. Свобода опасна и угрожает хаосом, потерей контроля и разрушением. Тотальный сознательный контроль и ригидные защиты против страсти, в свою очередь, «кастрируют» нас, лишая мобильности и гибкости, превращая в уверенного в себе и своих силах малоподвижного, закованного в тяжелые доспехи рыцаря на коне-тяжеловозе.

Риторический вопрос о том, нужен ли лидеру контакт со своим внутренним миром, приобретает тогда следующий образный оттенок. Какой внутренний мир нужен лидеру – закованный в доспехи конь-тяжеловоз или живой, эмоциональный и одновременно своенравный друг-соперник, способный как нести броню в случае необходимости, так и страстно преодолевать большие расстояния, доставляя всаднику ни с чем не сравнимое наслаждение? Рационально мы часто полагаем, что мы предпочитаем бронированную лошадь вследствие постоянно исходящих извне опасностей. Психоанализ, напротив, помогает нам понять, что истинной причиной такого выбора является наш страх собственного «дикого» бессознательного, неизвестных дремлющих внутри нас сил и страстей. Другими словами, вполне обоснованный страх нашего собственного внутреннего бессознательного потенциала.

Итак, мы имеем две крайние возможности. Первая выражается в общепринятом понимании лидера как человека, способного обуздать дикую лошадь и полностью подчинить ее своей воле. Ковбой, всегда уверенный в себе. В этом случае он навсегда теряет контакт с неизвестной животной силой лошади и становится ее «хорошим управленцем». Он точно знает ее сильные и слабые места, знает, как ее побуждать делать то, что ему необходимо. Лошадь становится управляемым ресурсом, от которого невозможно ожидать чего-то принципиально нового и неожиданного. Так лидер-рыцарь превращается в идеального менеджера, хорошего управленца. Его внутренняя сила – это сознательная способность контролировать, управлять, организовывать и достигать предсказуемых результатов.

В начале статьи я привел пример такого «бронезащитного» стиля лидерства. Броня здесь служит не столько для защиты от внешних нападений-изменений, сколько защищает от внутренних врагов – нападений от собственных внезапных эмоций, фантазий, переживаний, желаний и тревог. По убеждению руководителя, последние могут привести к непредсказуемым и опасным последствиям. Подобная броня чрезвычайно важна в большинстве российских государственных компаний-монополистов.

Для любого руководителя низшего, среднего и высшего звена таких компаний жизненно необходимо сделать все от него зависящее, чтобы из-за его внутреннего мира, из-за бессознательного с его желаниями, интуициями, фантазиями и мечтами в заданном сверху движении компании не создавалось ни малейшего отклонения. И при этом неважно, что компания движется в ином темпе и другом направлении. Главное – обеспечить полный контроль. Западным примером успешного следования неизменному, строго заданному курсу служит империя Wal-Mart Сэма Уолтона.

Вторая крайность описана в русских волшебных сказках, где герой, пройдя определенные трудные испытания, получает в дар вошебного коня. Этого коня невозможно приручить, с ним можно только сотрудничать. У него есть тайная волшебная сила, которая в результате и помогает Иванушке стать героем. Высший уровень лидерства здесь выражается идеей: «пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что». Лидер – это тот, кто способен создать такой непредсказуемый продукт (организацию), которого не было даже в его воображении. Нечто, что было бы способно удивить и его самого. Внутренняя сила такого лидера – это способность принять и выдержать неизвестность и неопределенность, дать возможность зародиться в кипящем внутреннем бульоне чему-то непонятному и, может быть, даже пугающему, готовность встретиться с этим рождающимся новым, увидеть его, не испугаться и не отбросить. Однако без волшебной лошади он ничто. И если он теряет с ней контакт, от него уходит вдохновение, интуиция, внутреннее чутье, то он превращается в слабого и неуверенного в себе Иванушку.

Чистых лидеров-героев история, как правило, не сохраняет. В отличие от русской народной сказки, выдающей желаемое за действительное и отдающей победу герою, в суровой бизнес-реальности побеждает царь, забирающий «то, не знаю что» у героя. Если ты не можешь реализовывать свои идеи, ими смогут распорядиться другие. Не думаю, что здесь есть какая-либо национальная специфика – это распространено как в России, так и на Западе и Востоке. Если же человек способен отстоять свою идею, запатентовать ее, то это уже первый и важнейший шаг на пути к ее реализации. Здесь он уже и герой Иванушка, и потенциальный царь в одном лице. Подобная история вряд ли может развернуться в жестко структурированных компаниях с минимумом степеней свободы. Напротив, в компаниях, в которых царит атмосфера «Кремниевой долины», это не только возможно, но и реально происходит.

На Востоке также есть пример атмосферы «Кремниевой долины». Это, как ни странно, корпорация Sony с ее дзен-буддийским, творческим подходом к лидерству. Один из его авторов – топ-менеджер Sony Сигеру

Кобаяси – именно этим объясняет феноменальный успех компании. Отказ от жестких планов, от преодоления преград и достижения результата любой ценой в пользу гибкости, открытости новому, переменам и изменениям – пример ставки на возможности, открывающиеся при творческом стиле лидерства. Ставка на лидера-героя, который может и не оказаться способен реализовать свои идеи, рискованна. «Вы хотите до конца дней своих продавать подслащенную воду или вы готовы пойти со мной и попытаться изменить мир?» – этот призыв лидера-героя, о котором мы бы и не вспоминали сейчас, если бы это не был Стив Джобс, в котором с одинаковой силой уживались и лидер-герой, и лидер-менеджер.

Полное доверие собственному творческому бессознательному и своему желанию «изменить мир» чревато взлетами и болезненными падениями. Полный контроль своей дикой природы превращает нас в потерявшего творческую активность хорошего управленца. Так кто же тогда настоящий лидер и в чем его внутренняя сила?

Если в одной организации окажутся вместе лидер-менеджер и лидер-герой, они, будучи антагонистами, неизбежно будут жестко конфликтовать и порождать серьезные конфликтные ситуации. Ситуация будет развиваться конструктивно, только если над ними будет мудрый руководитель или инвестор, ясно осознающий важность вклада каждого из них. Его задачей будет развести их на нужное расстояние друг от друга. Это расстояние не должно быть таким близким, чтобы их столкновение приводило к короткому замыканию, обесточивающему всю систему управления. Но оно не должно быть и таким далеким, чтобы между ними не возникали искры. Искры – это те самые организационные инсайты, которые позволят не только породить идею, но и реализовать ее.

Однако откуда нам взять такого мудрого Третьего, обладающего достаточной внутренней и внешней силой? Если именно он и является тем самым искомым зрелым лидером, то как обрел свою внутреннюю силу, помогающую так мудро дирижировать лидером-менеджером и лидером-героем? Она основывается на его богатом управленческом опыте? На знании о том, что для развития организации нужен и первый, и второй персонаж? Он прочел об этом в книгах и сейчас реализует это на практике? Его сила в рациональном знании? Он рыцарь-ковбой, который сознательно управляет лошадью, чтобы она «искрила» так, как ему нужно?

Или он чувствует это интуитивно, сам не до конца понимая, почему именно так необходимо поступить в данный момент? Он доверяет своему внутреннему чувству? Голосу? Бессознательному? Тогда он герой, который, как мы знаем, может как совершить чудо, так и больно упасть с лошади. Так откуда же его мудрость, если она, с одной стороны, не следствие полного контроля и рационального понимания и не полное доверие бессознательной интуиции, с другой стороны?

Мудрость такого успешного лидера кроется не столько в его внешнем опыте, сколько во внутреннем. Во внутреннем мире такого лидера живут и постоянно сталкиваются, искрясь, собственные внутренние лидер-менеджер и лидер-герой.

Как же все-таки это все происходит внутри нас? Откуда берутся эти внутренние персонажи? Сначала мы вырабатываем в себе одно Я, потом другое и затем их синтезируем? Тогда мы были бы уже четвертым Я-демиургом, способным создавать все требуемые сущности. И мы опять попали бы в ловушки игр сознания и своего желания контролировать весь процесс своего развития от начала и до конца.

Секрет как раз и состоит в том, что мы принципиально не можем контролировать процесс становления себя как лидера. Мы можем только, как мудрый руководитель, поддерживать нужную температуру – чтобы не было ни слишком горячо, ни слишком холодно. Это как если бы мы были режиссером своего внутреннего театра и сидели бы в первом ряду на репетиции спектакля под названием «Кто я как Лидер?». Полный сценарий этого спектакля не был бы известен никому. Актеры, исполняющие роли лидера-героя и лидера-менеджера и сопутствующих им свит, были бы в курсе только своих ролей, но не знали бы о том, как будет разворачиваться сюжет. Это не известно никому. В какой-то момент на сцену выходит лидер-герой, но режиссер знает, что за кулисами прячется лидер-менеджер, играющий при этом свою скрытую роль. В другой момент они сталкиваются лбами, борются за пространство на сцене, меняются местами. Режиссер может быть пассивен, и тогда мы никогда не можем быть уверены в том, кто победит в этом внутреннем споре. Один может строить, а второй разрушать и наоборот. Если же режиссер – наше третье лидерское Я – берет на себя роль зрелого лидера, то его задачей становится не постепенное или последовательное предоставление сцены каждому внутреннему лидеру и не их интеграция друг с другом, а налаживание между ними конструктивного диалога.

Осознание принципиальной важности существования внутри нас обоих лидеров – героя и менеджера, предоставление каждому из них внутреннего пространства, поддержка их различия и развитие их отличающихся друг от друга внутренних сил с целью их столкновения в конфликте-диалоге и в результате порождение того нового, чего раньше не было, но что может быть реализовано, – это и есть истинная динамика внутреннего лидерства. Быть лидером – это значит быть лидером-режиссером своего внутреннего театра, в котором герой и царь хотя и противостоят друг другу, но не в смертельном поединке «кто кого», а временами конкурируя, временами сотрудничая, но каждый делая свою собственную работу.

Обретая подобное динамично развивающееся внутренне лидерство, руководитель становится зрелым лидером и для своей организации. Этот постепенный процесс обретения зрелого лидерства мы можем ясно увидеть, например, в карьере Джека Уэлча и Стива Джобса. В новейшей российской истории есть достаточное количество подобных успешных зрелых внутренне и внешне лидеров бизнеса. Я не хотел бы называть какие-либо фамилии, так как часть из них – лидеры, с которыми мне приходилось работать и конфиденциальность коучинга не позволяет мне делать этого. Скажу, однако, что я глубоко убежден в том, что истинный развивающийся лидер – это лидер, который не только не боится обратиться за помощью к коучу или консультанту, но считает это абсолютно необходимым

для развития своего зрелого лидерского Я, чтобы уйти корнями глубже в бессознательное и открыть в себе действительно неизведанный потенциал и интуицию.

Наиболее ярко, на мой взгляд, конфликтное сосуществование этих двух внутренних лидеров присутствует у основателя и главы империи ИКЕА, одного из самых богатых людей в мире, Ингвара Кампрада.

В свои почти 87 лет он всегда и во всем подчеркивает свою абсолютную способность контролировать любые свои желания. Будучи мультимиллиардером, он ездит на старенькой Volvo, летает бюджетными авиакомпаниями, вместо такси ездит на автобусе, чтобы воспользоваться скидкой пенсионера. Он хвастался тем, что он уволил своего парикмахера, чьими услугами он пользовался долгие годы, после того как нашел другого, берущего за стрижку только £6.

На открытии его статуи в родном шведском городе он не стал перерезать ленточку, а снял ее и, аккуратно сложив, отдал мэру города со словами, что она еще пригодится для другого события. О бережливости Кампрада ходят легенды. Он объясняет ее очень рациональными соображениями. Если ИКЕА предоставляет клиентам свою продукцию по самым низким ценам, то жесткий контроль затрат должен распространяться на всех уровнях компании.

Эти важнейшие для предпринимателя черты характера Кампрада заимствовал по материнской линии – от своей нестигаемой бабушки, передавшей Ингвару культ самодисциплины и разумности. Семейная история, которую Ингвар впитал «с молоком матери», была трагической. В 1880-х годах бабушка и дедушка Кампрада переселились из Германии в Швецию. Его дед взял кредит в банке и купил ферму Elmtaryd недалеко от деревни Agunnaryd, но оказался плохим фермером и в 1897 году застрелился, когда не смог заплатить по закладной. «Железная» бабушка Ингвара, оставшись одна с тремя детьми, не только договорилась с кредиторами, но, взяв все дела по ферме на себя, постепенно смогла полностью расплатиться с ними. Эта семейная трагедия впечатала в психику Ингвара главный урок: не поддаваться панике, эмоциям и слабости, как дед, все держать под контролем, никогда не сдаваться и идти к своей цели.

Следуя нашей концепции лидерства, кажется, что Ингвар Кампрад – идеальный пример лидера-менеджера, гениального управленца, чей внутренний и внешний мир находится под тотальным контролем. Наездник с непоколебимой волей, твердой рукой направляющий послушного коня в нужном направлении.

Однако все не так просто. У этого крестьянского сына с самого раннего детства появился и другой, волшебный, конь, полученный по отцовской линии. Отец Ингвара – швед, женившийся на дочери его бабушки. Ингвар рассказывал, что он постоянно фантазировал о том, как он построил бы ферму, что переделал бы в ней, как он бы ее эффективно использовал, если бы у него были деньги. Бесплодные фантазии неудачника? Эти фантазии действительно не переходили в конкретные дела. Но именно они зародили в душе мальчика то, что затем сделало из крестьянского сына лидера-героя. Ингвар вспоминает о том, как с самого раннего

детства он проникся этими фантазиями отца и жил в них, строя вместе с ним семейную ферму, покупая для нее мебель и расставляя ее по дому. Благодаря отцу у него была сильная связь с живым бессознательным внутри себя. Но его внутренняя фантазийная жизнь с ее страстностью, желаниями и эмоциональностью не пересекалась с бабушкиной волевой внешней реальностью и с годами оказывалась все больше и больше под запретом. Волшебный конь должен был прятаться внутри, не имея легитимного права выходить наружу.

Отец Ингвара тем не менее не был простым фантазером. За долгие годы он накопил деньги, которые пустил не на ферму, а на образование сына. Ингвар, однако, по своему распорядился ими. В возрасте 17 лет он создал свою маленькую компанию, которая получила свое название от его инициалов и первых букв семейной фермы Elmtaryd и деревни Agunnaryd. Так в названии его будущей империи нашли прямое отражение трагедия и фантазии его семейной истории. Кампрад твердой рукой рыцаря-управленца повел ее к успеху.

Состоялся ли бы этот успех, если бы бабушка внутри него действительно смогла победить фантазера-отца?

Романтическое Я Ингвара Кампрада неразрывно связано с живой природой. Вместо отдыха на море он предпочитает проводить время за рыбалкой, походом за грибами и велосипедными прогулками. Единственная роскошь, которую он себе позволил и которую описывает как «очень дорогое хобби», – это виноградник в Провансе. Кампрад выбрал для своего единственного хобби Прованс – одно из самых романтических мест в мире, которое многие успешные деловые люди рассматривают как свое эмоциональное убежище. Чтобы понять этот дух Прованса, достаточно посмотреть замечательный фильм также владеющего виноградником в Провансе известного американского режиссера Ридли Скотта «Хороший год».

Но главным признаком постоянного присутствия в нем лидера-героя, как это ни странно звучит, является его любовь к крепким напиткам, за которую многие в прошлом называли его алкоголиком. Это, возможно, его единственное «запретное» желание, которое он так и не смог победить. «Я люблю выпить, – говорит он. – Но я знаю, что если три раза в год на некоторое время я не буду устанавливать для себя сухой закон, то это превратится в постоянную привычку. Я должен очищать свои почки и печень».

Моя идея состоит в том, что оказавшийся под тотальным запретом лидера-менеджера, связанного с бабушкиной волей, его волшебный конь, его фантазии и интуиция, не имел права на легитимное существование. Он мог позволять им жить и выходить наружу только в достигаемом посредством принятия алкоголя измененном состоянии сознания – «теряя голову» и ослабляя контроль и цензуру сознания.

Именно поэтому сам Кампрад всегда инстинктивно чувствует значимость алкоголя для себя. Только в последние годы он начал его ограничивать, но даже не стремясь полностью прекратить выпивать. Я убежден, что за этим кроется не только его желание быть более эмоциональным и

живым, но и внутреннее, возможно, совершенно бессознательное знание о своем лидере-герое и потребность в нем для рождения тех самых удивительных идей, которые и помогли ИКЕА стать той самой империей, которой она является сейчас.

В этом смысле Кампрад абсолютно прав, когда утверждает, что его главная идея о сборной мебели могла прийти ему в голову только в пьяном состоянии. Это действительно так. Лидеру-менеджеру это было бы не по силам. Для этого нужен полет фантазии, способность выйти за пределы существующего, правильного, разумного.

Следует ли из всего этого, что если мы хотим быть великими лидерами, то мы иногда должны немного «терять» голову, наше контролирующее все и вся сознание?

И да, и нет. Пример Кампрада показывает, что происходит в случае непримиримого внутреннего противостояния лидера-менеджера и лидера-героя, сознания и бессознательного, воли и фантазии, жесткой реальности и свободного творчества. В его внутренней истории не смог появиться третий – зрелый лидер.

Я абсолютно убежден в том, что если бы у Кампрада была возможность провести серьезную и основательную работу с хорошим психоаналитическим коучем, он не только не потерял бы своей способности вести дела твердой рукой, потребности в фантазиях и эмоциональности, но смог бы, выработав третью позицию зрелого лидера, дать каждому из этих своих важнейших для развития лидерства Я свое собственное легитимное место в своем внутреннем мире. Этот зрелый лидер смог бы наладить конструктивное и продуктивное взаимодействие между лидером-менеджером и лидером-героем. Интересно, каких фантастических результатов в бизнесе он смог бы достичь при этом?! Одновременно и его жизнь была бы более живой, эмоциональной и удовлетворяющей. По крайней мере, он не чувствовал бы вины за то, что позволяет себе наслаждаться Провансом!

Согласно новой концепции лидерства, которую я здесь представил, открытие богатства собственного внутреннего мира с его страстностью, желаниями, фантазиями, мечтами, эмоциональностью – мира чистого творчества, где все разрешено, – важнейшая составляющая становления лидера. Она необходима, но недостаточна. Эта страстная, бьющая через край сила бессознательного и самой Жизни должна быть обуздана и поставлена под контроль сознания, для того чтобы в другой момент выйти на сцену снова. Зрелый лидер – тот, кто способен открыть в себе и лидера-героя, и лидера-менеджера и поддерживать между ними живую, часто очень конфликтную, но ведущую к успеху продуктивную связь.

Такова психоаналитическая динамика обретения лидерства, которое не статично и не может быть обретено раз и навсегда как некий конечный результат, но является бесконечным внутренним процессом профессиональной и личной самореализации и развития.

Leaders' inner strength*

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey V., Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

The article presents a new concept of leadership, which is based on a psychoanalytic understanding of the professional personality development. Becoming a mature leader in the external reality is impossible without acquiring an internal mature leadership Self and its persistent development. The psychoanalytic dynamics of internal leadership is described in detail, and it is shown that the inevitable internal conflicts are not only limitations and obstacles to professional growth, but, on the contrary, represent the necessary conditions for the origination and development of a mature leadership Self. In this case, the latter should take over the functions of the director-manager of the internal theater, in which, against the background of a fundamentally ineradicable conflict confrontation between the two main characters – the leader-manager and the leader-hero – a constructive internal dialogue between them emerges and develops.

Keywords: psychoanalysis, leadership, leadership theories, executive coaching, unconscious, business psychology, management, organization, internal dialogue, internal conflict, business consulting.

---

* This article was first published in the journal "Psychology. Journal of the Higher School of Economics". 2013. Vol. 10. No. 3. Pp. 136–148.

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Нарциссическая перверсия и объектные отношения на примере сериала «Грязный Джон»

К. Федоренко

Федоренко Катерина – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

В современном обществе проблема деструктивных неудовлетворительных отношений, где один партнер оказывает моральное насилие, а другой становится жертвой, стоит особенно остро. Я использую теоретический анализ психоаналитических концепций и работ, касающихся деструктивного нарциссизма, для получения и составления полноты картины нарциссической перверсии и воссоздания портрета нарциссического перверта. Акцент данной работы сделан на исследовании и описании механизмов воздействия перверта на своего партнера, а также на этапах нарциссического соблазнения, которое приводит к разрушению личности жертвы. На примере художественного произведения – сериала «Грязный Джон» – в настоящей статье выявлены и описаны особенности ранних объектных отношений нарциссического перверта и его партнера с первичными объектами, так как анамнез детских лет жизни является ключевым как в формировании перверсии, так и в формировании виктимного поведения. В работе исследовано, какие отношения с первичными объектами делают субъекта склонным стать жертвой нарциссического перверта, а также детально описаны страхи, травмы и потребности такого человека, благодаря которым союз с нарциссическим первертом оказывается комплементарным. С точки зрения практической значимости материалы и результаты исследования, изложенные в данной статье, будут полезны как для психоаналитических терапевтов, работающих с пациентами, склонными оставаться в созависимых деструктивных отношениях, жертвами эмоционального и морального насилия, так и для людей, которые стремятся разобраться в неудовлетворительных отношениях.

Ключевые слова: нарциссизм, нарциссическая перверсия, деструктивные отношения, этапы нарциссического соблазнения, идеализация, обесценивание, объективизация, жертва, комплементарность, первичный объект, механизмы, управление.

В последние годы мы часто слышим слова «нарциссизм», «моральное унижение» и «абыюзивность» применительно к объектным романтическим отношениями. Тема отношений и недовольства ими является предметом оживленных дискуссий и очень важна, так как влияет на качество жизни. Нарциссическая перверсия – она же моральное издевательство – представляет собой не единственную первопричину таких жалоб, но заметную/ощутимую, и отсюда необходимость ее более глубокого изучения. «Перверсия» в переводе с латинского слова *perversio* (*perversus*) означает перевернутый, тот, который изменил свою оригинальную форму. Основная «задача» перверсии – это поменять или заменить изначальную, или истинную, суть любого процесса, поменять ее на противоположную. Перверт меняет природу вещей, заменяет ее смыслом, который ему необходим. Жертвой (далее этот термин будет использоваться для обозначения партнера нарциссического перверта) может оказаться любой субъект и даже тот, кто считает себя осведомленнее большинства; тем не менее в свои партнеры перверты склонны выбирать определенный тип людей. В настоящей статье на предмете романтических объектных отношений, где в роли нарциссического перверта выступает мужчина, а в роли его партнера женщина, сделана попытка исследования тактики построения отношений в таком союзе. Я обращаю внимание читателя на мир нарциссической перверсии, а также на тех людей, которые обычно выбираются в партнеры и задерживаются в таких объектных отношениях продолжительное время.

Настоящая статья строится на гипотезе о том, что пара «нарциссический перверт и его жертва» комплементарна, в качестве примера рассмотрены объектные отношения между главными героями сериала «Грязный Джон». На сегодняшний день существуют работы, которые посвящены деструктивному влиянию нарциссической перверсии на жизнь субъектов, однако важно знать и об обратной стороне медали в таких отношениях – влиянии и роли жертвы. Фигура нарциссического перверта обычно инвестируется сильнее, что делает фигуру жертвы более беспомощной, чем она есть. Намного привычнее жалеть того, кому причиняют боль и обиду, нежели постараться посмотреть на ситуацию объективно, а именно понять, какие компоненты в контакте с первичными объектами делают одного человека более склонным к тому, чтобы привлекать в свою жизнь неудовлетворительные отношения и оставаться в них.

Для начала я опишу личность нарциссического перверта, используя психоаналитические концепции, связанные с формированием у субъекта дефицитарного нарциссизма. Далее я подробно исследую этапы нарциссического соблазнения с примерами из художественного материала, на примере главных героев фильма – Дэбры и Джона. В исследуемой проблематике на первый план вышли причины и условия, по которым жертва готова оставаться в отношениях, где ее разрушают. Для того чтобы понять их, я рассмотрела феномен того, как формируется понимание любви у субъекта (жертвы), а именно – анамнез отношений жертвы со своими первичными объектами в раннем детстве. Паттерны отношений жертвы с первичными объектами могут напоминать механизмы взаимодействия

с нарциссическим первертом. По этой причине я посчитала критически важным обратить внимание на основные механизмы формирования системы эмоциональной зависимости перверта и его жертвы друг от друга. В заключение я предпринимаю попытку обозначить и определить истинные представления о любви у жертвы, а также ее глубинные потребности, которые находят удовлетворение в отношениях морального насилия.

Особенности функционирования нарциссической перверсии

*«У них нет излучения, нет реального тепла,
а существуют только постоянный голод и тайное воровство».*

К. Г. Юнг

Главный герой сериала «Грязный Джон» Джон Михан называет женщин, с которыми строит отношения, своими проектами, что показывает зрителю и читателю главную черту нарциссической перверсии – восприятие других людей как объектов, которые служат удовлетворению потребностей перверта, которое подчеркивает, таким образом, неодушевленное отношение нарциссического перверта к своим жертвам. Говоря о нарциссической перверсии, мы говорим о младенце, который остался на стадии первичного нарциссизма и считает себя и мир единым целым.

В период первичного нарциссизма (первые месяцы после рождения ребенка) младенец воспринимает себя и мать как единое целое, он чувствует себя всемогущим, так как его желания угадываются и удовлетворяются первичными объектами. По мере того как «материнское безумие» утихает, мать вспоминает о своей другой роли – роли жены и инвестирует младенца не так активно. «Цензура любовницы» объясняет появление третьего в диадных отношениях между матерью и ребенком (Жибо, Россохин, 2006). Мать проводит много времени с ребенком, но она также уходит к своему мужчине, с которым получает сексуальное удовлетворение. Теперь в ее мыслях появилось место для другого человека, вся ее энергия посвящена не только младенцу. Третий может присутствовать не только физически, но и в мыслях матери. Важно, чтобы это способствовало удовлетворению сексуальных потребностей матери и для ребенка оставался язык нежности, а не страсти. При таком раскладе младенец начинает понимать, что есть кто-то другой, кто занимает время и мысли матери. Наличие третьего в отношениях между матерью и ребенком способствует здоровому психическому формированию ребенка, а также его способности воссоздавать заботу матери в ее отсутствие. Когда мать начинает отсутствовать, то это дает пространство между слитыми отношениями матери и младенца (*Hotchkiss*, 2003). В этом пространстве начинает появляться сам младенец.

Младенец сталкивается с необходимостью пройти работу первичного горя, когда он осознает, что не тотально самодостаточен, что он нуждается в другом, а другой может иметь свои желания, которые могут не совпадать с желаниями ребенка. Страх (фрустрация) оттого, что младенец начинает осознавать, что он не всемогущ, определяет возможность

в дальнейшем воспринимать себя и мир не как единое целое, а также показывает структуру и наличие времени ребенку. В нарциссической перверсии не проделана работа первичного горя, а значит, субъекту не удалось признать то, что другой не принадлежит ему, имеет свои желания, потребности. Субъект все еще живет в иллюзии, где он всемогущ и обладает архаическим магическим мышлением. Андре Грин (1982) говорил об «одолженном нарциссизме», который характерен для пограничного функционирования, где находится нарциссическая перверсия. Субъект вынужден одалживать нарциссизм у других, так как его первичный нарциссизм не был достаточно напитан в детстве. Работа репрезентаций становится невозможной, а также усиливается расщепление важных частей Я. Другой используется в качестве донора недостающих ресурсов, как недостающая часть младенца, которая нужна для удовлетворения его нужд, как когда-то грудь матери.

Постепенно ребенок становится старше и требует больше инвестиций со стороны своих первичных объектов. Одна из основных функций матери состоит в том, чтобы контейнировать эмоции своего ребенка. Мать не всегда может сонастроиться и услышать истинные потребности своего ребенка, более того, она может перекладывать свои непроработанные эмоции в младенца, делая его таким образом «контейнером» для переработки невыносимых эмоций и конфликтов. Горячая и сверхсоблазняющая или фаллическая и авторитарная мать не способна удовлетворить истинные потребности своего ребенка. У нее так и не получается услышать его и почувствовать. Ребенок оказывается в позиции того, кто вынужден проделывать не только свою психическую работу, но и психическую работу своего первичного объекта. Он не может понять, где заканчивается он и начинается другой. Контейнер ребенка по сравнению с контейнером матери намного меньше. Он будет вынужден использовать другие объекты для того, чтобы перекладывать на них свою психическую работу. В дальнейшем объекты, которые будут попадаться в жизни этого ребенка, также будут служить контейнером для непереносимых чувств: горя, стыда, разочарования, страхов и т. д. Например, мы можем увидеть это в сериале в поведении главного героя. Он перекладывает в своих бывших партнеров свои непереносимые качества, такие как тягу к разрушению в виде наркомании и алкоголизма, а также асоциального поведения. Он приписывает своим бывшим девушкам пороки, которые присутствуют в первую очередь в самом Джоне. Таким образом, мы можем заметить, как нарциссический перверт избавляется от частей своего Я при помощи того, что перекладывает их в личность другого и тут же обесценивает ее. В мире нарциссической перверсии все субъекты служат объектами-засовами, в которых проецируются и перекладываются непереносимые чувства нарциссического перверта. Нарциссическая перверсия – это защита от конфликта посредством защиты от объекта. Цель данного функционирования не в создании связей, а в разрушении их (Минасян, 2018).

Круг нарциссического функционирования описан Кернбергом (2014) как поиск объекта, «идентификация с которым усилит ощущения самооценности», а также как использование ресурсов объекта, обесценивание,

утилизация (Соколова-Чечельницкая, 2001). Джон – наркозависимый преступник, обвиняемый в преследовании женщин и сидевший в тюрьме. Его выпустили за два дня до знакомства с главной героиней Дэброй, а представляется он ей врачом-анестезиологом, специалистом с благородной профессией с впечатляющим послужным списком. Язык нарциссической перверсии – это язык лжи. Во-первых, через речь перверт запутывает следы своей внутренней пустоты. Внутренняя защита нарциссической личности в угоду ощущению всемогущества искажает реальные исторические факты, если они угрожают самооценке, заменяя их на более желаемые. К примеру: возраст, профессия, увлечения, таланты, прошлые отношения – все, что может нарушить хрупкий мир нарциссической личности, извращается в сторону собственной грандиозности (Шварц-Салант, 2007). Так и в сериале Джон использует те слова, которые больше всего могут повлиять на его потенциальную жертву, посредством вранья он создает фантазийный мир, но не внутри себя, а снаружи. Для того чтобы почувствовать, что фантазии реальны, ему необходимо оживить их при помощи слов и рассказов.

Во-вторых, слово служит оружием для достижения целей. Какая разница, является ли то, что он говорит, правдой или ложью, – до той поры, пока говоримое выполняет свои функции, главное – эффективность (Racamier, 2014). Так и в истории Джона и Дэбры слова, которые говорит Джон, попадают в цель, и главная героиня начинает испытывать ощущение «родственности души», которое так характерно при описании отношений, которые в дальнейшем окажутся деструктивными.

Нарциссическая перверсия – это состояние патологическое, нарцисс не испытывает чувства стыда при аморальных поступках. Субъект переходит из нарциссического расстройства личности в нарциссическую перверсию при помощи действия по отношению к другим людям. За всеми его действиями стоит одна глобальная цель – наполнить свою внутреннюю пустоту и дефицитность, ведь идентификация так и не удалась. Внутри нарциссического перверта – пустота, голая и холодная, как жизнь младенца, которого не наполнила своей любовью мать (Kernberg, 2014). Отец был отсутствующим, недоступным, обесценен и выкинут из отношений матерью. Отец как метафора закона, принципа реальности, принципа различия полов и поколений не может выполнять свою главную функцию запрещающей инстанции. Ребенок занимает место отца, отец ликвидирован, и вместе с ним ликвидированы чувство вины, кастрационная тревога, символизация, наблюдается частичное отрицание принципа реальности. Все это служит маркером перверсии или психопатического функционирования (Перельберг, 2012).

Мать, которая путает язык страсти с языком нежности, посылает ребенку не те сигналы, перевозбуждая его. «В психологическом измерении матери не остается места никому, кроме пары "мать и дитя"» (Эльячэфф, Эйниш, 2018). Ребенку приходится занимать место отсутствующего родителя и примерять его роль на себя. Инцестуозный семейный климат представляет собой одну из основных причин формирования нарциссической перверсии. Важно отметить разницу между двумя терминами, которые

могут быть восприняты как один – «инцестуозность» и «инцест». Первое означает климат и фантазии, которые наполняют семью или отношения. Второй – это глагол, который относится к действию. Ребенок выбирается продолжением нарциссических фантазий матери, ее желаний. Он становится «избранным фигурантом», послом семьи во внешней реальности, который должен реализовать семейный мандат. Инцестуозный климат, который царит между матерью и ребенком, будто бы намекает без слов на то, что сексуальные отношения между ними возможны (*Racamier, 2014*). Он должен реализовать желания, которые уже не только материнские, но и семейные. На нем лежит много ответственности и роль, которую он не выбирал. Такой ребенок получает ощущение, что он особенный, что ему не писан закон, что он может больше других, так как на нем лежит определенная высшая миссия. Он является продуктом незаконченного первичного горя матери, которая сама в свое время не прошла этап горевания и теперь использует ребенка для своих инцестуозных желаний. Фигурант сверхинвестирован за счет нарциссического либидо, а не объектного либидо своей матери. За ним закрепляются роли, которые он будет играть.

Идентификацию с отцом не получается обрести, ведь связь с ним очень слабая или отсутствующая, так как он (отец) так и не появился в паре. Все, что остается ребенку, это быть похожим на мать и не получать психической возможности на отношения, которые не являются диадными. Идентификация таких людей может считаться диффузной, неопределенной и является особенно патогенной для формирования сексуальности мужчины (*Khan, 1989*).

В многосерийном фильме «Грязный Джон» мы видим подтверждение этих слов в том, как ведет себя главный герой. С помощью личности своей бывшей жены-медсестры Джон заполняет свою дефицитарность, забирая ее профессию и частицу идентичности себе. Когда та обучила его всему, что знала, он оставил ее и своих детей и перешел к другой жертве, что еще раз указывает на обращение с человеком как с вещью, выбрасываемой за ненужностью, когда у нее истекает срок годности. Мы можем наблюдать жизненный цикл перверсии: идеализация-обесценивание-утилизация. Нарциссической перверсии присущи два состояния – бред величия или ощущение собственной никчемности, поэтому в контакте с другими используется чаще всего механизм идеализации и обесценивания. Для нарциссической личности жизненно необходимы блага, которыми обладает его партнер, но показать и признать это было бы равноценно признанию собственной обычности. Он не может признать свою необходимость в другом и поэтому не испытывает благодарности, хотя умело изображает ее. Со стороны он может показаться учтивым и с хорошими манерами, но это будет маской, за которой прячется презрение.

Следующей жертвой Джона в сериале «Грязный Джон» становится Дэбра Ньювелл – успешная во всех сферах женщина, она известный дизайнер интерьеров, добрая и любящая мать, а также хороший друг, но все-таки у нее есть одна сфера, которая никак не может получить удовлетворения – сфера романтических отношений. Она испытывает сильный дефицит в крепком и надежном мужском плече, разочаровавшись

в свиданиях, начинает думать, что нашла в Джоне того, кого так долго искала. Для Джона она является воплощением того, чего у него никогда не было и о чем он так страстно мечтал, – высокого статуса, финансового изобилия и сильной, наполненной идентичности. Джон обладает разорванной идентичностью, что означает, что у него нет внутреннего понимания и осознания себя, своих желаний и конфликтов, он безуспешно ищет ее (идентичность) и тянется к человеку, у которого она ярко выражена. Бессознательно он испытывает сильную зависть к такой личности, но допустить ее в сознание было бы «слишком мелко». Зависть – желание обладать тем, что тебе не принадлежит и у тебя отсутствует, но в чем ты ощущаешь сильную потребность, как когда-то в груди матери (Klein, 1958). При неудовлетворительном контакте с грудью (бытовыми проблемами), как, например, недостаточное поступление молока, боль в животе от него и другое, у младенца может сформироваться негативное отношение к изначально хорошему объекту. Если чувство зависти превалирует над другими чувствами и в психике младенца еще не сохранился «хороший объект», то в дальнейшем это приводит к тому, что такой человек не сможет утвердить другие «хорошие объекты» в своей психике и будет испытывать сильную зависть в контакте с ними. Зависть и агрессия движут нарциссическим расстройством (Segal, 1997).

Главный герой Джон старается произвести правильное впечатление на Дэбру, у него есть цель – добраться до ее финансового благополучия. Для этого он надевает маску врача-анестезиолога, честного и бедного мужчины, который обладает всеми необходимыми качествами для построения надежной и крепкой семьи, ведь в этом главный дефицит его жертвы. Дэбра ищет мужчину, с которым можно будет построить семью, для которого она будет на первом месте, она видит в мужчине своего защитника перед социальными невзгодами и семейными конфликтами. Джон идеально перевоплощается в такого: он заступает за Дэбру в конфликте с ее дочерью, отвозит и забирает героиню с работы, предлагает ей хранить деньги в его ячейке, проявляет предусмотрительность и устанавливает камеры по всему дому. Он всячески создает видимость той жизни и той личности, о которой мечтала главная героиня, он транслирует ей свою заботу и привязанность, хотя по факту все, что он делает, – говорит правильные слова в правильное время. Близкий круг Дэбры видит Джона таким, какой он есть, и чаще всего в контексте нарциссической перверсии друзья и родственники жертвы сразу отмечают негативные качества характера и испытывают неприязнь к перверту, так как для них ему не нужно притворяться. Внутри главного героя переполняют злость, ярость и недовольство, так как им правит глубинное ощущение, что все блага должны принадлежать ему. Этот конфликт движет первертом – другой ему витально необходим, но признание этого грозит разрушением грандиозности и уникальности самомнения, поэтому такое желание не осознается и отрицается (Eiguer, 2008).

Джон ощущает себя всемогущим, всемогущим, он считает, что его поступки могут сойти ему с рук, он будто бы ощущает свою избранность и особенность по сравнению с другими людьми. Такое внутреннее

ощущение и полное отсутствие эмпатии, сопереживания и чувства вины делают нарцисса безупречным в достижении поставленных целей, ведь ему легко удастся переступить морально-этические принципы. Другого как личности для Джона не существует. Существует элемент или объект, чьи желания не берутся в расчет, так как важна его функциональность. Джон просит свою любовницу-наркоманку проникнуть к ним в дом и напасть на Дэбру, в свою очередь он выступает защитником в этой сцене и подводит главную героиню к необходимости установления камер слежения по всему дому и офису, таким образом получая возможность следить за ней в любое время. Данный пример указывает на отношение к субъектам как к неодушевленным фигурам, которые выполняют свою роль, себе же Джон выделяет роль Сверх-Я, Бога, того, кто управляет процессами. Ощущение всемогущества – черта, характерная для нарциссических объектных отношений (*Rosenfeld, 1971*). Такой человек вырастает с представлением о себе как о всеильном, о том, кому удалось обойти все правила и законы благодаря отрицанию фантазии о первосцене. Нарциссические пациенты склонны верить, что они сами дали себе жизнь, и всякая мысль, которая ставит под угрозу такое мнение, вызывает желание разрушить ее.

Этапы нарциссического соблазнения

Для того чтобы объяснить, как образуется связь между Джоном и Дэброй, я опишу четыре стадии нарциссического соблазнения, с которыми сталкивается жертва. На первой этапе Джон подглядывает за жертвой, собирая досье о ее предпочтениях (см. *рис. 1*). Невероятно чувствительный радар перверта считывает потребности своего партнера, его ценности и перевоплощает его в того героя, которым его хотят видеть. У Дэбры в жизни уже было три развода и череда неудачных свиданий с мужчинами, которые говорили только о себе и не проявляли и доли интереса к личности главной героини. Она транслирует потребность быть услышанной, которую считывает Джон. «Давай лучше поговорим о тебе. Я так хотел бы услышать, что ты думаешь», – говорит ей главный герой, попадая этим в цель. Находясь в постоянном движении, перверт знает одну тактику взаимодействия с «полезными» людьми – убедить их в своей особенности, чтобы те взамен сдали себя на пользование (Хотчкис, 2011). Джон аккуратно собирает досье: желания, мечты, ценности, социальный и финансовый статус героини. Таким образом он сооружает некий компас, который поможет ему понять, что ищет его жертва, и создать видимость того, что у него это есть.

Особым оружием в работе нарциссического перверта является слово. Он мастерски владеет даром убеждения, может говорить и своими словами завораживать (*Grunberger, 1979*). Нарциссический перверт – это идеальный соблазнитель, он обладает мощной интуицией и знает, что и в какой момент нужно сказать. К примеру, зная серьезность отношения главной героини к воскресной службе, он говорит ей о своей набожности и пускает скупую мужскую слезу во время речи пастора. Он также активно делится выдуманной информацией по поводу своей работы в больнице,

Рисунок 1

рассказами о пациентах, которым он помогает каждый день, создавая таким образом нужный образ в глазах Дэбры.

На втором этапе нарцисс отражает своего партнера, за счет чего создает впечатление родственности души, что позволяет мгновенно сократить дистанцию между партнерами. Я вижу этот этап фундаментальным в построении такой пары, поэтому он будет описан наиболее детально. Отношения начинают развиваться стремительно, через этап так называемой мании, когда все эмоции гиперболизированны (см. *рис. 2*). К примеру, в более традиционно «здоровых» отношениях, для того чтобы зародилось чувство любви, необходимо время. Чтобы узнать другого человека иначе, субъект влюбляется не в реальную личность, а в иллюзию и проекцию той любви, которая живет у него внутри. В отношениях, которые разыгрываются между нарциссическим первертом и его партнером, нет места узнаванию другого, ведь другого в этих отношениях как такового нет. Дэбра влюбляется в Джона, когда он отзеркаливает ее собственные качества (Соколова, Чечельницкая, 2001).

Постепенно Джон становится незаменим для Дэбры, это происходит за счет того, что он заполняет зоны ее неуверенности поддержкой и силой, он инвестирует те сферы, которые ранее находились в сильном дефиците. Он делает каждое утро ей сок из фруктов, он проверяет температуру воды перед тем, как она примет душ, он выдавливает ей пасту на зубную щетку, становится на сторону Дэбры в споре с ее дочерью – он дарит ей видимость заботы (см. *рис. 3*). Что же он получает взамен? Ее машину в свободное пользование, арендованный дом, доступ к ее финансам, а также новую одежду и украшения. Он дает слова, а получает действия.

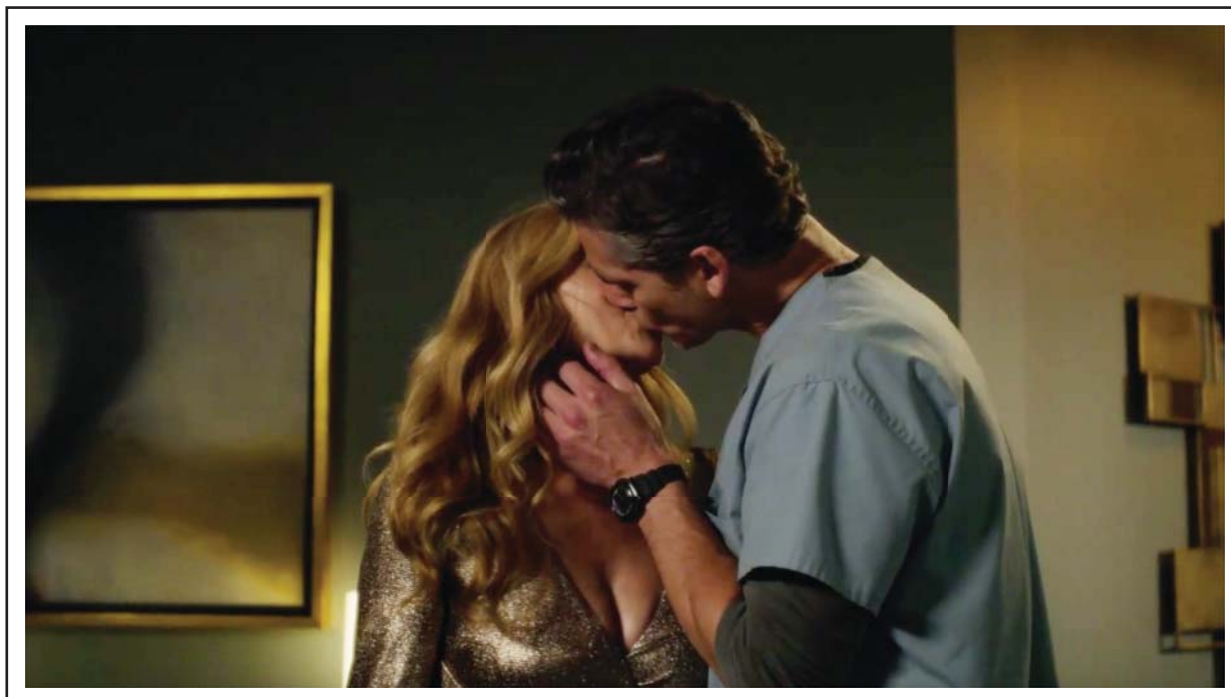

Рисунок 2

Рисунок 3

Создается прочная система зависимости жертвы от перверта, потому что он выделяет ее и признает уникальной. Дэбра наделяется ощущением грандиозности, уникальности и индивидуальности в контакте с Джоном и со временем начинает улавливать страх лишиться этих ощущений.

Большим и громким звонком в отношениях между нарциссическим первертом и жертвой становится жестокая выходка перверта, которую психологи назвали «холодный душ» (*Vaknin, 2020*). Перверт делает что-то

очень неожиданное, парадоксальное для той личности, которую он изображал, его действия причиняют боль и страдания жертве. Жертва начинает искать причину такого поведения в себе, она чувствует, что совершила ошибку, а нарциссический перверт поддерживает ее ощущения. Партнер нарциссического перверта обладает набором черт характера, к которым испытывается сильная бессознательная зависть. Эти качества в дальнейшем будут разрушены и лишены ценности. Например, у нарцисса дефицит в сфере собственной реализации. Он находит партнера, который будет уверен в своих профессиональных способностях, амбициозен и интеллектуально сильно развит. Шаг за шагом нарцисс будет «кидать камни» именно в эти качества, используя доверие, которым его наделил партнер, пока у жертвы не начнет закрадываться ощущение собственной несостоятельности, неуверенности и бессмысленности стараний. Таким образом уничтожив то, что так желаемо в объекте, нарциссический перверт поднимается на ступень выше этого объекта и возвращается к ощущению всемогущества.

Механизмы управления жертвой

Для деперсонализации своего партнера нарциссический перверт использует различные механизмы. Один из них – парадоксальное предписание, когда нечто наделяется двойным значением (*Racamier, 2014*). Когда-то в детстве двойные послания от родителей сформировали в нарциссе патологическую структуру, ребенок не мог понять, что ему нужно делать, есть или спать, уйти или остаться, сейчас в сознательном возрасте двойными посланиями нарцисс приводит своих жертв к дезориентации (*Hotchkiss, 2003*). Расщепление, которое характерно для первертной структуры, зацементировано, и к нему нет доступа, поэтому перверт не ощущает своих страданий. Зато окружение в полной мере ощущает на себе всю катастрофичность и тяжесть внутренней боли перверта путем обретения психических частиц перверта в себе. Парадоксальное предписание срабатывает таким образом, что на один вопрос нет правильного ответа, а любая вариация вызовет взрыв гнева в нарциссическом перверте. Первоначальной целью становится не построение коммуникации, а разрушение ее. Нарцисс вносит раскол в сознание жертвы и ослабляет ее способность критически мыслить (*Racamier, 2014*).

Он косвенно запугивает жертву своими требованиями. Нарциссический перверт бросает упреки в своих рассказах в адрес неких третьих лиц, которые отдаленно напоминают нынешнюю жертву или выступали раньше на месте объекта перверсии. Таким образом нарцисс предупреждает свою жертву о том, что от нее ожидается, какой ее хотят видеть и что в поведении недопустимо. Эта мощная манипулятивная тактика особенно действенна, так как ставит перверта на место судьбы, а привлечение примеров, относящихся к другим, резонирует с ощущением общности у индивида и приводит к сомнению по поводу собственной функции Сверх-Я (*Эйгер, 2017*) (см. *рис. 4*).

Рисунок 4

Джон говорит Дэбре: «Было бы неплохо, если бы ты поставила себя на первое место, а не жертвовала всем ради детей», – таким образом занижая значимость Дэбры в том случае, если она не выполнит указание. У нее активизируется механизм «заслуживания» любви, ведь она боится быть покинутой и становится зависимой от одобрения со стороны Джона. Любая «ошибка» жертвы служит способом занизить ее значимость и обесценить ее в дальнейшем. Жертва одержима сильной тревогой совершить ошибку и потерять расположение своего партнера, а также фрустрирована боязнью быть брошенной. Она становится податливой и разрешает неудовлетворительное поведение и моральное насилие по отношению к себе (Кривуля, 2018). Вместо того чтобы закрывать свои границы и отдаляться от объекта, который наносит ущерб, она транслирует положительное подкрепление и становится заложницей механизма дофаминовых качелей.

Обещанием можно стимулировать человека не меньше, чем самим вознаграждением. В эксперименте на крысах, проведенном Джеймсом Олдсом и Питером Миллером в 1953 году, им направляли электрический заряд в зону мозга, которая отвечала, как думали ученые, за удовольствие (Макгонигал, 2022). Далее, получив возможность самостоятельно управлять электрическим импульсом, крысы неустанно нажимали на рычаг, забыв про все остальное – еду, воду, детей, несмотря на то что удар током приносил им боль. В дальнейшем центр, куда попадали заряды, был назван частью системы вознаграждения мозга. Соответственно, электрический импульс не давал удовольствие, а лишь обещал его. Ощущение, что удовольствие вот-вот придет, делало крыс одержимыми и привязанными к тому, что приносило им физическую боль. Отношения между

нарциссическом первертом и его партнером строятся на таком же механизме: Джон давал Дэбре иллюзию удовольствия, обещание, что оно когда-то наступит, мотивируя ее терпеть и подстраиваться.

До того чтобы стала возможной полная зависимость жертвы от нарцисса, необходимо сократить количество социальных контактов у нее. Джон показывает важных для Дэбры людей, ее друзей и родственников, в выгодном для него свете – обесценивает их в глазах своего партнера, настаивает на исключении их из ее жизни. Постепенно Дэбра добровольно минимизирует общение с семьей, так как начинает верить в то, что они могут разрушить ее отношения. Таким образом круг друзей, коллег и родственников в жизни жертвы сильно сокращается, и она становится более зависимой от мнения своего партнера и вedomой (см. рис. 5).

На третьем этапе нарциссического соблазнения у жертвы медленно исчезает возможность адекватно тестировать реальность и критически мыслить, ее партнер воплощает главный ориентир для нее, он становится ее Сверх-Я. Дэбра становится все более покорной, как и следует партнеру агрессора, она движима иллюзией отыграть отношения назад к первичной фазе. «Но происходит всегда наоборот: слишком явное послушание действует как вызов» (Hirigoyen, 2020).

Четвертый этап – это психологическая смерть жертвы. На данном этапе чаще всего нарцисс расстается с жертвой, так как все ее способности и силы утилизированы и смысла находиться в этих отношениях больше нет. Это не значит, что он оставляет ее навсегда, ведь такие зависимые отношения могут продолжаться очень длительное время.

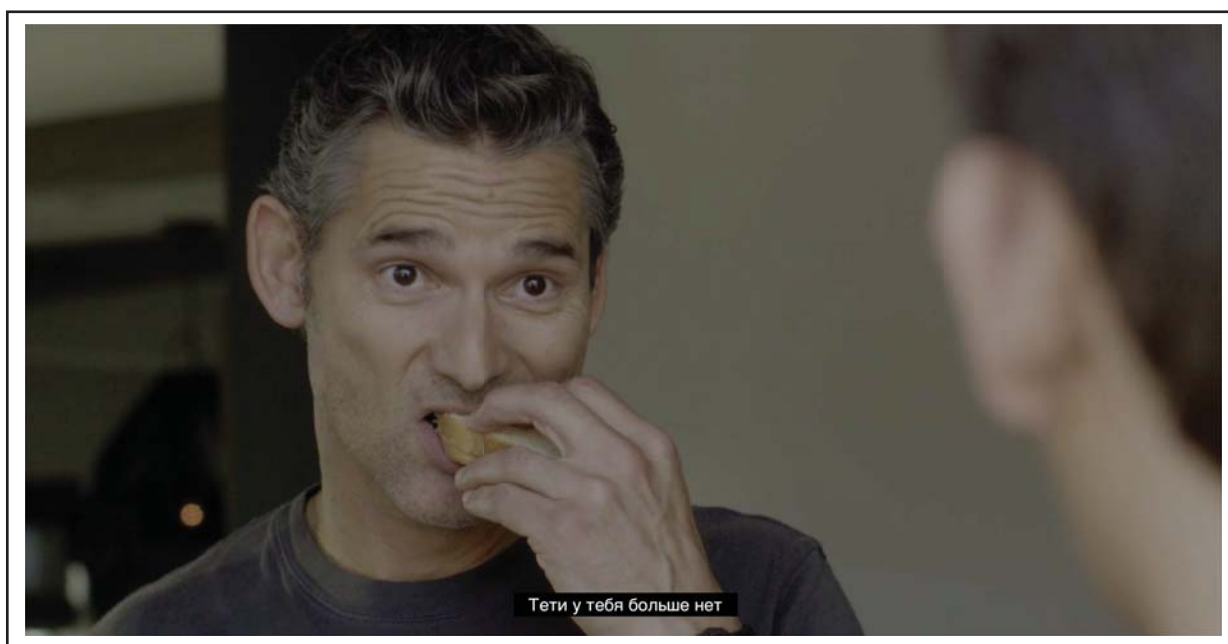

Рисунок 5

Внутренний мир жертвы

Как получается так, что Дэбра, обладая критическим мышлением, ярко проявленной идентичностью и успехами в карьере, теряет эти способности при общении с Джоном? Жертва готова оставаться в отношениях, где ее разрушают, так как она имела похожий опыт отношений в детстве со своим первичным объектом. Фигура первичного объекта (матери, отца или тех, кто их заменял) в анамнезе жертвы имеет ключевое влияние на формирование личности, склонной задерживаться в неудовлетворительных отношениях морального насилия.

Даже если отношения с первичными объектами были неудовлетворительными, привязанность у такого субъекта все равно формируется, но он вынужден подстраиваться под такие отношения, не имея возможности покинуть их (Боулби, 2022). К примеру, мать главной героини Арлэйн – холодная и сдержанная, не проявляет чувств, возле нее мало околломатеринского пространства. У ребенка формируется сильное желание заслужить любовь первичного объекта, получить от него одобрение. Это можно сделать, к примеру, если постоянно «приносить» матери свои заслуги, победы, триумфы, а также избегать любого повода для ее огорчения. Такая личность, как Дэбра, ведома большим страхом быть отвергнутой, поэтому она будет всячески инвестировать отношения для того, чтобы сохранить их. Во-вторых, такая мать, как у Дэбры, всегда отдает мужчине первую по важности роль в своей жизни и зачастую не оставляет в ней места для своих детей, у нее нестабильная эмоциональная реакция на своих детей – иногда холодная, иногда горячая, иногда отсутствующая. Важно то, что эта реакция не всегда соответствует реальности, она не всегда соотносится с серьезностью поступка и делает фигуру первичного объекта непредсказуемой и также формирует у ребенка слабую опору на себя и вынуждает его считывать реакции преждевременно.

Мы видим, что еще в анамнезе детско-родительских отношений формируется механизм эмоциональных качелей. Отношение с первичным объектом, где реакция на ребенка напоминает эмоциональные качели, под которые необходимо подстраиваться, сохраняет этот механизм в психике ребенка и переносит в другие объектные отношения. Ребенок вынужден вырабатывать паттерн, который помогает ему все время чувствовать настроения первичного объекта, чтобы не быть покинутым (Маллер, Пайн, Бергман, 2011). К тому же в художественном примере показано, что Арлэйн набожна, она самоотверженно стремится вызвать социальное одобрение, она хочет быть «примерной матерью», опирается во всех вопросах на Библию, тем самым обесценивая свои собственные чувства и мысли, внушая важность идеи самопожертвования своей дочери (Эльячефф и Эйниш, 2018) (см. *рис. 6*).

В такой семье негласно транслируется, что негативный поступок постороннего человека может быть оправдан. Ребенок растет с ощущением, что ему необходимо получать подтверждение правильности своих действий и мыслей из внешнего мира, с неустойчивыми личными границами, а также с заниженной самооценностью и слабой внутренней опорой.

Рисунок 6

В более зрелом возрасте такая личность в силу ненапитанности первичного нарциссизма склонна стремиться к достижению высот и успехов, она ставит личные отношения на первое место и готова жертвовать своим комфортом, безопасностью и желаниями ради их сохранения. Для жертвы важны межличностные отношения, они обладают особой ценностью, так как в них можно получить утешение и поддержку. Нужда в поддержке является крючком для управления таким человеком в отношениях с нарциссическим первертом. Также сильно развитое чувство вины поддерживает у жертвы ощущение собственной неправоты и гордости за тяжелую ношу, которая ложится ей на плечи (Hirigoyen, 2020). Таким образом, портрет партнера нарциссического перверта состоит из определенных особенностей характера, которые были заложены в детстве, в отношениях с первичным объектом, и которые выходят на первый план в новых отношениях уже в зрелом возрасте.

В исследуемой теме центральным становится вопрос о том, какую именно любовь ищет жертва и какое поведение бессознательно воспринимается как истинное проявление глубинных чувств со стороны партнера. Во-первых, глубоко внутри жертва ощущает свою «недостаточность» и ожидает, что в ней будут сомневаться. Нарциссизм таких людей не имеет четкой опоры, он не до конца устоялся, и поэтому зачастую их успех в социальной и профессиональной жизни обусловлен необходимостью получать подкрепление своей значимости. Любая негативная реакция важного объекта ассоциируется с недостатком любви со стороны жертвы, с желанием активнее инвестировать в отношения, а не отдалиться. Такой человек ощущает свою внутреннюю неполноценность и склонен искать причину конфликтов в себе, а также брать всю ответственность за разрешение их на себя. Можно сказать, что в межличностных романтических отношениях жертва склонна необъективно тестировать реальность и легко поддаваться критике и манипуляциям. Более того, отсутствующая и негативная реакция партнера усиливает привязанность жертвы – пробуждает желание из отношений с первичным объектом заслужить его любовь. Парадоксальные и беспочвенные перемены в настроении нарциссического перверта, его нестабильное эмоциональное реагирование относят жертву к отношениям с первичным объектом. Эти отношения ассоциируются с истинной любовью и формируют прочную систему зависимости партнеров и бессознательное желание жертвы переиграть сценарий детско-родительских отношений, чтобы заслужить любовь недоступного объекта. Связь между первертом и жертвой устанавливается за счет дефицитов, которые существуют у жертвы, и за счет иллюзий, что создаст перверт, чтобы заполнить эти дефициты. Ради этой цели, ради иллюзии возможности получить принятие и любовь, напитать свой нарциссизм жертва вступает и задерживается в отношениях, которые состоят из боли, унижений, подавления и разрушения ее личности, а также других механизмов морального насилия.

Сказанное позволяет заключить, что гипотеза о том, что союз «нарциссический перверт и жертва» поддерживается обоими, подтверждается. Данное исследование дает более полное изображение такой пары, показывая двух партнеров как равных по той причине, что в этих отношениях удовлетворяются потребности обоих. На первый взгляд могло создаться впечатление, что один из партнеров инвестирует в отношения, а другой потребляет, но это ошибочное мнение. В союзе оба партнера получают глубинное удовлетворение. Нарцисс получает объект-контейнер, куда можно проецировать свои непереносимые и неосознаваемые чувства, сам он не соприкасается с ними. В своей стратегии он жаждет забрать кусочки личности другого для того, чтобы найти себя, но это невозможно – нельзя заполнить черную дыру. Жертва в отношениях с нарциссом надеется переиграть сценарий отношений с родителями, она стремится заслужить любовь недоступного первичного объекта. Реакция, которую она получала в детстве – обжигающая или леденящая, нестабильная, – очень напоминает эмоциональные качели, которые являются константой отношений с первертом. Жертвой нарциссической перверсии потенциально

может выступить любой человек, но важно то, кто задержится в этих отношениях надолго – это тот субъект, который будет искать подтверждения своей значимости вовне и хранить в бессознательном похожий опыт отношений с первичными объектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боубли Д.* Создание и разрушение эмоциональных связей. «Канон»+ РООИ «Реабилитация», 2022.
2. *Грин А.* Нарциссизм жизни. Нарциссизм смерти. Послесловие. Я смертное-бессмертное // Клинический психоанализ. Ключевые тексты французского психоанализа. 1982. С. 6–10.
3. *Жибо А., Россохин А.* Психоанализ во Франции, или Как научиться жить с неопределенностью // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб., 2005. С. 18–19.
4. *Кривуля Н.* Нарциссический перверт. Кто он на самом деле? [Электронный ресурс] URL: <https://psychoanalytic.com/vsem/narcissicheskij-pervert-kto-on-na-samom-dele/>
5. *Макгонигал К.* Сила воли. Как развить и укрепить. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022.
6. *Маллер М., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / Перевод Шадрова Е. А, Перова Е. А. М.: Когито-Центр, 2018.
7. *Минасян И.* Концепция инцестуозности П. К. Ракамье и ее применение в современном психоанализе // Московская группа психоаналитиков [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://mgpsy.ru/kontseptsiya-intsestuznosti>
8. *Перельберг Р.* Убитый отец, мертвый отец: переосмысление эдипова комплекса // Международный психоаналитический ежегодник. № 2. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 177–203.
9. *Соколова Е., Чечельницкая Е.* Психология нарциссизма. М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2011.
10. *Тришкин Э.* О роли нарушения процессов триангуляции и сепарационной тревоги в психогенезе перверсий // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://psyjournal.ru/articles/o-rol-i-narusheniya-processov-triangulyacii-i-separacionnoy-trevogiv-psihogeneze-perversiy>). Просмотрено 02.02.2022.
11. *Хотчис С.* Адская паутина. Как выжить в мире нарциссизма. Санкт-Петербург: Независимая фирма «Класс», 2011.
12. *Шварц-Салант Н.* Нарциссизм и трансформация личности. Психология нарциссических расстройств личности. НФ Класс, 2007. 296 с.
13. *Эйгер А.* Оскорбление интимности // Психоаналитическая антропология / Перевод Вашингтон Н. [Электронный ресурс]. 2017. URL: https://iphgas.ru/uplfile/root/biblio/phan/2017_1/100-116.pdf
14. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери. Третий лишней? М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018.

15. *Eiguer A.* (2008). Fear of freedom and family violence. *International Review of Psychoanalysis of Couple and Family* (p. 7–21) <https://aipcf.net/revue/wp-content/uploads/2017/07/download-5.pdf#page=7>
16. *Grunberger B.* (1979) *Narcissism*. N.Y.
17. *Hirigoyen M. F.* (2020). *Stalking the Soul*. Helen Marks Books, pp.19–25.
18. *Hotchkiss S.* (2003). *Why is it Always About You? The Seven Deadly Sins of Narcissism*, Free Press 240.
19. *Kernberg O. F.* (2014) An overview of the treatment of severe narcissistic pathology, *The International Journal of Psychoanalysis*, 95:5, 865–888, DOI: 10.1111/1745-8315.12204
20. *Khan M.* (1989) *Alienation in perversions*. Maresfield Library
21. *Klein M.* (1958) On the development of mental functioning. *International Journal of Psycho-Analysis* 39: 84–90.
22. *Racamier P.-C.* (2014). On narcissistic perversion. *International. The International Journal of Psychoanalysis* 95(1). pp. 133–143 doi. org/10.1111/1745-8315.12183
23. *Rosenfeld H. A.* (1971) A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism. *International Journal of Psycho-Analysis* 52: 169–78.
24. *Segal H.* (1997). Some implications of Melanie Klein's work: Emergence from narcissism. In J. Steiner (Ed.), *Psychoanalysis, literature and war*. London: Routledge. pp. 75–85.
25. *Vaknin S.* (2020). *Narcissistic Partner: Admire me, Play with me, Mother me // YouTube.* (<https://www.youtube.com/watch?v=z6nxPiDaieo&t=1165s>)
Просмотрено:02.02.2022.

Narcissistic perversion and object relations

K. Fedorenko

Fedorenko Kateryna, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor.

In modern society, the problem of destructive unsatisfactory relationships, where one partner causes moral violence, and the other becomes a victim, is particularly acute. I use the theoretical analysis of psychoanalytic concepts and works related to destructive narcissism to collect and reflect a complete picture of narcissistic perversion and to recreate the portrait of narcissistic pervert. The focus of this work is on the investigation and description of the mechanisms that help pervert to influence his partner, as well as on the stages of narcissistic seduction, which leads to the damage of the victim's personality. This article identifies and describes the features of the early object relations of the narcissistic pervert and his partner with primary objects using the example of the artwork – series "Dirty John" since the anamnesis of childhood years is the key ingredient in the forming both narcissistic personality disorder and also victim behaviour. The paper investigate which relationships with primary objects make the subject prone to become a victim of narcissistic perversion, and also describes in detail the fears, traumas and needs of such a person, thanks to which the union with narcissistic perversion turns out to be complementary. From the point of view of practical significance, the materials and results of the research presented in this article will be useful for both psychoanalytic therapists working with patients who tend to remain in codependent destructive relationships, for victims of emotional and moral violence, and for people who seek to understand unsatisfactory relationships.

Keywords: narcissism, narcissistic perversion, destructive relationships, stages of narcissistic seduction, idealization, devaluation, objectification, sacrifice, complementarity, primary object, mechanisms, management.